

ГОЛОСЪ ЦЕРКВИ.

Ежемѣсячный церковно-общественный
журналь.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ ТРЕТИЙ.

1914 г. Октябрь.

МОСКВА
ПЕЧАТНЯ А. И. СПЕГИРЕВОЙ
ОСТОЖЕНКА, САВЕЛОВСКИЙ ПЕР., СОБ. д.
1914

С О Д Е Р Ж А Н И Е.

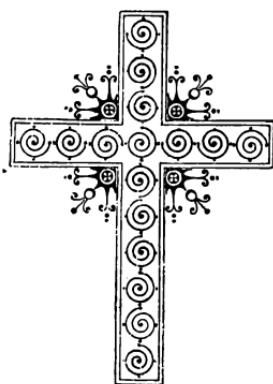
О Т Д Ё Л Ъ П Е Р В Й Й.

	<i>Стран.</i>
1. Пастырский голосъ во время войны. — <i>Владимиръ</i> , Митрополитъ Петроградскій	3— 18
2. Рѣчи по случаю войны. — <i>Макарій</i> , Митрополитъ Мо- сковскій	19— 21
3. Рѣчь, сказанная въ Московской Городской Думѣ 22 июля 1914 г., предъ молебномъ о дарованіи побѣды. — <i>Арсеній</i> , Епископъ Серпуховскій.	22— 23
4. Рѣчь, сказанная въ Московскомъ Политехническомъ музѣѣ 24 августа 1914 г., предъ открытиемъ чтеній для рабочихъ. — <i>Арсеній</i> , Епископъ Серпуховскій .	24— 27
5. Духовный дневникъ. — <i>Арсеній</i> , Епископъ Серпуховск.	28— 35
6. „На всякое время и на всякий часъ“. — <i>А. З.</i>	36— 49
7. Изъ личныхъ духовныхъ переживаній и воспоминаній. — <i>Л. Пребстингъ</i>	50— 61
8. Чѣмъ можно воскресить Русскій Народъ. — <i>В. И.</i> <i>Быковъ</i>	62— 81
9. Подъ громовыми ударомъ. — <i>А.І. Платонова</i>	82— 95
10. Миссионерскія бесѣды. — <i>Православный Миссионеръ</i> .	96—129
11. Ересь. — <i>А. С.</i>	130—138
12. Теософія и христіанство. — <i>Законоуч. при Инстит.</i> Гражд. Инжен. Священ. <i>Михаилъ Чельцовъ</i>	139—148
13. Попытки привлеченія астрономіи къ дѣлу борьбы съ Бібліей. — <i>И. д. доцента Петроградской Дух. Ака- деміи Свящ. В. Зыковъ</i>	149—164

О Т Д Ё Л Ъ В Т О Р О Й.

14. Великъ Богъ Земли Русской! — <i>И. Айвазовъ</i>	165—167
15. Война съ христіанской точки зрењія. — <i>Свящ. Н. Пла- тоновъ</i>	168—178
16. Зеркало жизни. — <i>М. Правдолюбовъ</i>	179—188
17. Бібліографія. — <i>І. А.</i>	189—192

Пастырскій голосъ во время войны.

(Внѣбогослужебная бесѣда Петроградскаго Митрополита Владимира 1914 г. 15 августа).

„Не будь побѣждено зломъ, но побѣждай зло добромъ“. (Римл. 12, 21).

Господи Иисусе Христе, Царю мира, правды и любви! Какъ стыдно, какъ невыразимо стыдно становится намъ, когда мы углубляемся въ Твое слово или поднимаемъ къ Тебѣ, взоръ свой. Уже болѣе девятнадцати вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ началъ Ты дѣйствовать Твою любовью и Твоимъ словомъ между народами, но и доселѣ нѣтъ между ними ни мира, ни любви, и доселѣ сталкиваются въ борьбѣ между собою не только язычники, но и народы, которые называются Твоимъ именемъ и которыхъ возродилъ Ты къ новой божественной и братской жизни. Это—Твои ученики, Твои заблудившіеся ученики. Они употребляютъ свой умъ и свое искусство на то, чтобы изобрѣтать все болѣе и болѣе сильныя средства и болѣе острое оружіе для взаимнаго истребленія. Господи! не отврати лица Твоего отъ насъ ради этого тяжкаго прегрѣшенія; заставь этихъ

людей какъ должно восчувствовать, куда они пришли. Укроти войну, а если по грѣхамъ нашимъ она не можетъ быть прекращена окончательно, то, по крайней мѣрѣ, смягчи ее силою Своего Евангелія. О, Господи, сжался надъ Своимъ бѣднымъ христіанствомъ. Озари лучами Своей благодати эту мрачную ночь народной жизни и употреби постигшее насъ бѣдствіе, какъ врачевство для грѣховъ нашихъ, дабы изъ сѣмени крови и слезъ возрасла для насъ обильная жатва благословенія. Аминь.

Возлюбленные о Господѣ слушатели! Евангеліе заключаетъ двоякій миръ въ себѣ, миръ съ Богомъ и миръ съ человѣкомъ. *Слава въ вышнихъ Богу, и на землю миръ,* такъ воспѣвали ангелы въ ночь Рождества Христова. *Миръ вамъ!* такъ привѣтствовалъ Христосъ въ Пасхальное утро. Самъ Іисусъ Христосъ и есть этотъ миръ. Скорѣе въ природѣ можетъ сойтись вмѣстѣ вода и огонь, день и ночь, чѣмъ Богъ и грѣшникъ. Во всей вселенной нѣтъ ничего болѣе враждебнаго, ничего столь далеко другъ отъ друга отстоящаго, какъ грѣшникъ и Богъ. Грѣхъ есть вражда противъ Бога. Но Богъ, по безпредѣльному Своему милосердію, устроилъ для грѣшника небесную лѣстницу. Эта небесная лѣстница есть Христосъ, Испукитель міра. Вверху стоитъ Богъ, а внизу грѣшникъ. А между ними—благодать; эта благодать есть Христосъ. Къ нему поэому и обращаемся мы съ молитвой: Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшнику! Такимъ и только такимъ образомъ, т. е. чрезъ посредство Іисуса Христа могутъ сходиться Богъ и грѣшникъ. Это тотъ миръ, который, по выраженію Священнаго Писанія, превосходитъ всякий разумъ. Тѣ, которые, по милости Божіей, возраждены къ новой,

святой, неувядаемой жизни, и сдѣлались братьями въ высшемъ смыслѣ этого слова, должны всегда имѣть миръ между собою. Истинныя чада мира не могутъ враждовать и ссориться,—это противно ихъ внутренней природѣ. Но такъ какъ и въ каждомъ христіанинѣ остается еще корень ветхаго, грѣшнаго человѣка, то и Господь и Его святые апостолы настойчиво убѣждаютъ не нарушать этого мира. *Миръ имайте между собою*, говоритъ святый апостолъ Павелъ, *со всякимъ смиренномудріемъ, кротостію и долготерпніемъ, снисходя другъ ко другу любовію и стараясь сохранять единство духа*. Одно тѣло и одинъ духъ, какъ вы и призваны къ одной надеждѣ вашего званія; одинъ Господь, одна вѣра, одно крещеніе, одинъ Богъ и Отецъ всіхъ, Который надо всіми и чрезъ всѣхъ и во всіхъ насъ. Но, несмотря на это увѣщаніе, въ мірѣ иногда бываетъ такъ, что и самый кроткій и самый вѣрный христіанинъ не можетъ устоять въ мірѣ. Всякая вражда или ссора предполагаетъ двѣ стороны. Если одна сторона непремѣнно хочетъ вести борьбу и нападаетъ на другую, съ нарушеніемъ ея права, другая вынуждена бываетъ, какъ дѣлали и Самъ Господь и Апостолы, защищать это свое право. И самъ Апостолъ Павелъ въ своемъ убѣжденіи къ соблюденію мира долженъ былъ оставить пробѣлъ, поставить его подъ условіе. Онъ говоритъ: „*Если возможно съ вашей стороны, будьте въ мирѣ со всіми людьми*“ (Рим. 12, 18). Отсюда вы можете видѣть, что и вѣрный христіанинъ невольно можетъ быть вовлеченъ своимъ противникомъ въ распрю, равно какъ и самый благочестивый и миролюбивый Царь—въ жестокую и страшную войну. О, друзья мои, если и каждый споръ и каждый судебный процессъ имѣетъ уже свою великую опасность, если и во время частной тяжбы пробуждаются дремлю-

щія и развязываются связанныя силы тьмы, то не тѣмъ-ли болѣе это можетъ быть въ международной войнѣ? Вотъ почему слово Божіе и говоритъ: „*Бодрствуйте и молитесь, да не внидете въ напасть... Не будьте побѣждаемы зломъ!*“

Чтобы умѣть твердо стоять во время войны на христіанской точкѣ зрењія, начертаемъ себѣ образъ христіанина во время войны.

Прежде всего нужно знать — откуда происходитъ война. Приведенный нами текстъ говоритъ: „не будь побѣжденъ зломъ, но побѣждай зло добромъ“. Что война и по своему существу, и по своимъ послѣдствіямъ въ большинствѣ случаевъ представляетъ зло, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Чтобы имѣть правильное понятіе о какомъ-бы то ни было событии, мы обыкновенно рассматриваемъ его въ его корнѣ и въ его происхожденіи. Какого-же происхожденія война? По своему происхожденію война есть слѣдствіе грѣха, отпаденія отъ живого Бога. Гдѣ начинается война, тамъ, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ соперниковъ, ведущихъ эту войну, непремѣнно отступилъ отъ Бога и самъ хочетъ быть Богомъ. Но разъ разбита одна скрижаль Моисеева и нарушена одна заповѣдь: „возвлюбиши Бога твоего всѣмъ сердцемъ, всею душою и всѣмъ помышленіемъ твоимъ“, то само собою нарушается и вторая: „возвлюбиши ближняго твоего, какъ самого себя“. Кто уже не боится, не любить и не почитаетъ отца, кто уже не ходитъ предъ лицомъ Его, въ томъ умираетъ и любовь къ братьямъ. Когда Адамъ въ чувствѣ первой гордости нарушилъ миръ съ Богомъ, тогда Каинъ нарушилъ миръ съ своимъ братомъ Авелемъ и убилъ его. Но заглянемъ далѣе въ человѣческое сердце! Отцомъ войны всегда бываетъ ветхій, естественный, грѣховный человѣкъ, а матерей она можетъ имѣть

многихъ, но всѣ онѣ принадлежатъ къ одной семье, называемой семьей страстей. Послѣднія носятъ различные имена: гордости, себялюбія, властолюбія и жадности. Когда на одной сторонѣ эти грѣхи, усиливаясь, дѣстびгаютъ крайняго предѣла, тогда на другой и самый миролюбивый царь невольно можетъ быть вызваннымъ къ войнѣ. Ему необходимо бываетъ въ этомъ случаѣ взяться за мечъ въ защиту законныхъ правъ своихъ и своихъ подданныхъ. Такой царь, какъ и каждый искренній христіанинъ, смотритъ на войну, какъ на неизбѣжное зло. Чѣмъ нибудь лучшимъ она не бываетъ никогда. Она относится къ разряду тяжебныхъ процессовъ, но изъ всѣхъ этихъ процессовъ она—самый страшный и жестокій процессъ, такъ какъ въ немъ доказывается и отстаивается право не мыслями, не доводами и словами, а мечомъ и копьями, порохомъ и свинцомъ. Впрочемъ мы знаемъ, что приговоръ этого страшнаго, такъ сказать судебнаго учрежденія, не всегда благопріятствуетъ тѣмъ, коихъ мы считаемъ болѣе правыми. Глазъ Божій видитъ дальше, чѣмъ нашъ. Побѣдителемъ не всегда бываетъ болѣе правый. Когда согрѣшили два народа, Господь беретъ бичъ для наказанія менѣе виновнаго и оказываетъ Свою помощь болѣе виновному, давая ему взять верхъ надъ противникомъ. Но очень скоро затѣмъ онъ находитъ другой бичъ, чтобы нанести ударъ гордому побѣдителю, который не хочетъ признать себя орудіемъ въ рукахъ Божіихъ, но себѣ самому воздаетъ честь. Припомните Наполеона. Онъ съ своими французами не былъ лучше тѣхъ князей и народовъ, съ которыми вѣль войну и, однако, послѣдніе терпѣли пораженіе за пораженіемъ. Богъ наѣздалъ эти народы за ихъ отпаденіе отъ Него, за ихъ холодное самолюбіе, за ихъ невѣрность и немиролюбіе между собою. Но когда это было сдѣлано,

и когда покоренные народы раскаялись и обратились къ Богу, тогда въ нашей Россіи нашелъ Онъ бичъ для пораженія и вразумленія гордаго тирана. Отсюда узнаемъ мы, какъ Всесильный и Всемогущій Богъ относится къ войнѣ. Онъ есть Богъ мира. Если бы народы поступали по Его слову и во всемъ исполняли Его волю, если бы они слушались Его и повиновались Ему, какъ дѣти повинуются своему любимому отцу, то міръ ничего не зналъ бы о войнѣ, тогда его исторія была бы чистою тканью Божіей благодати и истины. Она состояла бы изъ однѣхъ бѣлыхъ нитокъ. Но грѣшный человѣкъ, который хочетъ самъ быть для себя Богомъ, вплетаетъ въ эту бѣлую ткань черныя нитки своего себялюбія и своеволія, къ которымъ относится и война. Богъ допускаетъ это, потому что Онъ создалъ насъ свободными. Но, допуская эту войну, Онъ употребляетъ ее, въ Своей премудрости, какъ средство къ устроенію Своего царства. Она служитъ для Него бичемъ для суда и наказанія. Но такъ какъ и въ каждомъ наказаніи бьется Его отеческое, любящее сердце, то она является для него могущественнымъ вспомогательнымъ средствомъ къ вразумленію и пробужденію народовъ. Въ войнѣ мы приходимъ къ познанію своихъ грѣховъ. Въ войнѣ многіе научаются снова вѣровать въ Бога, молиться Ему и искать Его защиты. Какъ при землетрясеніи часто открываются скрытые источники, такъ и во время войны пробуждаетъ Богъ часто дремлющія благородныя силы вѣрности и самоотверженія. Въ войнѣ многіе выходятъ изъ того прежняго холоднаго самолюбія, которое думало только о себѣ. Отечество съ его законами, съ его строемъ, съ его благами и дарами, которыми нѣкоторые не были довольны, во время войны приобрѣтаетъ новую цѣнность. Общая нужда и разнаго рода бѣдствія открываютъ сердца и тѣхъ, которые

прежде служили только маммонѣ, какъ своему идолу. Скажемъ еще болѣе: многое изъ прежней партійности во время войны теряетъ свою остроту, и между многими взаимная вражда и охлажденіе совершенно исчезаютъ въ этой общей нуждѣ и единодушной и дружной борьбѣ противъ нея. Но, несмотря на все это, ни одинъ человѣкъ, ни одинъ нарушитель мира не въ правѣ признать войну за нѣчто хорошее. Какъ порожденіе грѣха, война все-таки остается въ существѣ своемъ зломъ. Мы увидимъ это еще яснѣе, если мы какъ должно уяснимъ себѣ ея опасности.

Всѣ вы знаете давнюю поговорку: „скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, тогда я скажу тебѣ кто ты“. Это приложимо и къ войнѣ. Въ послѣдствіяхъ ея мы всюду видимъ смерть, голодъ, болѣзнь. Въ св. Писаніи война, дорожизна, голодъ, эпидемія (моръ) и смерть постоянно идутъ между собою рука объ руку, какъ союзники. Въ 6-й главѣ откровенія Иоанна за рыжимъ конемъ, имѣющимъ своею задачею взять миръ съ земли, чтобы люди убивали другъ друга, слѣдуетъ вороной,— вѣстникъ голода и дорожизны на хлѣбъ и, наконецъ, блѣдный, имя которому смерть, и которому дано умерщвлять мечомъ и моромъ и звѣрьми земными (Откр. св. Иоанна 6, 4—8). Правда, христіанство въ позднѣйшія войны замѣтно проявило свою благотворную силу для облегченія ихъ тяготъ и бѣдствій. Я разумѣю лучшій уходъ за ранеными иувѣчными какъ въ тѣлесномъ, такъ и духовномъ отношеніи. Разумѣю то, что теперь почти каждый народъ печется не только о своихъ раненыхъ, но вмѣстѣ и о раненыхъ и искалѣченныхъ вражескаго лагеря. Я разумѣю Женевскую конвенцію. Почти всѣ народы Европы согласились въ томъ, чтобы все, что стоитъ на полѣ браны подъ краснымъ крестомъ, было признаваемо нейтральнымъ.

Ни одинъ перевязочный пунктъ не долженъ быть обстрѣливаемъ. Каждый лазаретъ и каждый домъ, въ которомъ помѣщены раненые, находится подъ защитою и покровительствомъ правитѣльства обѣихъ воюющихъ странъ. Желѣзнодорожные поѣзда и вагоны, которые везутъ раненыхъ, не должны терпѣть никакого нападенія со стороны враговъ. Доктора, братья и сестры милосердія суть нейтральные люди, которые и въ томъ случаѣ, если бы лазаретъ попалъ въ руки врага, продолжаютъ свою работу безпрепятственно. Много и другихъ отрадныхъ явлений встрѣчается намъ на полѣ настоящихъ войнъ. Въ книгѣ Второзаконія (20, 19) мы видимъ запрещеніе срубать въ осажденныхъ городахъ фруктовыя деревья. Только тѣ деревья могутъ быть срубаемы и уничтожаемы по этому закону, которыя не приносятъ никакихъ плодовъ. Такъ и въ послѣднія войны воинамъ дозволяется въ иныхъ мѣстахъ употреблять для разнаго рода надобностей только бесплодныя деревья, но запрещается прикасаться къ фруктовымъ деревьямъ.—Но все же, любезные слушатели, несмотря на всѣ эти, сдѣланнныя христіанствомъ, успѣхи, опасности и бѣствія войны еще слишкомъ велики. Фруктовыя деревья остаются цѣлы, но живыя деревья, надъ воспитаніемъ которыхъ чадолюбивые родители трудились 20, 30 и болѣе лѣтъ, надѣясь подъ тѣнью ихъ укрыться отъ зноя своей старости, падаютъ тысячами. Впрочемъ, въ мои планы не входитъ описывать вамъ тѣ страданія, тѣ стоны и рыданія, которыя раздаются на полѣ битвы; обѣ этомъ вы много уже слышали и читали. Только одинъ моментъ не могу я не привести на память изъ жизни нѣкогда осажденнаго и завоеваннаго города. Когда въ 146 году до Рождества Христова римскій полководецъ Муммій завоевалъ городъ Коринѣй и его войско работало надъ разрушеніемъ славнаго

города, встрѣтилъ этотъ полководецъ группу дѣтей, которыя шли изъ школы съ исписанными тетрадками. Полководецъ спросилъ; что записано у нихъ въ тетрадкахъ изъ того, что продиктовалъ имъ учитель? Тогда одинъ мальчикъ прочиталъ: „какъ счастливы всѣ тѣ поколѣнія, которыя умерли прежде, чѣмъ это бѣдствіе постигло нашъ злополучный городъ!“ А сколько окажется за настоящую общеевропейскую войну такихъ городовъ, жители которыхъ будутъ думать и говорить подобное!

Но довольно о вѣшнихъ опасностяхъ,—взглянемъ на внутреннія опасности, на опасности для нашихъ душъ. Всякая война, особенно же всякая жизнь въ лагеряхъ, на бивуакѣ и на землѣ враговъ, ведетъ къ нѣкоторому одичанію и грубости. Нужно обладать слишкомъ высокими качествами, чтобы оставаться недоступнымъ для этого нравственного вреда. Тамъ не слышно никакого звона церковныхъ колоколовъ, зовущаго къ богослуженію. Скудная обстановка полевого богослуженія не можетъ замѣнить храма Божія. Тамъ нѣтъ правильно совершаемой домашней молитвы. Тамъ негдѣ собраться для слушанія слова Божія. Тамъ нѣтъ ни женъ, ни матерей, ни сестеръ, которымъ Богъ далъ чудную способность предотвращать все нечистое и грубо. Такъ какъ всякая война есть великое неизбѣжное зло, то къ нему присоединяются и разнаго рода меньшіе, но родственные виды зла. Часто воинъ оказывается въ такомъ положеніи, которое побуждаетъ его для своей личной надобности присваивать и чужое имущество,—это бываетъ по отсутствію помощи со стороны родныхъ. При такихъ обстоятельствахъ границы между моимъ и твоимъ теряютъ во многихъ сердцахъ свое значеніе. И изъ продолжительной войны, отъ которой да сохранитъ насъ Господь, иной солдатикъ, въ другихъ слу-

чаяхъ, честный и трезвый, возвращается нравственно испорченнымъ и пьяницею. О даруй, Господи, чтобы никто изъ нашихъ воиновъ не подвергся такому несчастію. Къ этому приносимому войною злу принадлежать еще и та гордость и самопревозношеніе, которые являются у побѣдителя. Да сохранить Господь народъ нашъ отъ этого. Если Богу угодно будетъ даровать намъ побѣду, то да взвыаетъ онъ тогда въ чувствѣ смиренія: „не намъ, не намъ, Господи, но имени Твоему даждь славу“. Далѣе, сюда же относится и то уныніе и отчаяніе, которое является иногда у побѣжденныхъ. Кто не знаетъ никакого блага, кроме честолюбія и славы, кто ничего не знаетъ объ Имени, написанномъ на небесахъ, кто не знаетъ и не любить никакого другого отечества, кроме отечества земного, тотъ послѣ великаго пораженія легко можетъ наложить руку на себя самого или же начать войну всякими непозволительными средствами, соединенными съ жестокими мученіями. Но вѣруемъ, Господи, что Ты не доведешь насъ до такого искушенія! Однако, возвратимся съ поля битвы къ себѣ самимъ! И мы окружены разнаго рода опасностями. Всѣ мы знаемъ, что настоящая великая война вызвана несправедливостью гордаго и жаднаго врага. И въ немъ имѣютъ въ концѣ концовъ свой источникъ всѣ тѣ слезы, которые льются сейчасъ изъ тысячей и миллионовъ глазъ. Это, естественно, можетъ вызывать въ насъ чувство ненависти, злобы, негодованія и проклятій. Но слѣдуетъ ли попирать ногами того, кого уже Самъ Богъ осудилъ? Нѣтъ, мы не должны и въ этомъ случаѣ забывать слова Господа: „любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ“. Молитесь и за тѣхъ, которые обижаютъ и преслѣдуютъ васъ. Да, молитесь и за нихъ! Какая это была бы радость, если бы Господь побѣдилъ и эти хо-

лодныя, въ бездну самолюбія и гордости погруженныя сердца, на которыхъ такъ много лежитъ вины грѣха и крови; если бы и они, наконецъ, взыскали Его и, въ чувствѣ вѣры и покаянія, обратились къ Нему. Наконецъ, укажемъ еще на одну опасность. Вы изъ собственного опыта знаете то беспокойство и нервное напряженіе, какое приносятъ такія времена. Съ нетерпѣніемъ ждутъ новыхъ извѣстій съ поля битвы. Хватаются за каждый листокъ. Перечитываютъ одно и тоже въ разныхъ газетахъ три, четыре и болѣе разъ. Только и разговора, что обѣ этихъ извѣстіяхъ. Но мы знаемъ, какъ много заключается въ этомъ возбужденіи унынія и отчаянія. Всѣ находятся между страхомъ и надеждой, въ состояніи крайняго напряженія, беспокойства и нетерпѣливаго ожиданія развязки. Охота къ постоянной, непрерывной работѣ пропадаетъ. Кто изъ насъ въ минувшіе дни и недѣли могъ взяться за серьезную работу съ прежнею энергию и любовью? Кому не навязывались противъ его воли мысли о войнѣ и не отвлекали его отъ обычныхъ занятій? Такимъ образомъ, война есть въ самомъ широкомъ смыслѣ нарушитель внутренняго мира и спокойствія, а также и правильной семейной жизни. И здѣсь вполнѣ приложимъ призывъ Апостола: „Не будь побѣждаемъ зломъ, но побѣждай зло добромъ“. И если мы хотимъ противъ всѣхъ этихъ опасностей вести правильную, христианскую борьбу, то необходимо должны вооружиться противъ нихъ и надлежащими средствами.

Добромъ должны мы побѣждать зло. Никто же благъ токмо единъ Богъ и все, что есть гдѣ-либо благого, добра, происходит отъ Него; у Него только, съдовательно, и можемъ мы искать наиболѣе дѣйственныхъ средствъ противъ войны и ея опасностей.

Тотъ народъ, который стоитъ въ связи съ этимъ

Богомъ мира, никогда не долженъ начинать и подавать повода къ войнѣ. Онъ можетъ только принимать ее, если вынуждаетъ его къ тому врагъ его. Всѣ мы поэтому радуемся тому обстоятельству, что настоящая война наша начата не нами. Миролюбивый Государь нашъ Свою уступчивостью старался, насколько возможно, избѣжать ея. *Дорожа кровію и достояніемъ Нашихъ подданныхъ*, говоритъ Онъ въ Своемъ манифестѣ по случаю войны, *Мы прилагали всѣ усилия къ мирному исходу начавшихся переговоровъ, но союзная Австрія Германія, вопреки Нашимъ надеждамъ на вѣковое добroе сопѣтство и не внемля звѣреню Нашему, что принятыя мѣры (мобилизація въ смыслѣ предосторожности) отнюдь не имѣютъ враждебныхъ ей цѣлей, стала домогаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ этомъ требованіи, внезапно обѣявила Россіи войну*.—Если же, такимъ образомъ, эта война навязана нашему народу, то онъ не долженъ входить въ такое великое и опасное дѣло, какъ говорятъ, съ неумытыми руками. Онъ долженъ отнестись къ нему по-христіански, съ надлежащимъ приготовленіемъ. Дни поста и покаянія предъ войною такъ же необходимы, какъ послѣдняя исповѣдь и причастіе предъ смертною борьбою. Если въ это время обыкновенно приводятъ въ порядокъ и чистятъ всѣ оружія, то тѣмъ болѣе нужно намъ очистить сердца наши. Если отряды войска ставятъ подъ управлѣніемъ начальниковъ и полководцевъ, то они еще крѣпче должны поставить себя подъ знамя небеснаго Вождя и Побѣдителя. Затѣмъ и войско и весь народъ необходимо должны имѣть позади себя такую недоступную и несокрушимую крѣпость, изъ которой не можетъ выгнать никакой врагъ. Такою твердынею служить для насъ Богъ, Который одинъ только можетъ защитить и избавить насъ отъ постигшаго

бѣдствія. Въ этой святой крѣпости и должны пребывать мы въ настоящіе дни испытаній. Въ нее должны мы ежедневно устремляться съ молитвою и словомъ Божімъ въ рукахъ. Если молитва и углубленіе въ слово Божіе, въ размышленіе о всемогуществѣ и благости Божіей нужны и во всякое время, то въ особенности въ такие тревожные дни, какъ наши. Кто не знаетъ этой крѣпости, тотъ обрекаетъ себя на неизбѣжную тревогу, безграницную заботу и печаль. Итакъ, ищи ты, русскій народъ, успокоенія въ этой священной скиніи! Но если мы при всѣхъ своихъ укрѣпленіяхъ нуждаемся въ этой духовной твердынѣ, то позади нашего войска должно стоять другое войско, разумѣю войско молящееся. Эта молящаяся рать должна быть несравненно больше по своему количеству, чѣмъ сражающаяся на полѣ браніи. Къ ней должны принадлежать, кромѣ нашихъ воиновъ, и всѣ мы. Сюда можетъ и долженъ войти каждый, и старый и малый, и юноши, и дѣти, и мужчины и женщины и такимъ образомъ помогать нашимъ братьямъ на войнѣ преодолѣвать зло. Когда Іисусъ Навинъ велъ войну противъ амаликитянъ, тогда за его войскомъ стоялъ Моисей и молился. И много можетъ молитва праведника, если она искрення и проникнута вѣрою. Изъ такого расположенія сердца, изъ такой надежды на Бога и преданности Царю Небесному вырастаетъ истинный духъ мужества и истинная вѣрность Царю и Отечеству земному. Правда, иной можетъ храбро сражаться изъ одной только славы и почестей и изъ одной естественной любви къ своему Отечеству. Но таковой похожъ бываетъ на дерево, стоящее на открытой и сухой вершинѣ. Если нѣтъ дождя, если война сопровождается неудачами и идетъ не по его желанію, если долго длятся нужда и лишенія, тогда очень скоро измѣняетъ ему мужество. На-

противъ, благочестивый воинъ подобенъ дереву, на-
сажденному при исходищѣ водъ. Какъ бы ни про-
должительна была засуха, какъ бы ни были велики
недостатки и лишенія и неудачи войны, онъ никогда
не теряетъ терпѣнія, мужества, но. все болѣе и болѣе
черпаетъ его изъ неисчерпаемой глубины лежащаго
близъ него источника.—Но изъ этой духовной твер-
дыни, изъ такой дѣтской вѣры проистекаетъ не одно
только мужество, но и готовая на всякую помошь лю-
бовь. Эта любовь вызываетъ въ насъ искреннюю заботу
о женахъ и дѣтяхъ тѣхъ, которые на войнѣ. Заботы
о вдовахъ и сиротахъ, оставшихся отъ убитыхъ на
войнѣ, не должны служить для насъ бременемъ и по
заключеніи мира. Онъ должны навсегда оставаться
искреннею данью благодарности за эту великую жертву,
которую павшіе воины принесли за всѣхъ насъ на
алтарь Отечества. Тѣ же, которые возвращаются съ
войны ранеными и увѣчными калѣками, они должны
почувствовать, что для нихъ настало новое и сравни-
тельно съ прежнимъ лучшее время. Въ молодости
мнѣ пришлось однажды слышать отъ отошедшихъ на
войну солдатъ пѣсню такого содержанія, что они тѣ-
перь идутъ на борьбу за Отечество, а послѣ въ на-
граду за это, можетъ быть, будутъ, какъ калѣки, про-
сить у дверей милостыню на пропитаніе. Такъ въ то
время дѣйствительно и бывало. Собственными глазами
я не разъ видѣлъ, какъ эти увѣчные слуги Отечества
съ деревянными ногами стучали въ окно отцовскаго
дома, прося милостыни. А иногда можно было тако-
выхъ здѣсь и тамъ видѣть сидящими на улицѣ съ про-
тянутыми руками. Теперь, слава Богу, этого уже нѣтъ
и, навѣрное, никогда не повторится.—Отъ нашихъ ра-
ненныхъ и увѣчныхъ перейдемъ теперь къ плѣннымъ
врагамъ. Это та область, гдѣ ярко выступаетъ предъ

нами заповѣдь о любви ко врагамъ,—область, гдѣ христіанство одержало уже славную побѣду надъ „ветхимъ“ человѣкомъ. Ранѣе жребій плѣнныхъ былъ самый плачевный и бѣдственный. На ихъ долю выпадало быть въ постоянномъ угнетеніи и рабствѣ. Особенно тяжела была участъ плѣнныхъ у германцевъ, съ которыми мы сейчасъ ведемъ войну. Это подтверждаетъ самое слово ихъ „склѣве“ (рабъ). Многіе плѣнные, которыми у нѣмцевъ большою частью бывали славяне, бывали у нихъ, какъ крѣпостные, предметомъ торга и продажи, и такъ какъ большая часть ихъ крѣпостныхъ рабовъ состояла изъ плѣнныхъ славянъ, то это название получили у нихъ и всѣ крѣпостные рабы. Такимъ образомъ, изъ слова „славе“—славянинъ вышло у нихъ „склаве“—рабъ. Уже въ ветхомъ завѣтѣ мы усматриваемъ зарю лучшаго обращенія съ плѣнными. Во дни пророка Исаіи Факей, сынъ Ремалінъ, царь Израильскій, разбилъ царя Іудейскаго Ахаза (2 кн. Паралипоменонъ 28, 6—15). Совершивъ эту побѣду, войска Факея взяли у іudeевъ въ плѣнъ 200.000 женъ и дочерей и отправили ихъ въ Самарію. Когда они подошли къ воротамъ города, вышелъ къ нимъ навстрѣчу пророкъ Одедъ и сказалъ: „вотъ Господь Богъ отцовъ вашихъ во гнѣвѣ на нихъ предалъ ихъ въ руку вашу, и вы избили ихъ съ такою яростію, которая достигла до небесъ. И теперь вы думаете поработить сыновъ іуды и Іерусалима въ рабы и рабыни себѣ. Зачѣмъ хотите прибавить новый грѣхъ ко грѣхамъ вашимъ? Велика вина ваша и пламень гнѣва Господня надъ Израилемъ. Итакъ, послушайте же меня и возвратите плѣнныхъ, коихъ вы захватили изъ братьевъ вашихъ“. Когда воины услышали эти слова пророка, тогда они оставили плѣнныхъ у начальниковъ и всего собранія. А эти послѣдніе взяли ихъ и всѣхъ нагихъ изъ нихъ голостъ церкви.

одѣли и обули, накормили и напоили и помазали елеемъ, всѣхъ слабыхъ изъ нихъ посадили на ословъ и отправили въ Іерихонъ, городъ пальмъ, къ братьямъ ихъ. Да, поистинѣ въ городъ пальмъ, ибо весь этотъ образъ дѣйствій благоухаетъ, какъ прекрасная пальма побѣды на лугу древняго времени.—Будемъ поступать также и мы съ своими врагами, и это дастъ намъ надъ ними такую побѣду, которая сильнѣе преодолѣваетъ зло, чѣмъ побѣда съ оружіемъ въ рукахъ.—И при всемъ этомъ наши христіанскіе взоры и наша молитва направляются къ миру, и мы горячо молимся, да не укоснитъ Господь положить конецъ настоящей страшной войнѣ. Но, какъ христіане, не можемъ отказаться отъ надежды и на тотъ великий и всеобщій миръ, который наступить въ то время, когда не будетъ воевать ни одинъ народъ, когда люди *раскуютъ*, по слову Божію, *мечи свои на плуги и копья на серпы*. Неложно слово Божіе и тотъ Пасхальный привѣтъ Спасителя: „Миръ вамъ“ не долженъ оставаться напраснымъ. Онъ, какъ святая божественная сила, постепенно будетъ проникать во всѣ народы. Тотъ Божественный Герой, Который не чужою, но Свою Собственною кровью одержалъ побѣду надъ грѣхомъ и всѣми силами ада, не оставитъ поля сраженія, но болѣе и болѣе будетъ побѣждать зло и въ нашихъ сердцахъ и въ сердцахъ всѣхъ народовъ.

Владиміръ, Митрополитъ Петроградскій.

Рѣчи по случаю войны.

1. Предъ благодарственнымъ молебномъ за дарованіе побѣды
русскому воинству и за взятие городовъ Львова и Галича
23 августа 1914 года.

Съ нами Богъ!

Братья россияне! Слава Богу, даровавшему нашему христолюбивому воинству славную побѣду надъ супостатомъ, воюющимъ съ нами неправедно! Намъ дается знаменіе, что съ нами Богъ и что Онъ побораетъ насъ. Но смѣемъ ли подумать, что мы пріобрѣли эту побѣду только своими силами, мудростю вождей и храбростью воиновъ? Нѣтъ, скажемъ: не намъ, не намъ, Господи, но имени Твоему да будетъ прежде и болѣе слава. А потомъ ѿже—хвала и честь нашему христолюбивому воинству. Не за нашу праведность дарована намъ радость о побѣдѣ, но по милости Божией и за покаяніе народа. Угрожавшія намъ опасности отъ могущихъ быть неудачъ войны вызвали, какъ нѣкогда въ ниневитянахъ, чувство покаянія и обращенія къ Богу во всѣхъ сословіяхъ, отъ верху до низу. Прекратились раздоры, закрылись капища, гдѣ приносились народомъ жертвы богу пьянства. Что отдавалось прежде этому русскому Бахусу, теперь приносится на алтарь отечества. Народъ сталъ прибѣгать съ молитвами въ

храмы Божії. Повсюду видно отрезвленіе, благонравіе, благочестіе. Повсюду готовность жертвовать всімъ на раненыхъ воиновъ, осиротѣлыхъ ихъ семейства. Не сіе ли привлекло на насъ милость Божію?

Итакъ, скажемъ отъ искренняго сердца: слава Богу, Благодѣтелю нашему! Возвесели, Господи, силою Твою Благочестивѣйшаго Государя нашего Николая Александровича. Вѣчный покой—вождямъ и воинамъ, положившимъ души свои за Вѣру, Царя и Отечество, а христолюбивому, побѣдоносному всероссійскому воинству здравіе, спасеніе, на враговъ побѣду и одолѣніе и многая лѣта.

2. *По поводу новой побѣды надъ австро-германскими войсками въ Галиції.*

Еще милость Божія къ намъ! Еще побѣда, еще—слава Богу, помогающему намъ и союзникамъ нашимъ. Будемъ радоваться и благодарить Бога; но будемъ и опасаться самонадѣянности и кичливости. Эти невидимые враги для успѣха въ настоящей брани, какъ и во всякомъ дѣлѣ, не менѣе опасны, какъ и видимые. Намъ дана побѣда по милости Божіей, при геройской стойкости нашего воинства и мудрости вождей; но врагъ еще не сломленъ, а только ослабленъ. Еще много предстоитъ труда, опасностей и жертвъ. Будемъ готовы ко всему, пока не даруетъ Господь полной побѣды. Пораженный звѣрь, но не убитый, нерѣдко бываетъ свирѣпѣе и опаснѣе, чѣмъ тогда, когда рана не коснулась его. Раненный онъ нападаетъ на противника съ отчаянной храбростью. Значить, побѣдителю не слѣдуетъ снимать съ себя оружія, но быть готовымъ къ болѣе упорной битвѣ.

Итакъ, принося благодареніе Господу за дарованныя побѣды, будемъ готовы къ дальнѣйшей, быть можетъ, упорнѣйшей борьбѣ. Не престанемъ молитвенно воздѣвать руки къ Богу, прося помощи Его, какъ дѣлалъ нѣкогда Моисей при борьбѣ евреевъ съ амаликитянами. Будемъ помогать воюющимъ братьямъ нашимъ всѣмъ, чѣмъ можемъ; будемъ продолжать наше покаяніе въ грѣхахъ невѣрія, пьянства, разврата, дѣтоубийства и другихъ общественныхъ пороковъ.

На Тя, Господи, уповахомъ, да не постыдимся до конца.

Макарій, Митрополитъ Московскій.

Рѣчи,

сказанная въ Московской Городской Думѣ 22 іюля
1914 г., предъ молебномъ о дарованіи побѣды.

Господь посыаетъ намъ, дорогіе братія, великое испытаніе. Надъ нами нависла гроза, страшная гроза—война. Если въ частной жизни каждого человѣка горе чувствуется имъ однимъ и немногіе со стороны его замѣчаютъ, то не это нужно сказать относительно общественаго бѣдствія, особенно такого, какъ война. Здѣсь каждый изъ настъ чувствуетъ боль и боль тяжелую. За что же намъ такое испытаніе? Видно, мы виноваты предъ родиной, что дается намъ такая скорбь. Да, всякое общественное бѣдствіе есть наказаніе Божіе за грѣхи людскіе. Не станемъ говорить, какая наша вина предъ родиной. Каждый изъ настъ хорошо знаетъ, если вспомнить послѣднее десятилѣтіе, когда проявилось шатаніе умовъ, неуваженіе къ завѣтамъ старины, св. вѣрѣ. Не станемъ винить и судить другъ друга. Не этому теперь мѣсто. Намъ нужно теперь сознаніе своихъ прегрѣшеній, нужно покаяніе... Прости же намъ, дорогая наша отчизна, нашъ родной край, эти наши необозримые лѣса и широкія поля, дающія намъ приволье и славу! Прости намъ, нашъ родной Дер-

жавный Царь-Батюшка! Мы и Тебя огорчали нестро-
еніями и ссорами, а Ты любвеобильный любиша нась,
какъ своихъ родныхъ дѣтей и печешься о благоустро-
еніи нашей отчизны. Прости намъ, наша св. вѣра и
Церковь Православная, наша св. мать! И Тебя мы не
мало огорчали отступленіемъ и невѣріемъ, тогда какъ
ты, въ союзѣ съ державными нашими царями, сдѣлала
изъ нась, русскихъ, то, что мы есть, сдѣлала нашу
Русь святую сильной и славной. Теперь въ сторону
должны отойти всякая гордость и самолюбіе; покаян-
ное же чувство пусть охватитъ наши сердца!.. Въ руцѣ
Творца Вселенной жизнь и дыханіе всѣхъ живущихъ
на землѣ, а покаяніе есть путь примиренія съ Твор-
цемъ... Покаемся же, дорогіе братія, и Творецъ міра
проститъ, помилуетъ и сторицею возвеличитъ нась!—
Аминь.

Арсеній, Епископъ Серпуховскій.

Рѣчи,

сказанная въ Московскомъ Политехническомъ музѣѣ
24 августа 1914 г., предъ открытиемъ чтеній для рабочихъ.

При тяжелыхъ обстоятельствахъ, братіе, приходится намъ начинать кругъ нашихъ чтеній. Мы теперь съ Вами переживаемъ тяжелое испытаніе. Могущественные наши сосѣди-нѣмцы, вмѣстѣ съ союзной Германіи двуединой монархіей Австро-Венгріей, объявили намъ войну. Такое чрезвычайное въ жизни нашей событіе заставляетъ насъ прежде всего остановить наше вниманіе на размышленіи, что это за война и какъ на нее смотрѣть? Борьба съ нѣмцами—наша исконная борьба. Уже Благ. Князь Александръ Невскій воевалъ съ ними. Однажды, готовясь вступить въ бой съ ливонскими нѣмцами, онъ такъ воскликнулъ: „разсуди, Боже, споръ мой съ этимъ высокомѣрнымъ народомъ“, и воины въ порывѣ воодушевленія сказали: „о, честный и дорогой нашъ княже, приспѣль часъ сложить намъ за тебя свои головы“. И отъ того времени до нашихъ дней нѣмцы—этотъ высокомѣрный, по словамъ св. Александра Невскаго, народъ не переставалъ намъ—русскимъ наносить вредъ, хотя часто-часто мы, по своей добротѣ, гостепріимству и смиренію, и не замѣчали этого.

Какой причинялся намъ нѣмцами вредъ,—объ этомъ говорила и еще скажетъ въ подробности исторія, намъ же хочется сейчасъ указать только на тѣ опасности отъ нѣмцевъ, какія настоящая война намъ такъ рельефно уже выдвинула. Это, во-первыхъ,—притѣсненіе и угнетеніе нашихъ братьевъ-славянъ германскимъ народомъ, во-вторыхъ засилье русской земли нѣмцами, которые захватили у насъ въ свои руки промышленность, торговлю и даже повели незамѣтное для насъ территоріальное завоеваніе, основывая свои колоніи и забирая въ свои руки сельское хозяйство, и въ третьихъ,—нѣмцы сдѣлали подрывъ нашей св. вѣрѣ Православной, посвѣявъ у насъ штундизмъ, баптизмъ и т. п. нѣмецкія секты. Невѣrie, протестантское направленіе въ церковно - религіозныхъ взглядахъ—все это плоды насильственной культуры нѣмцевъ. И, въ концѣ всего, они объявили намъ братоубійственную войну. Всякая война есть бѣдствіе, но и война не бываетъ безъ Промысла Божія. Прочитайте въ Библіи исторію еврейскаго народа и вы увидите, что Самъ Господь вывѣдилъ на брань съ язычниками избранный народъ Свой. Кто знаетъ, можетъ быть, и сія война попущена Господомъ Богомъ не безъ цѣли для насъ.. Трудно человѣку угадывать пути Промысла Божія. Но, если мы распознаемъ свое призваніе, и посмотримъ на нашу Русь, какъ на Русь святую, на русскій народъ, какъ на народъ Богоизбранный, то отчасти мы уразумѣемъ и тѣ задачи, какія намъ предлежитъ выполнить чрезъ ниспосланную намъ войну. Вы знаете, что нѣмцы всѣ усилия употребляли на изобрѣтеніе и усовершенствованіе военныхъ приспособленій, пока, наконецъ, не рѣшили ихъ примѣнить на дѣлѣ, направивъ на насъ всю ихъ смертоносность. А развѣ подобаетъ христіанскому народу проливать кровь? Миръ, а не войну заповѣ-

далъ намъ Христосъ. И что сказалъ бы Онъ намъ, если бы былъ свидѣтелемъ настоящей братоубийствен-
ной войны? Есть такая картина: поле сраженія; масса лежитъ на немъ убитыхъ воиновъ, еще больше раненыхъ и въ ранахъ мучащихся. Въ сіяніи заходящаго солнца изображенъ пришедшимъ на это страшное поле Христосъ Спаситель, Который съ жалостію взираетъ на все это и кротко говоритъ: „братіе, развѣ не го-
ворилъ Я вамъ: любите другъ друга!“ Между христіан-
скими народами, какъ это ни прискорбно, временами ведутся войны и это отъ того, что тотъ или другой народъ чувствуетъ собственную силу, возможность усилиться насчетъ другого. А что было бы, если бы какой-нибудь одинъ миролюбивый христіанскій народъ съ помощію Божію настолько усилился бы, что послѣ ни одинъ другой народъ не дерзнулъ бы поднять руки на своего брата христіанина? Страхъ предъ могуществомъ этого народа не позволялъ бы и другимъ воевать другъ съ другомъ. И кто знаетъ, можетъ быть миролюбивому русскому народу пришло время чрезъ настоящую войну усилиться настолько, чтобы потомъ поддерживать миръ среди всѣхъ немирствующихъ христіанъ. Далѣе, русскому народу дано храненіе вѣры православной, но смотрите,—она въ гоненіи то въ Галиціи отъ тѣхъ же нѣмцевъ, то на Балканахъ отъ турокъ-мусульманъ. Опять, кто знаетъ, быть можетъ Господь призываетъ Русь святую поддержать, встать на защиту Вѣры Православной, высвободить нашихъ братьевъ-славянъ изъ подъ гнета враждебныхъ Право-
славной Вѣрѣ народовъ и дать ей свободу, просторъ. И еще,—нѣмецкое засилье извратило нашъ русскій коренней строй—подорвало и уничило національное наше чувство, развило у насть гордость, задушило нашу рус-
скую простоту, ко всему этому присоединились еще и

наши собственные пороки, въ особенности усилилась страсть къ винопитію. И вотъ, какъ черезъ огонь искушается золото, такъ мы черезъ огонь войны призываляемся къ исправленію нашей жизни, къ возвращенію на прежній путь доброй христіанской жизни, къ перемѣнѣ нзнутри и снаружи самихъ себя. Дай же, Господи, что бы мы уразумѣли пути Промысла Божія, являемаго намъ въ настоящей войнѣ! Дай, Господи, чтобы эта война послужила намъ къ вящей славѣ, чести и могуществу!

Арсеній, Епископъ Серпуховскій.

Духовный дневникъ*).

„Всю вы сыны света и сыны дня...
Будучи сынаами дня, да трезвимся,
обличись въ броню вѣры и любви и
въ шлемъ надежды спасенія“—(1 Іоан.
5 г. 5, 8 ст.).

О духовной жизни. Что вамъ, возлюбленные братіе и сестры, пожелать въ жизни? И что можетъ пожелать вамъ пастырь Христовой Церкви съ св. Евангеліемъ въ рукахъ, долженствующій проповѣдывать правду Божію на землѣ? Несомнѣнно—наилучшаго въ мірѣ счастія. Но гдѣ оно? Даетъ ли намъ его наша настоящая, такъ-называемая, мірская жизнь? Далеко нѣтъ. Вотъ черты этой жизни. Прежде всего, мы всю заботу полагаемъ въ томъ, чтобы обставить себя удобно, пріятно, чтобы обеспечить себя материально. Нѣкоторые изъ насъ, дѣйствительно, успѣваютъ достигать внѣшнихъ удобствъ жизни и эти люди кажутся намъ счастливыми, на дѣлѣ же часто бываетъ не такъ. Внѣшнее благополучіе не обеспечиваетъ насъ отъ болѣзней, семейныхъ огорченій и разнаго рода нравственныхъ страданій, во множествѣ насъ посѣщающихъ при всякой

* См. Г. Ц. м. Сентябрь 1914 г.

обстановкѣ жизни, не говоря уже о томъ, что самое это исканіе мірского счастія сопряжено съ большими непріятностями, волненіями и опасностями. Все это создаетъ ту мірскую суету, которая такъ часто насытъ одолѣваетъ и совершенно разстраиваетъ. Вторую особенность современной жизни составляеть сильный упадокъ религіи, безвѣріе. Повидимому, безъ религіи человѣкъ свободенъ, не связанъ никакими обязательствами и можетъ жить какъ ему хочется, жить въ свое удовольствіе. Но результатомъ безвѣрія является страшное развитіе пороковъ и преступленій, когда люди начинаютъ другъ друга грабить, убивать, когда они впадаютъ въ развратъ, въ нравственное и физическое безсиліе. Это ли опять счастіе? Будучи невыносимъ для близкихъ, развращенный человѣкъ и въ своей душѣ постоянно носить тугу въ видѣ отчаянія, ненависти ко всѣмъ и сатанинской гордости.—Такова теперь мірская жизнь, суетная и развращенная. Не въ ней, конечно, наше счастіе.

Но, возлюбленные, вы, быть можетъ, знаете, что есть еще духовная жизнь, можетъ быть приходилось вамъ слышать выраженіе: „этотъ человѣкъ духовной жизни“. Что же это за жизнь? Вдумаемся, не въ ней ли наше счастіе? Духовная жизнь,—это когда человѣкъ вѣруетъ въ Бога, когда онъ живетъ добродѣтельно, когда онъ милостивъ, доброжелателенъ, кротокъ, смиренъ, любвеобиленъ, привѣтливъ, воздерженъ, цѣломудренъ и трезвъ. Духовная жизнь соответствуетъ человѣку какъ нравственному, богоподобному существу. Помимо этого, люди, пожившие добродѣтельною жизнью, говорятъ, что она приносить душѣ великое утѣшеніе, великую сладость, миръ и успокоеніе. Она регулируетъ и нашу внѣшнюю мірскую жизнь, въ которой намъ приходится вращаться. Правда, мы не испытали, не

знаемъ духовной жизни, ибо немощны и грѣховны, но мы всѣ, какъ носящіе отъ св. крещенія духъ благодати Христовой, можемъ, по крайней мѣрѣ, отчасти, чувствовать сладость этой духовной жизни. Вспомните, когда вы обогрѣете сироту и убогаго, когда спасете утопающаго, когда утѣшите, успокоите убитаго горемъ, когда выручите изъ бѣды брата или иное добро сдѣлаете, не наполняется ли тогда ваша душа, ваше сердце мирнымъ, отраднымъ настроеніемъ? Это и есть плодъ духовной жизни человѣка. А если ты вѣрный сынъ св. Церкви, если ты религіозенъ, то еще больше имѣешь слушаевъ испытывать сладость духовной жизни. Вспомни, когда ты отъ души, со слезами помолишися, когда искренно поговѣешь, поисповѣдуешься и причастишься Св. Животворящихъ Таинъ Христовыхъ, когда въ праздникъ побываешь въ храмѣ Божіемъ, когда въ семье, дома, этотъ праздникъ встрѣчаешь съ вѣрою и любовію къ Господу, не успокаивается ли въ то время твоя душа отъ всякаго рода волненій, не чувствуешь ли ты тогда духовной радости, мира и утѣшенія?—и это опять слѣды твоей духовной жизни. Духовная жизнь, о, это великое счастіе, великое благо для человѣка христіанина!.. Если тамъ, въ мірской жизни, суeta, беспокойства и треволненія, то здѣсь миръ, тишина и успокоеніе; если тамъ злоба, вражда и ненависть, то здѣсь кротость, любовь и доброжелательство; если тамъ разнузданность, порокъ и развращеніе, то здѣсь сдержанность, добро и чистота; если тамъ тоска, душевная, туга и отчаяніе, то здѣсь благодушіе, радость и надежда!..

Этой-то духовной жизни я отъ всей души вамъ, возлюбленные, и желаю какъ высшаго и наилучшаго счастія для человѣка-христіанина. Но недостаточно пожелать, нужно указать и средства къ пріобрѣтенію, до-

стиженію его, ибо въ противномъ случаѣ наши благопожеланія будутъ не полны, безжизненны. Какъ если бы мы, увидавъ немощного, больного, бѣднаго, пожелали бы ему только на словахъ здоровья, средствъ къ жизни и не оказали бы ему существенной, материальной помощи, то наше участіе было бы неполно, такъ и въ данномъ случаѣ. Не достаточно пожелать вамъ, возлюбленные, духовнаго блага, но позвольте отъ опыта богоумдрыхъ отцевъ предложить, хотя вкратцѣ, нѣкоторыя средства и къ пріобрѣтенію его.

Прежде всего, въ духовной жизни большое значеніе имѣетъ вниманіе къ себѣ, бдительность надъ своимъ сердцемъ. Во всемъ нужно руководствоваться здравымъ разсужденіемъ и всему производить внутреннюю оцѣнку. У каждого изъ насъ въ душевной жизни есть два начала, два теченія—одно, очень сильное, ко всему нравственнодурному, другое теченіе, часто даже не теченіе, а просто сознаніе, да и то притупленное, чего-то лучшаго, доброго, нравственно-хорошаго. Вдумавшись въ себя, мы уже вслѣдствіе природной наклонности къ добру, можемъ сознать, почувствовать: доброе или дурное мы подумали, сдѣлали. Если же мы хранимъ въ руѣ Бога и пользуемся благодатными средствами, преподаваемыми намъ св. Церковю въ таинствахъ, то это чувство различія у насъ бываетъ еще тоньше, еще сильнѣе. И, вотъ, это-то вниманіе къ себѣ, соединенное съ различіемъ доброго отъ злого, имѣеть величайшее значеніе въ духовной жизни, въ дѣлѣ выработки доброго настроенія. Нашу внутреннюю наклонность ко грѣху хорошо сравнить съ злокачественной раной. Какъ рана отъ нерадѣнія, медицинскаго недосмотра можетъ затянутться и заразить все тѣло, а потому рану лучше держать открытой, дабы постоянно ее видѣть и излѣчивать пластыремъ и другими средствами, такъ и грѣхъ—

эта душевная рана, отъ нашего невниманія, забвенія можетъ скрыться отъ духовнаго зрѣнія и нравственно развратить все наше существо. Постоянное же вниманіе къ внутреннему состоянію не даетъ возможности скрываться нашимъ немощамъ. При вниманіи къ себѣ, онъ—эти немощи для насъ открыты, ясны—остается только ихъ излѣчивать.

Но трудно поддерживать уже самое вниманіе къ себѣ. Здѣсь можно предложить слѣдующіе совѣты. Ежедневно вечеромъ, послѣ вечернихъ молитвъ или на ложѣ, хорошо подводить итогъ прожитому въ теченіе дня: „положи,—сказано въ молитвословѣ, послѣ вечернихъ молитвъ,—слово съ самимъ тобою, и испытаніе сотвори совѣсти твоей, преходя и подробну изсчитая вся часы дневныя, наченъ отъ времене, когда возсталъ еси отъ одра твоего, и приводя себѣ на память: камо ходилъ еси; что творилъ еси, кому; и что собесѣдовалъ еси; и вся твоя дѣянія, словеса и помышленія, отъ утра даже до вечера тобою произнесенная, со всякимъ опасеніемъ испытай. и воспоминай“. Полезно также, кто можетъ, вести дневникъ своей внутренней жизни, какъ дѣлалъ это достоуважаемый нашъ пастырь о. Іоаннъ Кронштадтскій и дѣлаютъ другіе, ревнующіе о благочестіи христіане. Вотъ и еще правило для внимательной жизни—меньше говорить, а больше думать, меньше суетиться и разбрасываться, а больше имѣть прилежанія къ начатому дѣлу.

Если трудно поддерживать вниманіе къ своему внутреннему состоянію, то еще труднѣе бороться и искоренять замѣченные недочеты, немощи и грѣхи. И тутъ полезны совѣты духовно-опытныхъ людей. Прежде всего, нужно постоянное самоукореніе,—подумать, сдѣлалъ что либо дурное, укори себя въ этомъ. Самоукореніемъ подавляются грѣховныя наклонности наши. Сегодня

сознай и укори себя въ дурной привычкѣ, завтра и т. д., смотри и эта привычка, все меньше и меньше станетъ тебя беспокоить. Хорошо, далъе, духовное руководство, или, что называется въ обителяхъ, старчество—открытие помысловъ. Прошелъ день въ этихъ обителяхъ, и братія направляются къ своимъ духовникамъ и имъ безъ утайки разсказываютъ все свое душевное настроение. Открытие помысловъ есть постоянное очищеніе сердца отъ всего грѣховнаго, дурного. Какъ, если ежедневно выметать отъ сора домъ, горницу, она будетъ постоянно чиста и опрятна, такъ, если и часто открываться въ своихъ грѣхахъ, сердце наше будетъ чисто и спокойно. И, дѣйствительно, опять хорошо подтверждаетъ это. Въ обителяхъ, гдѣ есть старчество, братія пріобрѣтаютъ ровное, спокойное, мирное, серьезное, безстрастное, высокое настроеніе духа. Это невольно подмѣчается, чувствуется и посѣтителями тѣхъ обителей. Здѣсь не замѣтишь ни злобы, ни зависти, ни насмѣшки, ни осужденія, а только поистинѣ братское, мирное отношеніе между собою и ко всѣмъ ближнимъ. Но вы скажете: кому въ міру открываться въ своихъ помыслахъ? Апостолъ говоритъ: „исповѣдуйте другъ другу согрѣщенія ваша“. Можно открывать свою душу роднымъ, друзьямъ и добрымъ людямъ. Не мѣшаетъ, правда, здѣсь имѣть осторожность, дабы наше доброе намѣреніе не обратилось во зло, дабы не подвергнуться насмѣшкамъ и непріятностямъ. Лучше, поэтому, открываться преданнымъ и доброжелательнымъ намъ людямъ. Но мы знали одного доброго юношу, учащагося, который велъ дневникъ своего душевнаго состоянія, при чёмъ оставлялъ его у себя на столѣ въ общей занятой комнатѣ, гдѣ каждый товарищъ могъ этимъ дневникомъ интересоваться — брать и читать. Сей юноша, такимъ образомъ, постоянно отдавалъ себя на голость церкви.

судъ товарищамъ, хорошимъ и дурнымъ, предъ всѣми всегда ходилъ осужденникомъ. Да, бываютъ примѣры великаго смиренія, силы воли и глубокаго сознанія своего ничтожества, своей грѣховности! Мы намѣтили средства къ выработкѣ доброго настроенія, приходящія отъ нашихъ способностей, отъ нашей силы воли, конечно, дѣйствующихъ не безъ помощи Божіей, подаваемой намъ во всемъ. Но христіанинъ имѣеть еще особяя, чрезвычайныя, благодатныя средства въ борьбѣ со грѣхомъ, которыя подаются ему въ св. таинствахъ. Такъ, въ таинствѣ покаянія прощаются Господомъ намъ грѣхи; въ таинствѣ св. Причащенія мы закрѣпляемся въ добромъ настроеніи, одухотворяемся. Часто прибѣгать къ этимъ св. таинствамъ—значить постоянно имѣть благодатную помощь въ нашемъ духовномъ дѣланіи.

Потецемъ же, возлюбленные братіе и сестры, на путь духовной жизни. Довольно намъ погрязать въ мірской суетѣ, въ грѣхахъ и беззаконіяхъ, укрѣпимся въ вѣрѣ въ Господа, нравственно обновимся, станемъ по мѣрѣ силъ проводить добрую христіанскую жизнь, ибо въ ней наше счастіе, наше благополучіе!

Арсеній, Епископъ Серпуховскій.

„На всякое время и на всякий часъ“.

(Краткія размышенія на „молитвы молебныя, числомъ двадесятимъ четыремъ, часомъ дневнымъ и нощнымъ, святаго Иоанна Златоустаго“).

* * *

Непрестанно молитесь (І Сол. 5, 17), завѣщалъ намъ св. Апостолъ Павель. Памятуя сie, великий Святитель Христовъ Иоаннъ Златоустъ, самъ непрестанно пламенѣвши духомъ и выну имѣвшій очи свои ко Господу, излиль молитвенные вздоханія души своей въ двадцати четырехъ краткихъ молитвахъ, опредѣливъ ихъ на каждый часъ дня и ночи. Постѣдуемъ и мы за Святителемъ, и потщимся вникнуть въ смыслъ и значеніе сихъ вздоханій ко Господу, краткихъ съ вѣнчнѣй стороны, но богатыхъ внутреннимъ содержаніемъ и многозначительныхъ по силѣ и глубинѣ покаяннаго въ нихъ чувства, исходящаго отъ сердца сокрушеннаго и смиреннаго, взывающаго къ Творцу своему: *изъ глубины воззвахъ къ Тебѣ, Господи!*

Дневи:

1.

Господи, не лиши мене небесныхъ Твоихъ благъ.

О единомъ на потребу надлежитъ намъ болѣе всего помышлять, и поэому въ первый часъ дня, въ началѣ поприща дневнаго, всего приличнѣе, всего нужнѣе вздохать о благахъ небесныхъ, о царствіи небесномъ, семъ неоцѣненному сокровищѣ, ради пріобрѣтенія котораго христіанинъ все прочее „яко уметь“ вмѣняеть. Итакъ во главу угла, въ твердое основаніе нашего земнаго дѣланія положимъ заботу о вѣчномъ.

и тогда воистину въ день онъ не лишимся небесныхъ благъ, уготованныхъ вѣмъ любящимъ Господа, творящимъ святую волю Его. И се—главная наша забота; прочее же все—приложится намъ.

2.

Господи, избави мя вѣчныхъ мукъ.

Противоположность благамъ небеснымъ—*вѣчные муки*, прямое послѣдствіе грѣховной жизни, бѣжать которой научаетъ страхъ Господень—сие истинное начало премудрости. Дѣйствительно, премудръ тотъ, кто со страхомъ совершає свое спасеніе,—чая и желая радостей небесныхъ и въ тожъ время страшась мукъ вѣчныхъ, уготованныхъ за грѣхи людскіе. Воистину премудръ тотъ, кто между страхомъ и надеждой пребываетъ! Страшится грѣшникъ, какъ предстанетъ Господу, какъ возврѣтъ на Праведнаго Судію: *суда Твоего, Господи, боюся, и муки безконечныя, злое же творя не престаю; но, Господи, или хощу, или не хощу, спаси мя.* Если такъ будемъ вопіять, то не далече будемъ отъ Господа!

3.

Господи, умомъ ли или помышленiemъ, словомъ или дѣломъ согрѣшихъ, прости мя.

Одно всего слово—*прости*, а много оно значить, какія важныя имѣть послѣдствія: избавляетъ отъ вѣчныхъ мукъ! Есть о чёмъ подумать, и серьезно подумать!

Уномъ согрѣшихъ. Все направленіе ума гордаго грѣшника далеко отстоитъ отъ помышленія о Божественномъ, и посему холодомъ вѣть отъ такого ума, который день и ночь получается не въ законѣ Господнемъ, а руководствуется лишь земнымъ и тлѣннымъ. Великій грѣхъ—отметать Божественныя и ставить превыше всего измышленія суетнаго ума человѣческаго! Не на правомъ пути стоить человѣкъ, полагающійся исключительно на собственный разумъ. *Согрѣшихъ, Господи, согрѣшихъ, и нѣсмъ достоинъ возврѣти на высоту небесную отъ множества неправдъ моихъ,—такъ надлежитъ вопіять такому грѣшнику!*

Помышленіемъ согрѣшихъ. Кто въ этомъ не грѣшенъ? И великие праведники, и мы грѣшные—всѣ въ этомъ повинны.

Но разница въ томъ, что нѣкоторые всепобѣдительнымъ оружиемъ креста и молитвою тщатся немедленно отгонять отъ себя всякое помышленіе грѣховное, и съ помощью Божіею въ этомъ успѣваютъ; другіе же, напротивъ, услаждаются помыслами злыми, суетными, страстными,—даютъ имъ, такъ сказать, расширяться, разростись. А отъ помысловъ недалеко и до словъ, и дѣлъ грѣховныхъ. Сего да избавить нась Господь!

Словомъ согрѣшихъ. Небольшая часть тѣла человѣческаго—языкъ, но какъ мы не умѣемъ съ нимъ справиться, какъ не умѣемъ его обуздатъ, какъ много всѣ имъ согрѣшаемъ! Часто одно слово злое, соблазнительное или просто суетное, имѣеть громадный послѣдствія—влечетъ за собой дѣла такого же свойства. О, какъ надобно взвѣшивать слова свои, какъ твердо содержать въ умѣ и сердцѣ евангельское изреченіе: *отъ словесъ своихъ оправдишися, и отъ словесъ своихъ осудишися.* (Мѳ. 12, 37).

Дѣломъ согрѣшихъ. Отъ помысловъ и словъ грѣховныхъ рождаются такія же дѣла, часто совершенно разстраивающія даже доброе доселѣ настроеніе христіанское и отвращающія душу нашу отъ спасительного пути хожденія въ страхѣ Божіемъ. И много, много надо потрудиться, чтобы вновь стать въ прежній чинъ!

Дабы избѣжать всѣхъ сихъ *лютыхъ*—ибо что лютѣе, что страшнѣе грѣха?—будемъ усердно, въ покаяніи, изъ глубины души взывать: *лютыми недуги, и болѣзнями страстью истязаему, Дѣво, Ты ми помози!*

4.

Господи, избави мя всякаго невѣдѣнія, и забвенія, и малодушія, и окаменѣнаго нечувствія.

Невѣдѣвый, сътворивъ достойнага ранамъ, біенъ будетъ мало (Лук. 12, 48).... Мало, но все таки *біенъ* будетъ, т.-е. и грѣхъ, совершенный невольно, по невѣдѣнію, осужденъ будетъ. Но есть еще невѣдѣніе, такъ сказать, *вольное*, когда мы не хотимъ изучать, вѣдать слово Божіе и правила церковныя, во многомъ предохраняющія отъ грѣха. И въ законѣ гражданскомъ сказано: невѣдѣніемъ закона никто отговариваться не можетъ. Кольми паче это примѣнімо къ закону Божественному! Если мы закрываемъ очи свои отъ зреінія словесъ

закона, начертанныхъ въ священномъ писаніи, если отвра-
щаемъ слухъ отъ слышанія глаголовъ Божіихъ, то сугубо
согрѣшаємъ! Не вздумай оправдаться невѣдѣніемъ: всякое
невѣдѣніе не простится тебѣ, тѣмъ паче—вольное невѣдѣніе
воли Божіей о немъ!

И забвеніе вмѣнится намъ въ грѣхъ: во 1-хъ забвеніе о
грѣхопаденіяхъ нашихъ; во 2-хъ, забвеніе обѣ обязанно-
стяхъ нашихъ къ Богу и къ ближнему, и въ 3-хъ, заб-
веніе о необходимости очищать душу покаяніемъ,—короче
сказать, забвеніе о всемъ томъ, что, съ одной стороны, осквер-
няетъ, омрачаетъ душу, и съ другой стороны о томъ, что
можетъ ее очистить, обѣлить, избавить отъ мрака грѣховнаго.

Малодушіемъ много мы грѣшиимъ. Во - первыхъ, жалѣемъ
себя, жалѣемъ свое тѣло, чрезмѣрно питаемъ, грѣемъ его,
часто въ ущербъ душѣ. Во - вторыхъ, вслѣдствіе какой то
ложной стыдливости, часто боимся, стыдимся, ужъ не говорю,
являясь исповѣдниками имени Христова,—куда намъ грѣши-
мъ до того—а просто намъ иной разъ даже стыдно бываетъ,
напримѣръ, перекреститься въ присутствіи другихъ, и. т. п.
Не надо ничего дѣлать напоказъ, но и ложнаго стыда надо
всячески бѣгать: *иже аще постыдится Мене и Моихъ словесъ, сего Сынъ человѣческій постыдится, егда приидетъ во славѣ Своей и Отчей, и святыхъ Ангелъ* (Лук. 9, 26). Потщимся чаше
приводить себѣ на память сіи слова Господа и Владыки
нашего!

Окамененное нечувствіе! Какое ужасное состояніе! Во-истину
—духовное омертвѣніе! Отчего оно происходитъ? Во-первыхъ,
отъ удаленія нашего отъ св. Церкви и всего церковнаго,—
наипаче же отъ удаленія отъ св. Таинствъ, обновляющихъ,
освѣжающихъ, оживляющихъ душу, отягченную страстью,
и тѣло, острупленное грѣхами. Безъ благодатнаго освященія
св. Таинствами душа покрывається толстою корою грѣховною,
которая, все тверже дѣлаясь, обращается наконецъ въ камень,
приводящій къ окамененному нечувствію. Во-вторыхъ, это
тяжелое душевное состояніе происходитъ отъ унынія,—когда
мы начинаемъ сомнѣваться въ милости и правосудіи Божіемъ,
и наконецъ доходимъ до отчаянія. Но не къ Богу прибѣгаемъ,
а мучаемся сомнѣніями,—и въ концѣ концовъ впадаемъ въ
уныніе—дѣлаемся какими то нечувствительными ко всему
Божественному, святыму, перестаемъ молиться... И сіе ока-

мененное нечувствіе часто бываетъ причиною духовной смерти, чего да избавить насъ милость Божія!

5.

Господи, избави мя отъ всякаго искушенія.

Случается слышать иногда мнѣніе, что Богъ искушаетъ; но это мнѣніе неправое, грѣховное: *никто же искушаемъ да глаголетъ, яко отъ Бога искушаемъ есть: Богъ бо нѣсть искушатель злымъ, не искушаетъ же Той никого же* (Іак. 1, 13). Искушенія приходятъ отъ плоти нашей, отъ міра и отъ дьявола, и многоразличны виды этихъ искушений, почему св. Златоустъ и говорить: „избави же отъ всякаго искушенія“. Подъ этимъ разумѣть надо, что мы не только просимъ, чтобы Господь не допустилъ насъ до искушенія, оградилъ святыми Своими Ангелами, но и при нападнѣемъ на ны искушениіи Онъ, Многомилостивый, не допустилъ насъ до паденія и дасть бы возможность, безъ душевнаго вреда, снова стать въ прежній чинъ—явиться побѣдителями грѣха. Памятовать надо, что *вѣренъ Богъ, иже не оставитъ насъ искустися паче, еже можемъ* (І Кор. 10, 13) и что *блаженъ мужъ, иже претерпитъ искушеніе* (Іак. 1, 12),—но посылается намъ побѣда надъ искушениемъ только милостью Божіею, вымоленnoю усердною нашею молитвою или молитвеннымъ за насъ ходатайствомъ вѣрныхъ рабовъ Божіихъ, молящихся о спасеніи нашемъ и вообище о всякой душѣ христіанской, скорбящей и озлобленной, милости Божіей и помощи требующей.

6.

Господи, просвѣти мое сердце, еже помрачи лукавое похотъніе.

Отъ сердца, омраченного лукавыми похотъніями—страстями, исходятъ помышленія злія (Мо. 15, 19), грѣховныя. Посему и молился св. Пророкъ Давидъ: *сердце созижди во мнѣ Боже.* Ибо только въ чистое сердце проникаютъ лучи Божественнаго свѣта, просвѣщающаго и освѣщающаго всякаго человѣка, грядущаго въ міръ! И тогда на такомъ человѣкѣ знаменается свѣтъ Лица Божія,—и вѣрный рабъ Христовъ еще на земли начинаеть зрять Свѣтъ неприступный: *блажени чистіи сердцемъ, яко тиі Бога узрятъ.*

7.

Господи, азъ яко человекъ согрѣшихъ, Ты же яко Богъ щедръ помилуй мя, видя немощь души моей.

Я грѣшный, немощный, слабый человѣкъ, ежедневно ежечастно согрѣшаю и падаю, и силь не имѣю встать, воспрянутъ духомъ. Ты же, яко Богъ всемогущій, всещедрый, помоги мнѣ, подыми раба Твоего изъ рова грѣховнаго, помилуй мя по велицѣй Твоей милости, на которую только и есть надежда, ибо не имѣю дѣлъ, оправдывающихъ меня! Итакъ, вся надежда на милость Божію и на милостивое заступленіе святыхъ Божіихъ и Матери Божіей: *вся Ангеловъ воинства, Предтече Господень, Апостоловъ двоенадесятице, Святіи все съ Богородицею, сотворите молитву, во еже спастися намъ.*

8.

Господи, посли благодать Твою въ помощь мнѣ, да прославлю имя Твое святое.

Прославлять имя Божіе надо не только словами, но главнымъ образомъ—дѣлами. *Приближаются Мнѣ люди сіи юсты своимъ, и юстнами чутуть Мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Мѳ. 15, 8), изрекъ Спаситель. *Прославите Бога въ тѣлесиахъ вашихъ, и въ душахъ вашихъ* (І Кор. 6, 20),—сказано св. Апостоломъ Павломъ. Если мы дѣйствительно отъ всего сердца, отъ всей души и всего помышленія будемъ славить Господа, то несомнѣнно, что это отобразится на жизни нашей, которая будетъ тогда воинисту тихимъ и безмолвнымъ *житіемъ* во всякомъ благочестіи и чистотѣ. Но чтобы проводить истинное христіанское *житіельство*, необходима, какъ во всякомъ добромъ дѣлѣ, благодатная помощь свыше: *безъ Мене не можете творитиничесоже* (Іоан. 15, 5), сказалъ Господь. О ниспосланіи намъ сей Божественной благодати, всегда немощная врачующей и оскудѣвающей во полняющей, надо немолчно вопіять ко Господу, вѣруя слову Спасителя: *просите и дастся вамъ* (Мѳ. 7, 7). Но въ особенности важно освящаться благодатными таинствами св. Церкви, приближающими насть ко Господу, очищающими, подкрѣпляющими и отверзающими намъ двери милосердія Божія!

9.

Господи, Иисусе Христе, напиши мя раба Твоего въ книзъ животній, и даруй мя конецъ благий.

Конецъ благий, т. е. христіанская кончина живота нашего,— се залогъ добра го отвѣта на страшномъ судицѣ Христовѣ, се—вѣрное основаніе къ тому, чтобы имена наши были написаны на небесахъ (Лук. 10, 20), сей воистину книзъ животній, въ которую вносятся только тѣ, кто сподобляется живота вѣчнаго въ обителяхъ Отца Небеснаго. А обители сіи уготованы лишь тѣмъ, кто главною цѣлью земного своего дѣланія поставляеть стремленіе въ селенія небесная. Итакъ, вѣнецъ желаній христіанскихъ, желаній край — добрый отвѣтъ въ день онъ, егда сядеть Судія на престолъ страшномъ— книги разгибаются, и дѣянія обличаются¹⁾... О, да услышимъ тогда оный блаженный гласть: *приидите благословеніи Отца Мого, наслѣдуйте уготованное вамъ царствіе отъ сложенія мира* (Мо. 25, 34)!

10.

Господи Боже мой, аще и ничтоже благо сотворихъ предъ Тобою, но дажь ми, по благодати Твоей, положити начало благое.

Согрѣшихомъ, беззаконноваахомъ,—грѣхи наши превзыдоша главу нашу, и не имѣмъ дѣлъ, оправдывающихъ насъ. Но если до сего времени мы такъ беспечно жили, то по крайней мѣрѣ теперь, съ сего часа, потицимся измѣнить свою суетную жизнь на житіе христіанское, и будемъ просить безмѣрную благодать Божію, да ниспослана намъ будетъ Божественная благодать и даръ Святаго Духа,—ибо безъ благодатной помощи свыше мы бессильны и положить начало благое, и провести это начало въ послѣдующую свою жизнь. Скорый въ заступленіе и Крѣпкій въ помошь, предстани благодатію силы Твоєя нынѣ, и благословивъ укрѣпи, и въ совершеніе намѣренія благаго дѣла рабовъ Твоихъ производи!

11.

Господи, окропи въ сердцѣ мое росу благодати Твоей.

Какъ капля дождевая, какъ роса утренняя освѣжаетъ, оживляетъ зелень травную, такъ и душу нашу, изсохшую

¹⁾ Нед. мясопустная, стихира нахвалитехъ.

въ суетъ мірской, умерщвленную страстью, освящаетъ, оживляеть благодать, сообщаемая намъ во святыхъ Таїнахъ. Какой-то свѣжестью, силу исполняется душа, удостоившаяся принятія святыхъ, Божественныхъ, бессмертныхъ, животворящихъ Христовыхъ Таинъ, и се воистину—роса благодати Божіей, безъ коей мы спастись не можемъ: *аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 54).

12.

Господи небесе и земли, помяни мя грѣшнаго раба Твоего, ступнаго и нечистаго, въ царствіи Твоемъ. Аминь.

Вспомнимъ разбойника благоразумнаго, въ предсмертномъ бореніи изъ глубины воззвавшаго ко Господу и услышавшаго тутъ же, на крестѣ, обѣтованіе Спасителя: *днесь со Мною будеши въ раи* (Лук. 23, 43). Какъ отягченъ грѣхами, какъ нечисть былъ сей разбойникъ, но и онъ, великаго ради покаянія своего, сподобился величайшей милости Божіей—царствія небеснаго, сего воистину безцѣннаго бисера. Приложимъ и мы всѣ усилія къ обрѣтенію этого сокровища, но не будемъ отлагать покаянія, ибо не знаемъ, будеть ли намъ дано предъ самою кончиною сподобиться напутствія христіанскаго въ таинствахъ св. покаянія и св. причащенія. Потщимся всегда быть готовыми предстать предъ Господомъ, ибо не знаемъ ни дня, ни часа, когда позваны будемъ. Помяни насъ, Господи, во царствіи Твоемъ!

Ноющи:

1.

Господи, въ покаяніи пріими мя.

Ноюще поприще начиная, всего естественнѣе помышлять о дарованіи намъ сна мирнаго и безмятежнаго, который въ особенности посылается тѣмъ, кто съ совѣстью, очищенной покаяніемъ, отходитъ ко сну: не знаемъ бо, что день грядущій намъ готовить,—просвѣтить ли Господь окаянную душу нашу днемъ, или же одръ нашъ гробъ намъ будетъ. Каяться въ душѣ и молитвѣ Человѣколюбца надо, да даруетъ намъ прощеніе, еже согрѣшихомъ въ день минувшій сло-

вомъ, дѣломъ, помышленіемъ; при первой же возможности надо спѣшить принести и церковное покаяніе предъ отцомъ духовнымъ, и чѣмъ чаще мы будемъ это творить, тѣмъ чище станемъ, тѣмъ и день, и ночь безгрѣшнѣе проводить будемъ, тѣмъ болѣе надежды будемъ имѣть спасеніе вѣчное получить!

2.

Господи, не остави меня.

Господь никогда насъ не оставитъ, если только мы сами Его не оставимъ, или не удалимся отъ Него грѣхами своими *на страну далеке*, на путь служенія не Богу, а манонъ. И это забвеніе о Богѣ приводить къ безпросвѣтной тьмѣ, въ коей становится погруженной душа наша, лишенная по своей собственной винѣ Свѣта Божественнаго. И извести изъ темницы душу нашу можетъ только особое чудо милости Божіей, по молитвамъ св. Церкви, ежедневно молящейся о спасеніи нашемъ. О, да не будетъ же множество грѣховъ нашихъ средостѣніемъ между Господомъ и нами, да не лишимся Его благодатной помощи,—ибо предоставленные сами себѣ, мы ни на что доброе не способны!

3.

Господи, не введи мене въ напасть.

Самая ужасная напасть—во грѣхахъ пребываніе. Какъ же избавиться отъ сей напасти? *Молитесь, да не внидите въ напасть* (Лук. 22, 40), изрекъ Спаситель. И памятовать надо, что не Господь вводить въ напасть, а мы сами впадаемъ въ различныя напасти; Богъ же силенъ, по молитвамъ рабовъ Своихъ, отвратить отъ насъ всякую напасть,—другими словами, не допустить, чтобы мы были введены въ напасть: *вѣсть Господь благочестивыя отъ напасти избавляти* (2 Петр. 2, 9). Значитъ, основаніе для избавленія отъ напастей—благочестіе, т. е. усердное въ молитвѣ пребываніе и хожденіе по волѣ Господней. Значить, отъ насъ самихъ все зависитъ. Но мы слабы, немощны, подобны трости, вѣтромъ колеблемой. Посему и устоять на камени заповѣдей Господнихъ можемъ только по милости Божіей, въ особенности молитвеннымъ заступленіемъ Матери Божіей: *многими содережимъ напастями, къ Тебѣ приближая, спасенія искай: о Мати Слова! отъ тяжкихъ и лютыхъ мя спаси.*

4.

Господи, да жесть ми мысль благу.

Все благое—оть Господа. Поэтому чѣмъ болѣе мы будемъ пребывать съ Господомъ, чѣмъ усерднѣе прибѣгать къ Его Божественной помощи, тѣмъ и мысли наши будуть ближе къ Богу, Его же премудрому водительству самихъ себя, другъ друга и всю жизнь нашу предадимъ. И если такъ будемъ поступать, то не отринеть насъ Господь—помышленія исправить, мысли очистить и все ко благому концу направить. Конецъ же—вѣнчаетъ все дѣло! Не тотъ славенъ въ вѣчности, кто начало положить благое, а тотъ лишь, кто кончить хорошо, кто до конца дней своихъ пребыль вѣренъ Господу! Души лишь таковыхъ вѣрныхъ и благихъ рабовъ—во благихъ водворятся!

5.

Господи, да жесть ми слезы, и память смертную, и умиленіе.

Иногда скорбь насъ обдергитъ, терпѣть не можемъ демонскаго стрѣлянія,—слезъ желаемъ, и слезы къ намъ не приходятъ! Тяжелое душевное состояніе! И какъ земля, не напоенная дождемъ, сохнетъ и не даетъ плода во время свое, такъ и скорбь, не растворенная слезами, все тяжелѣе переносится и приводитъ иной разъ къ унынію. Напротивъ, благодатныя слезы умиленія погашаютъ всѣ разжженныя стрѣлы лукаваго, и мракъ унынія и скорби, облежащій насъ, далече отгоняютъ. И слезы сіи—даръ Божій, ниспосыпаемый сердцу сокрушенному и смиренному, непрестанно духовнымъ окомъ взирающему на скончаніе жительства и неотходно содержащему въ умѣ памятованіе о добромъ отвѣтѣ на страшномъ судицѣ Христовомъ. Сего да сподобить насъ милость Божія.

6.

Господи, да жесть ми мысль исповѣданія грѣховъ моихъ.

Грѣшить мы умѣемъ и, охъ, какъ часто и много грѣшимъ; каяться же въ грѣхахъ не хотимъ, и все отлагаемъ начало покаянія. А между тѣмъ, какъ нужно намъ многогрѣшнымъ возможно частое исповѣданіе грѣховъ предъ духовникомъ,

какъ необходимо это врачевство духовное душевныхъ ранъ нашихъ! Къ сожалѣнію, часто и совсѣмъ не дѣмъ о покаяніи, а если и приходить иногда мысль о семъ, то не спѣшимъ привести ее въ исполненіе, разсчитывая, что время еще есть, успѣмъ, причемъ забываемъ, что никто не знаетъ ни дня, ни часа, когда позванъ будетъ предстать предъ Господа—дать отвѣтъ во всѣхъ своихъ словахъ, дѣлахъ и помышленіяхъ. Подателю всякаго блага надо усердно молиться, да утвердить насть въ благомъ намѣреніи приносить возможно частое исповѣданіе грѣховъ своихъ. Второе, о чмъ надо отъ всей души и отъ всего помышленія молить Господа, да будетъ исповѣданіе наше возможно полнымъ, да не забудемъ чего, да не устршимся или убоимся открыть что либо отцу духовному, который только свидѣтель,—покаяніе же наше, надо вѣрить, пріемлетъ Самъ Христосъ Богъ нашъ, Его же святому водительству всецѣло себя предадимъ и Онъ научить, наставить, поможетъ намъ!

7.

Господи, даждь ми смиреніе, цѣломудріе, и послушаніе.

Основаніе нашего спасенія—смиреніе, т. е. искренное, отъ сердца, сознаніе своихъ немощей, своей никуда негожести, и отсюда покаянныій гласъ: *Боже, милостивъ буди мню грѣшному!* Больше всего препятствуетъ принести истинное покаяніе—это гордость: гордымъ Богъ противится, т. е. не пріемлетъ покаянія, основанаго не на смиреніи,—покаянія человѣка, высоко ставящаго дѣла свои и если яко-бы кающагося, то въ глубинѣ души считающаго себя выше другихъ человѣкъ—грѣшниковъ Это именно и есть покаяніе фарисейское. Намъ же даруй, Господи, мытарства смиренное покаяніе! *Фарисеева убоожи и въ высокоглаголанія, и мытаревъ научимся высотъ глаголъ смиренныхъ!*

Всльдъ за смиреніемъ, помолимся о ниспосланіи намъ духа цѣломудрія: *даждь намъ цѣломудрія пожити дѣлы и словесы!* Такъ всѣмъ молиться надо, и инокамъ, и мірянамъ, и безбрачнымъ, и въ бракѣ живущимъ,—ибо всѣмъ подвизаться въ цѣломудріи необходимо, коемуждо по его потребѣ, по его мѣрѣ: можно и дѣломъ, и словомъ не согрѣшать, а въ глубинѣ души быть великимъ въ этомъ отношеніи грѣш-

никомъ. Посему и молился св. Пророкъ Давидъ: *отъ тайныхъ моихъ очисти мя* (Пс. 18,13).

Вообще же для успѣха въ дѣлѣ нравственного очищенія необходимо *послушаніе* волѣ Божіей, изложенной въ святомъ Евангеліи и изъясненной въ ученіи св. Церкви. Уклоненіе отъ этого послушанія приводить къ тому пагубному, если не съ виѣшней стороны, то для души, состоянію, въ которое впаль блудный сынъ, захотѣвши жить по своей самочинной волѣ. Но евангельской блудный сынъ все-таки наконецъ раскаялся и удостоился прощенія. Удостоимся-ли мы сего, не найдетъ-ли на насъ внезапно *день той*—день представленія отъ сей временной жизни въ жизнь безконечную?

8.

Господи, даждь ми терпѣніе, великодушіе и кротость.

Терпѣніемъ вашимъ спасайте души ваши (Лук. 21,19), заповѣдано намъ Господомъ. *Терпѣніе нужно, чтобы, исполнивъ волю Божію, получить обѣщанное* (Евр. 10,36), т.-е. царствіе небесное, которое отъ вѣка *нудится, и нуждницы восхищаются* (Мѳ. 11,12),—или другими словами,—многими трудами, усилиями достигается царствіе небесное, и только добро потрудившіеся здѣсь на землѣ получать блага вѣчныя *тамъ*, въ обителяхъ Отца небеснаго. Для постоянства же и успѣха въ трудахъ необходимо терпѣніе, ибо множество препятствій, скорбей, злоключеній, искушеній въ жизни сей,—и все надо терпѣливо переносить, не падая духомъ, а закаляя оный,—все преодолѣть, дабы явиться побѣдителями грѣха!

Великодушіе—одна изъ величайшихъ добродѣтелей, гдѣ зло побѣждается добромъ. Прости врага, благотвори ему, старайся и въ сердцѣ не имѣть противъ досадившаго тебя никакого злого чувства,—поработай надъ собой въ этомъ отношеніи, и воспитаешь въ себѣ великодушіе. Съ другой стороны, нужда общественная, нужда частная требуютъ какой нибудь съ твоей стороны жертвы, принесеніемъ которой ты потерпишь нѣкоторое стѣсненіе, ущербъ, неудобство,—откажись отъ благъ *твоихъ* ради блага *ближняго*, и будешь воистину великодушенъ!

Близко къ великодушію стоитъ *кротость*, т.-е. такое благостное настроеніе сердца, когда въ немъ нѣтъ мѣста никак-

кому злому чувству, когда никакія непріятности не могутъ вынудить насъ нарушить наше душевное равновѣсіе, когда ничто не можетъ заставить насъ быть рѣзкимъ, гнѣвливымъ, мстительнымъ. И памятовать надо, что только тотъ, кто кротокъ и смиренъ, тотъ ученикъ Христовъ, и что кроткие наслѣдія земли живыхъ, т.-е. царствіе небесное. Есть изъ-за чего потрудиться — стяжать духъ кротости!

9.

Господи, всели въ мя корень благихъ, страхъ Твой въ сердце мое.

Корень благихъ, т.-е. основаніе всякаго добродѣланія, начало премудрости—это страхъ Господень, и тотъ только истинно премудръ, кто страшится праведнаго за грѣхи осужденія, страшится обнаженнымъ добрыхъ дѣлъ предстать предъ Праведнаго Судію. И этотъ спасительный страхъ, овладѣвая человѣкомъ, измѣняетъ всю жизнь его, и часто легкомысленаго грѣшника превращаетъ въ послушнаго раба Божія. Все—искра Божія, которая благодатію Божіею, многими молитвенными и постническими трудами, обращается въ пламень огненный, попаляющій всѣ въ насъ плевелы грѣховные. Станемъ же добръ, станемъ со страхомъ земное теченіе совершати! Страхъ Твой, Господи, всади въ сердце мое!

10.

Господи, сподоби мя любити Тя отъ всея души моей, и помышленія, и творити во всемъ волю Твою.

Возлюби Господа—первая и болышая заповѣдь. И какъ широка заповѣдь эта!

Возлюби Господа *всѣмъ сердцемъ, всю душою и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ*, т.-е. докажи свою любовь *дѣлои*, не ограничиваясь при этомъ одностороннею какою либо добродѣтелью, но *во всемъ* твори святую волю Его. А воля Божія начертана въ св. Евангеліи, въ заповѣдяхъ, и истолкована св. Церковью, сею вѣрною хранительницею Божественнаго откровенія. Приди же и поучайся закону Господню, поучайся познать священную волю Божію, и познавъ, усердно прилагай ее къ жизни. Но при этомъ памятуй, что одна

внѣшняя исправность не спасеть. Надо *всю* душу, *все* помышленіе вложить въ дѣло, надо *горячимъ сердцемъ* творить благо,—и если такъ поживешь, то будешь не *съышателемъ* только, а истиннымъ *творцомъ* закона, т.-е. исполнителемъ во всемъ святой воли Божией!

11.

Господи, покрый мя отъ человѣкъ нѣкоторыхъ, и бѣсовъ, и страстей, и отъ всякия иныхъ неподобныя вещи.

Тлять обычай благи бесѣды злы. (1 Кор., 15, ₃₃), т.-е. доброе теченіе жизни нарушается рѣчами людей злонамѣренныхъ, невѣрующихъ, суетныхъ, и совѣты, внушенія, а равно мнѣнія такихъ людей смущаютъ вѣрующую душу, разстраиваютъ ее, а иногда и совсѣмъ совращаютъ съ пути истиннаго. Посему, какъ осмотрительнымъ надо быть въ выборѣ знакомствъ! И усердно надо просить Господа, избавить насъ отъ обиженія съ людьми, близость къ которымъ можетъ принести душевный вредъ! И отъ сѣтей князя міра сего, отъ дѣйствія бѣсовъ надо усердно ограждаться молитвою,—ибо ничему такъ легко не поддается слабый человѣкъ, какъ искушенію бѣсовскому, которое иногда по виду кажется невиннымъ, и даже какъ будто клонящимся къ душевной пользѣ человѣка, но внутри полно всякой злобы къ людямъ и влечеть къ паденію, къ измѣнѣ Христу. Особенно пользуется въ данномъ случаѣ діаволь *страстями* нашими, удобопреклонностію нашею на всякий грѣхъ. Во время не остановленная склонность къ какой нибудь грѣховной привычкѣ, все разрастаясь, обращается въ страсть, рабомъ которой становится бѣдный человѣкъ и служеніе которой ставить на первомъ планѣ, а о спасеніи все менѣе помышляетъ, и наконецъ совсѣмъ поступаетъ во власть князя тьмы. Поэтому надо тщательно избѣгать всего того, что можетъ смутить нашу душу,—надо, по возможности, избѣгать посѣщенія тѣхъ мѣстъ и лицъ, где можно встрѣтить искушеніе, избѣгать и занятій суетныхъ, исполненныхъ духомъ мірскимъ, который всегда былъ противникъ Христу. И какъ преподобіемъ называется приближеніе, подражаніе, *уподобленіе* Христу, такъ наоборотъ, *неподобною вещью* именуется еще то, что не имѣтъ ничего общаго съ Христомъ, что противно ученію Христову.. Дабы

избавиться всѣхъ сихъ, будемъ усердно взывать: *Заступникъ души моей буди, Боже, яко посреди хожду сѣтей многихъ.*

12.

Господи, вѣси яко твориши, якоже Ты видиши, да будеть воля Твоя и во мнѣ грѣшнемъ: яко благословенъ еси во вѣки. Аминь.

Пути Господни неисповѣдимы, и все, что творить Господь, все премудростю исполнено. Посему не надо смущаться, если иногда даже усердно просимое нами—не бываетъ исполнено. Какъ часто потомъ приходится убѣждаться, что то, о чемъ мы такъ усердно молились, не на пользу намъ было бы. А потому, если и просимъ у Господа ниспосланія какого-нибудь блага, то добавлять все-таки нужно: но не моя, а Твоя да будетъ воля, святая и праведная! И если такъ поживемъ, то во истину благословить душа наша Господа не словомъ однимъ, но и всѣмъ своимъ настроеніемъ, и всѣми дѣлами нашими! Благослови же, душа моя, Господа!

A. 3.

Изъ личныхъ духовныхъ переживаній и воспоминаній.¹⁾

Постараюсь, по возможности, сгруппировать всѣ факты, указывающіе на особое какое-то духовное отношеніе Богоматери къ моему покойному сыну, а черезъ него и вліяніе и на меня и мои вѣрованія. Прежде всего мнѣ бросился въ глаза и сильно подействовалъ на мое чувство—это тотъ способъ какъ бы примиренія, который словно избрала Сама Богоматерь послѣ того, какъ отклонила мои первыя, отчаянныя, безумныя къ Ней молитвы. Въ этой маленькой иконкѣ, которая была положена больному въ агоніи сыну, Она явила все свое заступничество и милосердіе. Она своею благодатной силой не отходила отъ него, словно присутствуя постоянно въ этомъ образкѣ, который въ семье сталъ съ тѣхъ поръ считаться чудотворнымъ, и въ каждой иконѣ Своей, на которую обращались взоры моего сына и на которую указывалъ онъ мнѣ. Мнѣ тогда же пришло въ голову, что у насъ, людей, примиреніе происходитъ не такъ — особенно люди власть имѣющіе, или въ которыхъ мы почему-либо нуждаемся, ждутъ, чтобы сперва ихъ почтили. Такжѣ, когда отъ людей отварачиваются и не хотятъ ихъ знать, то сами они не идутъ и не напрашиваются своими услугами. Здѣсь произошло какъ разъ наоборотъ. Я не знала Богоматери, и потому, за Ея умышленное, какъ мнѣ казалось, нежеланіе исполнить мою просьбу, я уже съ недовольствомъ отвернулась отъ Ней, не вникая въ то, что Она, несомнѣнно, въ данномъ случаѣ лишь руководилась неизмѣнной волею Сына Своего. Она Сама какъ бы протянула руку примиренія и взяла сына моего подъ Свое особое покровительство.

1) Продолженіе.—См. „Г. Ц.“ и. сентябрь.

Мальчикъ былъ неутомимъ въ молитвѣ, несмотря на свою физическую слабость. Возвращаясь изъ церкви, онъ служилъ свою всенощную, свою обѣдню. Даже послѣ Пасхальной заутрени нельзя было убѣдить его разговляться, пока онъ не отслужить своей заутрени.

Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что происшедшей въ немъ перемѣны въ смыслѣ такъ необычайно выразившемся въ немъ религіозномъ направленіи, свои и близко стоявшіе къ нашей семье иногда просили его, крохотнаго, помолиться о какихъ-нибудь ихъ личныхъ нуждахъ. Такъ, помню, мы однаждыѣздили съ нимъ въ маленькую деревенъку къ умирающей старухѣ. На выздоровленіе ея никто не надѣялся. Дочь больной старушки просила Коля, какъ особенно молитвенного мальчика, помолиться о выздоровленіи ея матери. И вотъ онъ, тогда двухлѣтній мальчуганъ, потянулся къ закоптѣлой иконѣ надъ дверями избы и такъ и просіялъ весь—„Мама, это Матерь Божія!“ Онъ поскребъ тамъ по иконѣ, къ которой я его подняла, ручѣнкой, словно хотѣлъ коснуться ея, покрестился, поцѣловалъ икону, и мы поѣхали. Передъ каждой деревенской часовней на перекресткахъ дороги онъ серьезно снималъ шляпу и набожно крестился. Это, впрочемъ, онъ дѣлалъ всегда при видѣ всѣхъ часовенъ, всѣхъ церквей и всѣхъ крестовъ, гдѣ бы они ни встрѣчались. Не знаю, молитва ли моего сына дошла до Бога и столь любившій его Матери Божіей, но старушка та выздоровѣла и жива и понынѣ, когда уже и сынъ мой, молившійся о ней, вотъ уже болѣе двѣнадцати лѣтъ, какъ перешелъ въ иной міръ.

Мой сынъ часто болѣлъ, и болѣль трудно. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда просилъ свой образокъ и клалъ его подъ подушку. Онъ каждый годъ почти страдалъ какой-то мучительной лихорадкой. Пароксизмы обыкновенно выражались въ томъ, что дѣлался сильный знобъ, сейчасъ же послѣ него жаръ, и мальчикъ засыпалъ въ жару. Вскорѣ же выступалъ обильный потъ и температура понижалась до того, что онъ весь холодѣлъ. Тогда Коля вскакивалъ и у него начинался страшный бредъ, и всегда одинаковый. Мальчикъ въ ужасѣ смотрѣлъ въ одно мѣсто и безумно кричалъ, призывая насъ съ отцемъ всегда одинаковыми словами—„Мама, папа, благословите!“ Но въ этомъ отчаянномъ крикѣ было столько ужаса, словно что-то необыкновенно страшное представлялось

ему. Когда мы подходили, онъ отталкивалъ нась въ новомъ ужасѣ, не узнавая, и продолжая звать. Мнѣ пришло въ голову однажды дать ему въ руки во время такого бреда его иконку Божіей Матери. Онъ сразу узналъ ее, схватилъ обѣими руками и началъ цѣловать; съ иконки онъ перевелъ глаза на нась и тотчасъ же узналъ и нась. Съ тѣхъ поръ этотъ ужасный бредъ всегда сразу прекращался съ помощью его иконки, которую онъ всегда узнавалъ. Однажды у сына сдѣлалось воспаленіе рта. Весь ротъ покрылся болыими нарывами. Сильная краснота, опухоль во рту не позволяла ему закрыть рта. Кромѣ нѣсколькихъ ложекъ молока, вливаемыхъ ему съ большими трудомъ,ничѣмъ нельзя было питать его. Сыну было тогда лѣтъ семь. По уѣзду въ то время уже мѣсяца два, какъ носили привезенную изъ с. Зимарова чудотворную икону Боголюбской Божіей Матери, о которой я раньше упоминала. Сынъ зналъ эту икону. Онъ уже ходилъ за нею съ толпой по одному изъ отдаленныхъ сель уѣзда незадолго до своей болѣзни, гдѣ былъ съ отцомъ, частоѣзившимъ по дѣламъ земскихъ школъ и любившимъ брать съ собой кого-либо изъ дѣтей. Икону должны были принести и въ наше село, и сынъ съ большими волненіемъ и нетерпѣніемъ, передавшимся и мнѣ, ожидалъ ее. Мы съ сыномъ сговорились просить у Матери Божіей исцѣленія отъ его болѣзни и твердо вѣрили, что такъ и будетъ, хотя я и не представляла себѣ способа проявленія ожидаемаго нами чуда. Во время этой болѣзни докторъ бывалъ у нась почти каждый день, но болѣзнь рѣшительно не поддавалась никакому лѣченію. И въ тотъ день, когда икона должна была быть принята у нась въ домѣ, докторъ пріѣхалъ часа за два до нея. Онъ говорилъ, что испробовалъ всѣ средства и, къ своему удивленію, долженъ сознаться, что ничего не дѣйствуетъ, и что хотя болѣзнь сама по себѣ не можетъ считаться опасною, но сильно ослабляетъ мальчика, такъ какъ онъ уже дней десять былъ почти совершенно безъ пищи. Докторъ уѣхалъ, а часа черезъ два въ квартиру была внесена Икона — она взошла къ намъ со своей неизъяснимой атмосферой, заставляющей признать чудотворную силу ея, той атмосферой особой благодати, которая вызываетъ сильный подъемъ въ общемъ настроеніи всѣхъ присутствующихъ.

Мы встрѣтили икону, отслужили молебень съ акафистомъ

и водосвятіемъ. Я подвела больного сына, и мы приложились съ нимъ къ чудотворной иконѣ, крѣпко держа въ головѣ молитвенную мысль объ ожидаемъ нами исцѣленіи. Послѣ этого съ особеннымъ, словно ангельскимъ пѣніемъ, икона была поднята и унесена въ зданіе сельской школы. Меня неудержимо повлекло за толпой въ школу, и я лишь наскоро сказала, уходя, чтобы дѣтямъ дали выпить святой воды.

Но въ школѣ мнѣ не стоялось. Вмѣсто того, чтобы вновь, если такъ можно выразиться, впитывать эту небесную атмосферу, мнѣ хотѣлось бѣжать домой—мнѣ казалось, что служить и читаютъ необыкновенно долго. Наконецъ молебень кончился. Съ иконою пошли въ квартиру учителей. Они звали и меня, но меня тянуло домой, и я поспѣшила къ дѣтямъ, не отдавая себѣ отчета для чего, но словно чувствуя, что меня ждетъ дома нѣчто необычайное. И дѣйствительно — я лишь открыла дверь, какъ, лежавшій до сихъ поръ, ослабѣвшій и страдавшій сынъ мой, бросился ко мнѣ на встрѣчу съ распостертыми объятіями—“мамочка, я три чашки чаю выпилъ, и еще хочу пить“. Болѣзнь прекратилась, опухоль опала, нарывы какъ-то спались, боль исчезла. Всѣ лѣкарства были заброшены, и мой мальчуганъ быстро и незамѣтно совсѣмъ оправился. Впослѣдствіи, когда мнѣ приходилось рассказывать объ этомъ, меня укоряли, что я тогда же не заявила объ этомъ случаѣ для записи въ книгу, гдѣ записывались чудеса Святой Иконы. Но да простить мнѣ Богоматерь мою неопытность тогда, въ дѣлахъ вѣры и религіи. Сердечная моя благодарность была отъ этого нѣ менѣе, должно же прославленіе, которое я не умѣла тогда воздать, пусть примется теперь вить этими, быть можетъ и слабымъ описаниемъ. Воспоминанія эти увлекаютъ меня въ большія подробности, и мнѣ хочется разсказать кое-что о характерѣ моего сына и о его жизни, поскольку это касается его христіанства и вѣры. Онъ напоминалъ мнѣ всегда древнихъ христіанъ—облаченія его были бѣдны, потому что шились изъ чегонибудь старого, иногда просто изъ бѣлаго холста, или изъ оставшихся клочковъ матеріи. Покрой онъ зналъ лучше меня, а потому или самъ выкраивалъ или руководилъ мною, указывая, гдѣ что надо пришить. Платъ для антиминса, воздухи и проч. все это онъ дѣлалъ самъ. Всѣ священные принадлежности хранились у него съ особеннымъ тицаніемъ и благого-

въніемъ. Служба совершилась просто, глубоко-молитвенно. Иногда онъ привлекалъ къ участію младшую сестру, съ которой особенно былъ друженъ, и тогда она исполняла у него должность діакона. Но это ему рѣдко удавалось—сестра, по болѣшей части, отклонялась отъ этихъ обязанностей, и я часто слышала, какъ онъ убѣждалъ ее, называя это ложнымъ стыдомъ. Очевидно ей непріятны были все чаше и замѣтнѣе проявлявшіяся шутки и смѣхъ по поводу такого служенія со стороны прислуги и стороннихъ лицъ. Людямъ свойственно быстро ко всему привыкать, и то, что въ моемъ сынѣ казалось на первыхъ порахъ всѣмъ необыкновеннымъ и интереснымъ, стало многими теперь осуждаться и даже вызывать столь огорчавшій моего сына смѣхъ. Но тѣмъ не менѣе самъ Коля никогда и ничего не стыдился въ своемъ служеніи Богу, какъ онъ это правильно называлъ, и когда его ужъ очень донимали насмѣшками или еще попреками, что онъ, будущій батюш카, а позволяетъ себѣ шалить и капризничать, что съ нимъ иногда и дѣйствительно бывало, какъ и со всяkimъ ребенкомъ, то онъ прибѣгалъ ко мнѣ съ горькими слезами и говорилъ, что ему очень больно отъ этихъ укоровъ, но что вѣдь не играеть онъ въ службу (ему обиднѣе всего было, когда это называли игрой), а дѣйствительно служить Богу, готовится къ настоящему служенію, и что ему надо все выносить, потому что, когда онъ будетъ „настоящимъ“ священникомъ, ему вѣроятно придется выносить еще большие всякихъ укоровъ и искушеній, потому что вѣдь священникъ все же остается человѣкомъ со всѣми своими недостатками и грѣхами, а всѣмъ хочется непремѣнно уколоть, какъ вотъ его теперь, а вѣдь не можетъ же онъ не шалить и не капризничать, такъ какъ онъ самый обыкновенный мальчикъ, а его не хотятъ понять и все попрекаютъ. Я старалась успокоить его, по возможности предохранить отъ непріятностей, но онъ не позволялъ по его жалобамъ, дѣлать выговоры, и о его дѣтскихъ уже тяжелыхъ испытаніяхъ и внутренней борьбѣ знали только я да онъ. Облегчивъ со мною душу, онъ шелъ на свое служеніе съ новой энергией. Въ общемъ же его богослуженіе вызывало въ окружающихъ—въ своихъ семейныхъ и постороннихъ лицахъ—различные отношенія. Отецъ никогда ничего не высказывалъ по этому поводу, но и никогда не смеялся и никогда не отказывался цѣловать

крестъ, который Коля обыкновенно всѣмъ давалъ цѣловать послѣ своей службы. Мнѣ кажется, отецъ часто серьезно присматривался къ тому, что дѣлаетъ сынъ, замѣчая, что въ душѣ ребенка происходитъ нѣчто совсѣмъ непохожее на игру. Дѣти всѣ вообще, и нации, и посторонніе, которымъ приходилось иногда присутствовать при его богослуженіяхъ относились къ тому, что Коля священникъ и служить, съ большимъ почтеніемъ, не шалили во время его службы, клали земные поклоны, цѣловали всѣ его иконы, евангеліе и крестъ. Свои выучивались, такимъ образомъ, набожно стоять и въ церкви и тамъ тоже ко всему относиться съ почтеніемъ и вниманіемъ. Всѣ наши дѣти были въ тотъ возрастъ направлены Колей въ высшей ступени религіозно. Онъ многому научилъ ихъ, выучивалъ сознательно молиться и понимать читаемыя молитвы. Я слышала однажды, какъ онъ пояснялъ имъ смыслъ молитвы „Царю Небесный“.— „Духъ Святой, говорилъ онъ—вездѣ. Онъ наполняетъ собою все, какъ воздухъ, которымъ мы дышимъ—вѣдь если бы насть посадили въ такое мѣсто, где совсѣмъ нѣть воздуха, мы бы задохнулись тамъ; такъ и душа не можетъ быть въ такомъ мѣстѣ. где нѣть Духа Божьяго, да такого мѣста и нѣть. Онъ проникаетъ всюду, даже во всѣ маленькие уголки и живить собою все, не только человѣка, но и каждую самую крохотную былинку“. Я не могу точно передать его словъ, говорю только приблизительно, какъ помню, у него же объясненіе это было глубоко проникнуто внутреннимъ чувствомъ и поэтически просто. Удивительнѣе всего, что вѣдь онъ почти не учился, и даже читать умѣлъ плохо, какъ какъ рось слабенькой и часто болѣль. Евангеліе онъ зналъ хорошо, и во время своихъ богослуженій онъ не читалъ его по книгѣ, а разсказывалъ, и всегда съ поясненіями. Разсказывалъ просто, громко, внятно и съ большимъ чувствомъ. Такой способъ былъ, даже доступнѣе его младшимъ богомольцамъ, и прислуга, иногда готовая пожалуй и разсмѣяться, тогда заслушивалась и говорила—„иши, Коля-то нашъ, какъ настоящій батюшкѣ разсказываетъ—каждое слово у него поймешь“. Прислуга и посторонніе, какъ я уже сказала, иногда осуждали, иногда посмѣивались и укоряли его, а иной разъ глядѣли съ любопытствомъ. Но въ моменты

глубокихъ молитвенныхъ настроеній сына, всѣ какъ то сти-
кали и всѣ старались ему не мѣшать.

На меня его „службы“ дѣйствовали очень сильно. Я го-
ворила уже, что его религіозному направленію поддавалась
безъ размышеній, но все болѣе и болѣе проникалась свя-
зываемымъ имъ настроеніемъ, и наши отношенія съ сыномъ,
особенно въ этомъ духовномъ смыслѣ, дѣлались какими-то
особенно дружески задушевными. Его вѣра, его любовь къ
Богу и Богоматери, къ церкви, къ иконамъ, и все, чего я
даже не совсѣмъ тогда еще понимала въ этой области, мнѣ
становилось безконечно дорогимъ. Это передавалось мнѣ
крѣпкимъ единеніемъ нашихъ съ нимъ душъ. Я чувство-
вала, что въ его душу вложено не моей слабой рукой, а
помимо меня нѣчто, стоящее неизмѣримо выше моего ду-
ховнаго разумѣнія. Не могу забыть неотразимаго вліянія на
душу его глубокихъ молитвенныхъ „службъ“—входишь въ
комнату—онъ стоитъ передъ своимъ маленьkimъ престоломъ
съ воздѣтыми руками, съ поднятыми вверхъ глазами, иногда
молча, иногда тихо повторяя „Господи! Господи!“ помолчавъ
немного, опять тѣ же слова „Господи! Господи!“ И столько
тутъ было непередаваемой глубины чувствъ въ этихъ словно
вырывавшихся вслухъ обращеніяхъ, вѣроятно входящихъ
въ составъ внутренней молитвы, или быть можетъ, возноше-
ній къ Богу безъ словъ, что я останавливалась, вся потря-
сенная, и, затаивъ дыханіе, не смѣла шевельнуться, чтобы
не нарушить этого священнаго состоянія сына. Воспоми-
нія объ этихъ моментахъ и теперь каждый разъ вызываютъ
въ груди ощущеніе святаго волненія и слезъ. И то была не
экзальтациѣ нервнаго ребенка—въ его молитвахъ и „служ-
бахъ“, эта черта совсѣмъ отсутствовала—онъ былъ всегда
спокойенъ, вдумчивъ и какъ-то свѣтель, и очень простъ во
всѣхъ своихъ духовныхъ проявленіяхъ.

Онъ старался и жизнь свою сообразовать съ евангельскимъ
ученіемъ. Многое изъ этого мнѣ понялось послѣ уже. Бу-
дучи совсѣмъ еще маленьkimъ, лѣтъ около четырехъ, онъ
часто прибѣгалъ ко мнѣ со слезами, что его побила малень-
кая сестренка, на два года моложе его, и я иногда серди-
лась на него, говоря—„что за манера плакать, когда малень-
кая дѣвочка побила, неужели ты то не справишься съ ней?“
Но получила устыжающій меня отвѣтъ: „вѣдь не могу же

я ее бить?!" Мнѣ иногда, право, хотѣлось, что бы онъ ее побилъ, и я внутренно никакъ не могла понять его. Но не мнѣ же было учить его драться. И такъ онъ въ этомъ направлѣніи, имъ самостоятельно избранномъ, и рось.

Однажды, когда ему было уже восемь лѣтъ, мнѣ вполнѣ уяснилось его поведеніе, и мнѣ какъ-то неловко и странно на душѣ сдѣлалось отъ того, что я поняла. Мы были въ гостяхъ у одного сельского священника. Это было очень далеко отъ насъ, и мы были тамъ въ первый, да кажется и единственный разъ.

У священника была жена и единственный сынъ шести лѣтъ, страшно избалованный. Мальчики играли вмѣстѣ, и Коля охотно занималъ младшаго. Тамъ было много конопли, и они свивали изъ мачеи кнуты. Но вдругъ Коля куда-то исчезъ, и его долго никто не могъ найти. Я очень встревожилась. Наконецъ, спустя порядочно времени, онъ самъ откуда-то пришелъ и тихо просилъ меня не оставлять его одного съ мальчикомъ священника и не посыпать играть съ нимъ. Онъ по прежнему дѣлалъ все, о чёмъ просилъ его маленький хозяинъ; но не выходя съ нимъ изъ комнаты, и возвращался сейчасъ же на мѣсто возлѣ меня. На обратномъ пути я узнала, что избалованный мальчикъ безъ всякихъ поводовъ исхлесталъ Колю кнутомъ; тотъ не выдержалъ и ушелъ плакать гдѣ-то въ уединеніи, кажется спрятавшись въ тѣ же конопли.

Меня страшно это возмутило, и невольно сорвалось, что какъ же онъ, будучи старше и сильнѣе, позволилъ это. "А развѣ забыла, мама, что Христосъ велѣлъ подставить правую щеку, если тебя бьютъ въ лѣвую?" Мнѣ больше нечего было сказать ему. Я поняла почему и сестренку онъ не могъ ударить, и многое другое изъ его поведенія. Мнѣ какъ-то почти страшно стало—еще на многое у меня не было отвѣта въ душѣ, но я видѣла ясно, что этотъ ребенокъ въ многомъ переросъ меня, что онъ строго живеть по идеѣ Христа, и что идея эта отъ него требуетъ подъ чѣсть не дѣтски серьезнаго и суроваго выполненія. Впослѣдствіи, когда его уже не стало среди насъ, я узнала, что онъ навѣщалъ нищихъ и убогихъ, и поняла, что дѣлалъ онъ это не изподтишка, изъ страха, что не позволять, а тайно, чтобы лѣвая

рука не знала, что дѣлаетъ правая“. Онъ зналъ, что въ этомъ ему не было запрета.

Мнѣ случилось однажды разскaзать дѣтямъ, что когда я была ребенкомъ, мать пріучила меня провѣрять въ концѣ каждого дня все свои поступки и слова за весь день, чтобы, если среди нихъ оказались бы недолжные или нехорошіе, исправлять ихъ на будущее время—загладить, если возможно, и не повторять въ другой разъ; если была кому-нибудь нанесена обида, постараться примириться съ вечера же. Мать особенно боялась нераскаянности и непримиренности на сонъ грядущій. „Кто знаетъ, что можетъ случиться за ночь съ нами и съ тѣми, кого мы обидѣли? Христосъ сказалъ: спѣшите мириться съ соперникомъ вашимъ, пока вы еще на одномъ пути“. Она сама всегда строго придерживалась этого, и мнѣ ея слова глубоко запали въ душу. Поэтому, какъ только мысли стали направляться въ религіозномъ духѣ, такъ всплыли и они въ воспоминаніи, и я хотѣла передать ихъ и своимъ дѣтямъ. Они нашли благотворную почву въ христіанской душѣ сына. Коля стала глубоко продумывать все, происшедшее за день, и по вечерамъ подходилъ ко мнѣ со словами прощенія. И если я говорила ему, что онъ ничѣмъ не огорчилъ меня сегодня, то отвѣчалъ всегда на это—„ну, если тебя и не огорчилъ, то все же за весь то день ужъ навѣрное что-нибудь да сдѣлалъ дурное“. Мнѣ тогда же понялось, что собственно не у меня онъ просилъ прощенія въ этихъ случаяхъ или вѣрнѣ не за вины передо мною, а придумалъ такой способъ, чтобы вообще выразить свое раскаяніе во всемъ томъ, что сдѣлано, сказано, подумано—словомъ, провѣрка себя за цѣлый день.

Я не могу однако не отмѣтить, что на ряду совсѣмъ скажаннымъ въ Колѣ замѣчалась необыкновенная жизнерадостность, игривость и большая любознательность. Онъ былъ въ высшей степени энергиченъ и жизнедѣятеленъ. Особенное его вниманіе привлекали всякия машины—о нихъ какъ-то узнавалъ все, что ему требовалось, какъ и въ области религіи,—самъ, помимо меня, потому что я въ этомъ тоже ничего не понимала. Въ имѣніи, гдѣ мы жили, была водокачка, и онъ съ подробностяхъ зналъ все устройство ея, познакомившись въ водокачникомъ. На станціи желѣзной дороги онъ сводилъ дружбу со всѣми стрѣлочниками и близко стоявшими

къ паровозу, и тамъ тоже зналъ все подробно, также и на пароходѣ. Меня удивляла масса техническихъ выражений въ лексиконѣ его словъ. Къ мужу прѣзжали часто учителя сельскихъ школъ за учебными пособіями и другими школьнными нуждами,

Когда имъ случалось не заставать мужа дома, то къ нимъ всегда выходилъ сынъ, по своему особенно сердечному влечению ко всѣмъ рѣшительно и по необыкновенной общительности. Онъ водилъ ихъ осматривать дѣйствительно очень интересное и живописное имѣніе, гдѣ мы жили, и вотъ помню, особенно удивляя всѣхъ своимъ необыкновенно подробнымъ описаніемъ занимавшей его водокачки. Коля серьезно мечталъ изобрѣсти говорильную и летательную машину—тогда еще не было аэроплановъ, а граммофоны до нашей глуши еще не доходили. Но онъ не зналъ, какъ соединить ему свою любовь къ машинамъ и непремѣнное желаніе быть священникомъ, когда вырастетъ. „Сперва, говорилъ онъ, послѣ гимназіи, пойду въ духовную академію, потомъ изучу машины и имъ посвящу нѣсколько лѣтъ, а послѣ буду ужъ священникомъ“. Но съ теченіемъ времени все сокращался срокъ лѣтъ, которые онъ хотѣлъ посвятить машинамъ, а потомъ уже все спрашивалъ меня: „какъ думаешь, если я изучу устройство машинъ и желѣзнодорожное дѣло (которое его особенно интересовало), могутъ ли эти знанія быть полезны и священнику?“ А ужъ незадолго до смерти онъ говорилъ мнѣ: „мама, я совсѣмъ не буду заниматься машинами, а прямо, какъ кончу курсъ, пойду въ священники“, и въ его голосѣ слышалось горячее желаніескорѣе осуществить свои мечты. На это рѣшеніе, думается мнѣ, имѣло не малое вліяніе нижеслѣдующее обстоятельство. Въ послѣдній годъ его жизни, одинъ знакомый священникъ мнѣ посовѣтовалъ уговорить сына прекратить свои богослуженія, такъ какъ онъ уже не маленький, и это можетъ навлекать много неполезныхъ насыщекъ. Я вернулась изъ Москвы, гдѣ получила этотъ совѣтъ, а сынъ меня встрѣтился съ тѣми же мыслями—„какъ ни тяжело, но я долженъ это оставить—навожу людей на грѣхъ, и самому мнѣ тяжело отъ ихъ укоровъ и смѣха“. Онъ собралъ всѣ свои принадлежности по богослуженію и отдалъ мнѣ, строго завѣщаю сберечь все и ничего не бросать. Онъ сильно тосковалъ и

часто говорилъ мнѣ, что ему трудно не служить, однако характеръ выдерживалъ. Мы переѣхали въ городъ, и здѣсь онъ нашелъ себѣ духовное удовлетвореніе въ томъ, что могъ каждый день бывать въ церкви. Что бы ни дѣлалъ онъ, игралъ ли, былъ ли въ гостяхъ, лишь ударялъ колоколь, онъ бросалъ все и шелъ въ церковь. Мы вмѣстѣ съ нимъ ходили къ ранней обѣди, а къ вечернѣ онъ ходилъ или одинъ, или водилъ съ собой сестренку. Ее онъ незадолго до своей смерти часто со слезами умолялъ итти съ нимъ въ церковь, точно спѣша пріучить еще при себѣ къ тому, что такъ дорого ему было. Мы всѣ не мало дивились этой проявившейся вдругъ странной настойчивости, съ какой онъ сталъ неотступно водить сестру въ церковь. Онъ любилъ дѣлиться со мною своими церковными впечатлѣніями и всегда жалѣлъ, когда я не бывала съ нимъ въ церкви. И мнѣ его присутствіе тамъ стало необходимо—мы съ нимъ какъ будто дышали однимъ воздухомъ, и безъ него я чувствовала себя тамъ одинокой. Мнѣ особенно нравился онъ въ церкви. Какъ сейчасъ, передъ глазами у меня его маленькая фигурка, слегка сутуловатая, съ наклоненной, какъ бы отъ скромности, головой, съ бѣлокурыми щелковистыми волосенками—онъ ставить свѣчи, и старухи-богомолки особенно любятъ ему передавать ихъ и дѣвятся, какъ такой маленький, словно старичекъ, богомольный, часто приходилось мнѣ слышать отъ знакомыхъ крестьянокъ: „Ишь дѣтки-то богомольные, поѣхали въ рно ужъ—мамаша то ни одной службы не проѣмною, а дѣти отъ нея научились“. Но я чистосердечно, свое раскаяніе утренней радостью, сознавалась, что не мано—словомъ, въ церкви, а сынъ научилъ насъ всѣхъ время Коля часто спрашивалъ меня— „ничего, умѣю въ церкви молиться за что-нибудь свое? Я ую, что моя молитва сливаются съ церковной, и я только этой общей молитвой молюсь“. Я не совсѣмъ еще понимаю, какъ это у него такъ выходить, но мнѣ кажется, что это и есть высшая молитва въ единеніи со всею Церковью.

Но не долго походили мы съ сыномъ такимъ образомъ каждый день въ церковь—онъ заболѣлъ скарлатиной, чтобы ужъ больше не вставать. Коля заболѣлъ 19-го ноября въ воскресенье. Никто не подозрѣвалъ серьезности болѣзни, и

онъ все спрашивалъ меня, не лучше-ли не ходить ему къ вечернѣ, въ чемъ я охотно поддерживала его. Но когда уда-рили въ колоколь, онъ сказалъ—„нѣтъ, не могу усидѣть дома—пойду ужъ“. Вечеромъ того же дня онъ повелъ нась въ училище, куда поступилъ незадолго до заболѣванія, на воскресное духовное чтеніе съ туманными картинами. Тамъ едва ужъ держался на ногахъ и, по приходѣ домой, окон-чательно слегъ. На утро былъ докторъ и констатировалъ начало серьезнаго заболѣванія.

Л. Пребстингъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Чѣмъ можно воскресить Русскій Народъ.

(Тамбовскія Птириковскія торжества).

— „Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,
Ты и всесильная,
Матушка Русь...
„Сила народная,
Сила могучая,
Совѣсть спокойная,
Правда живучая...
„Рать поднимается
Ненисчислимая,
Сила въ ней скажется
Несокрушимая.

Некрасовъ.

Когда приходится участвовать и наблюдать торжественные моменты исторической жизни нашего святого, русского, народного православія, какое неистоцимое богатство изумительно цѣнныхъ высокихъ познаній настоящей истинной жизни пріобрѣтаешь въ сокровищницу своего духовнаго богатства и знаній.

Какъ много открывается такого, чего никогда не приходило въ голову.

Какъ расширяется умственный кругозоръ, и истинное, правдивое, нормальное пониманіе жизни.

То, что казалось ранѣе тусклымъ, мертвеннымъ, то вырисовывается не только жизнедѣятельнымъ, а даже безсмертнымъ, мощнымъ и вѣчно живущимъ.

То, что, казалось, находилось, гдѣ то тамъ, далеко, затеряннымъ въ отблескахъ бьющей фонтаномъ суетной видимой

жизни, заброшеннымъ, забытымъ, въ лучшемъ случаѣ,—еле замѣтнымъ, то вдругъ выдѣляется, бѣть мощнѣмъ импульсомъ, ярко выдвигается на первый планъ жизни и всей своей сущностью, *не крикливо, не рекламино, не назойливо*, а серьезно, тихо убѣдительно отчеканиваетъ: „я здѣсь“... „Я — все“... „Я—начало, конецъ и смыслъ вашей бѣдной, блѣдной сущности... Я живу... Я есмь“...

Припоминается мнѣ одна изъ картинъ моего очень далекаго путешествія.

Какъ то въ глубокія, глубокія сумерки, много лѣтъ назадъ, мы проѣзжали по Амуру.

Синія вдумчивыя волны этой красавицы-сибирячки тихо неслись на встрѣчу нашему, въ то время маленькому, бѣдному суденушку.

Утомленные далекимъ плаваніемъ, которому еще не предвидѣлось конца, мы съ затаенной грустью въ душѣ подъѣзжали къ одному небольшому полу-русскому, полу-китайскому селенію.

Помню, кажется, носящему название: „Ключи“.

За густыми сумерками мы только лишь различали передовыя постройки не то типичной китайской фанзы, не то группы бѣдныхъ, полуразрушенныхъ русскихъ деревенскихъ избушекъ.

Какъ нарочно со стороны этихъ „Ключей“ надвигалась на насъ съ глухимъ погромыхиваніемъ, точно недовольная нашимъ приближеніемъ, черная, свинцовая туча.

Тоскливыя мысли зароились сначала въ сердцѣ, а потомъ въ головѣ, что и здѣсь, какъ на протяженіи минувшихъ двухъ сотъ,—двухъ сотъ пятидесяти верстъ, не встрѣтились мы ничего, хотя сколько нибудь развлекающаго й душу, и сердце: та же однообразная, полукитайская, полуазіатская грязь, та же тоска, та же безпросвѣтность.

Некуда даже выйти съ палубы.

Не съ кѣмъ обмолвится словомъ.

Не на кого и не на что посмотретьтъ.

А съ угрюмаго чернаго берега смотрѣли на насъ темными силуэтами, какъ полусгнившіе зубы въ челюсти старика, полуразрушенныя фанзы, и не то избы, не то сараюшки приближающагося селенія.

Какъ то инстинктивно мы рѣшили, въ виду разыгравшейся грозы, не доѣзжая этого селенія, стать на якорь у берега и ни на одну минуту не слѣзать на землю.

Вдругъ ослѣпительной бѣлизны молнія мгновенно снизу до верху разверзла покровы тяжелой свинцовой тучи, и на фонѣ, легшей уже на землю ночи, мы увидали передъ собой стоящую на высокомъ бугрѣ высокую, красивую, снѣжной бѣлизны, православную, церковь,

И за этой яркой бѣлизной, за этими привѣтливыми оконцами Божьяго храма, его куполами, за его, какъ мгновенно озаренный брилліантъ, святымъ крестомъ, исчезли, сравнялись съ землей стоявшія недалеко отъ этого храма, на первомъ планѣ картины, и полуразрушенныя фанзы, и полуусгнившія избушки.

Точно ихъ никогда не бывало на этомъ мѣстѣ.

Сердце наше мгновенно вспыхнуло непередаваемымъ восторгомъ.

Въ одинъ моментъ всѣ мы хоромъ вскрикнули:

„Какая прелестъ!.. Какая чудная церковь!..“

Моментально всѣ сняли шапки, *всѣ* безъ различія, а среди насъ были четыре англичанина и три француза туриста. Православные и французы-католики осѣнили себя крестнымъ знаменіемъ, а англичане торжественно склонили на грудь головы.

И всѣ въ одинъ голосъ рѣшили сейчасъ же сняться съ якоря и немедленно подѣлѣзжать къ этому селу.

То же самое, повторяю, приходится наблюдать и переживать и намъ, русскимъ маловѣрющімъ, если не совсѣмъ невѣрющімъ, интеллигентамъ при той молніеносно—падающей, по волѣ любящаго русскій народъ Всемогущаго Творца, токѣ небесной молніи, небеснаго свѣта, великой правды святого Православія въ видѣ нашихъ церковно-народныхъ торжествъ, и сразу видѣть то, чего мы иногда совершенно не наблюдаемъ, не видимъ, о чемъ думаемъ, какъ не о существующемъ, и что, между прочимъ, живеть, существуетъ, двигаетъ цѣлою народною массою въ смиренной тишинѣ, въ безмолвномъ спокойствіи, и открываетъ намъ въ эти святые моменты *takie* горизонты, даетъ намъ *takie* великіе уроки жизни, передъ которыми самыми рѣшительнымъ образомъ меркнутъ и самыя великія знанія, и самыя цѣнныя науки,

И все то, что до этого момента создавалось, крѣпло, чернѣло въ хаосѣ безпорядочно разбросанныхъ выводовъ, обобщеній и фактовъ, пугающее недальновидный, неглубокій, воспитанный на законахъ только лишь видимой жизни, человѣческій умъ, мгновенно падаеть, стушевывается, исчезаетъ съ первого плана и сравнивается, какъ описанныя выше фанзы на берегу Амура съ землею, съ ничтожествомъ человѣческаго вымысла и съ бѣдностью человѣческаго ума и наблюдательности.

А впереди выступаетъ на высокой возвышенности жизни—живое, искрящееся свѣтомъ божественной правды, бодрящее, оживляющее другихъ, святое,—вѣчное духовное.

Вѣра, ея сила и ея мощь.

РОДНАЯ РЕЛИГІЯ.

Ца еще такая мощнай, непоколебимая, возглавляемая и охраняемая Самимъ Господомъ,—какъ наше Святое Православіе.

Давно ли, напримѣръ, въ нашемъ русскомъ обществѣ, въ самой интеллигентной части его, въ печати, во время того безпощаднаго штурма нашей святої Церкви, въ виду полнаго отсутствія стремленія крикливої, шумной, рекламной самозащиты этой послѣдней, считали многіе, считаль, между прочимъ и я, Православіе потеряннымъ, разбитымъ въ своихъ основахъ.

И, сравнивая нашего скромнаго, смиреннаго, немногорѣчливаго провинціального сельскаго батюшку, неумѣющаго, да вѣрнѣе всего, не могуцаго по складу своей души, своей вѣры, быть крикливымъ, горделивымъ, афиширующимся проповѣдникомъ, въ родѣ всѣхъ этихъ носителей современныхъ формъ религіознаго нововѣрія,—въ передовомъ обществѣ, въ передовой печати считали православіе доживающимъ своей вѣкъ и носителей его,—смиренныхъ пастырей нашей Церкви, какими то мертвыми, бездѣятельными величинами. И никому не приходило въ голову, что наша Православная Церковь, изстари вѣковъ, какъ дѣйствительное вмѣстѣлище *истинной* христіанской религіи, какъ прямая пріемственная отъ апостоловъ святая Церковь **жива Господомъ, возглавляющимъ ее, сильна благодатью Святаго Духа, изливающагося на нее, и дѣйствуетъ** не силою человѣческихъ измышеній, не силою че-

ловѣческаго ума и не силою человѣческихъ достоинствъ, а своею великою Божественною сущностью.

Все равно, какъ подночевенный, водный бассейнъ тихо и медленно, прорываясь изъ пласта въ пластъ, тихо, незамѣтно, по какимъ то лишь ему вѣдомымъ законамъ, напояеть всю землю, не прибѣгая ни къ какимъ громовымъ, потрясающимъ эффеクтамъ, такъ и наше святое Православіе, ведомое чрезвычайно часто скромными, мало замѣтными сельскими и городскими пастырями Церкви, малословесными, иногда даже робкими, какъ будто забитыми батюшками, напояется цѣнною влагою глубокой, непоколебимой вѣры, но **вѣры твердой, какъ сталь**, и мощнай въ должные моменты, какъ легіоны ангеловъ небесныхъ, какъ громовой раскатъ надъ зенитомъ въ жаркій іюньскій лѣтній день.

Стоитъ только добросовѣстно, внимательно всмотрѣться въ эту святую кропотливую работу нашихъ пастырей Церкви.

Стоитъ только вдуматься въ удивительный индивидуализмъ этой работы, чтобы увидать въ нашемъ Православіи чудную руку Извѣчнаго Водителя его.

Чтобы постигнуть красоту и детали того мощнаго аккорда, который носить въ нашей жизни название „православнаго духовенства“.

Чтобы увидать результаты того колоссальнаго героического труда, который несетъ оно на алтарь Великой религіи Великой страны.

Вотъ этотъ батюшка воспитываетъ ввѣренную ему паству жгучимъ словомъ не краснорѣчія, а искренностью и убѣдительностью своей проповѣди.

Этотъ—подаетъ рѣдкій примѣръ трогательнаго Христова смиренія.

Тотъ батюшка, какъ вода точить камень, настойчиво наиздаетъ своихъ прихожанъ поразительностію ревностнаго отношенія своего къ служенію Господу Богу.

А вотъ этотъ пастырь обладаетъ чуднымъ даромъ во время великопостной исповѣди, вмѣстѣ съ исповѣдникомъ проникать въ тайники сердца послѣдняго и, вмѣстѣ съ нимъ, твердою рукою опытнаго психолога и дѣятельнаго слуги Господа выдергивать изъ больного слабою волею сердца глубоко пущенные корни мучительнаго грѣха.

Этотъ облегчаетъ человѣческія души умѣньемъ молиться за умершихъ.

Этотъ растопляетъ человѣческія сердца своею любовью, ласкою.

Этотъ, какъ строгій блюститель законовъ Божественного Спасителя, удерживаетъ человѣческія души на извѣстной высотѣ неумолимою строгостью, безпощаднымъ, проникающимъ до мозга костей, обличеніемъ.

Словомъ, каждый изъ служителей великой Православной Церкви непремѣнно, неизмѣнно обладаетъ какимъ нибудь высокимъ даромъ, какою нибудь только ему присущей особенностью, которой и служить Христовой Церкви во всей силѣ даннаго ему Господомъ Богомъ умѣнья.

И въ этомъ видна и Божья, и жизненная правда.

Въ мірѣ такое разнообразіе въ человѣческихъ индивидуальяхъ, что приходить къ нимъ съ однимъ шаблономъ, съ однимъ трафаретомъ не возможно.

Мнѣ думается, лучшимъ доказательствомъ этого положенія должно служить то, что, когда Господь Самъ во время Своей земной жизни организовалъ Свою **первую** Церковь, Своихъ **первыхъ** пастырей ея, изъ 12-ти, то, посмотрите, какъ Его премудрое строительство подбирало этихъ первыхъ Его Свя-щеннослужителей,

Каждый изъ Апостоловъ имѣлъ свой собственный психологической обликъ, свою личную особенность.

Шылкій, горячій Петръ, ни на одно мгновеніе не походилъ на добросовѣстнаго чистосердечнаго искренняго скептика Фому.

Нафанаиль не походилъ на любвеобильнаго, глубоко чувствовавшаго и глубоко оцѣнившаго все явленія жизни Иоанна.

Реальный въ оцѣнкѣ всего его окружающаго Филиппъ, не походилъ на безъ размышенія отзывающагося на все идейное, возвышенное Андрея и т. д. и т. д.

Мнѣ думается, что вся красота, величіе, подлинность и истинность Православной религіи, между прочимъ, заключается и въ этомъ всестороннемъ индивидуализмѣ.

Но знаменательнѣе всего тотъ фактъ, что ни сами эти батюшки, ни простой неграмотный народъ ни на одно мгно-

вение не допускаютъ и мысли о безгрѣшности своихъ священ-
нослужителей.

Ни на одно мгновеніе въ наиболѣе разумной части своей, не возлагаютъ на нихъ тяжкія обвиненія за тѣ или другія ошибки, заблужденія, ибо не умомъ и ученьемъ, а *сердце* чувствуютъ, что батюшкѣ такой же немощный человѣкъ, какъ и онъ самъ, что онъ не съ неба ниспосланъ къ нимъ, а плоть отъ плоти ихъ, кость отъ костей ихъ.

Какъ это не покажется на первый разъ парадоксальнымъ, но каждый изъ насъ имѣть въ немощномъ своемъ батюшкѣ и видѣть для себя большую поддержку, большую точку опоры, наглядно убѣждаясь, что святое Православіе, въ немощахъ проявляя свою силу, какъ Самъ, вѣчно любящій человѣка Господь, всегда готово каждому изъ насъ протянуть руку даже въ самый моментъ паденія съ величимъ словомъ призыва: „сынъ Мой! отдаи мнѣ сердце твое“¹⁾.

И повторяю, этотъ простой, неграмотный человѣкъ, ни разу не читавшій Слова Божія, сердцемъ знаетъ слова великаго апостола Иоанна Богослова: „если говоримъ, что не имѣемъ грѣха; обманываемъ *самихъ* себя, и истины нѣтъ въ насъ. Если же *исповѣдуемъ* грѣхи наши; то Онъ, будучи вѣренъ и праведенъ, простить намъ грѣхи наши, и очистить насъ отъ всякой неправды. Если говоримъ, что мы не согрѣшили; то представляемъ Его лживымъ и слова Его нѣтъ въ насъ“²⁾.

И если ему дадите священника съ кичливостью безгрѣшности; если послѣдній будетъ нести проповѣдь о полномъ отсутствіи грѣха въ жизни кого нибудь изъ обращенныхъ въ Православіе, то по своей природѣ, смиренная, богоносительная душа русскаго человѣка не приметъ это.

Это ей органически будетъ непонятно.

Божественный Спаситель міра самое высокое мѣсто отводить стремленію въ человѣкѣ къ такому совершенству, какимъ обладаетъ только одинъ Всемогущій Отецъ нашъ небесный, но, какъ мы видѣли, Его великій и любимый ученикъ говоритъ: „Если мы говоримъ, что не согрѣшаемъ, то слова Его нѣтъ въ насъ“.

¹⁾ Прит. 23, 26. ²⁾ Иоан. I, 8—10.

Одинъ только Богъ безъ грѣха⁴. Говорить и Слово Божіе, и святая народная мудрость...

И сознаніе всего этого крѣпнетъ, растеть и развивается тихо, незамѣтно во внутреннемъ бассейнѣ человѣческой сущности, за предѣлами базара житейской суеты, въ таинственной клѣти человѣческаго сердца.

И все это проникнуто таѣй незыблемой мощью, такою внутренней силою нашего русскаго Православія—въ самомъ себѣ, что оно, имѣя въ основныхъ чертахъ своей природы, смиреніе, всепрощеніе и любовь, — но смиреніе — богатыря, всепрощеніе — незлобиваго и любовь сораспятаго Христу, — не падетъ на открытую борьбу съ злобою князя міра сего и клевретами его, зная ея недолговѣчность, ея сердитое безсиліе и пустоту ея выпадовъ,—смиренно молчитъ, нося въ самомъ себѣ ту страшную потенціальную силу, энергию, которая въ пышномъ раззвѣтѣ развертываются или въ народныхъ бѣдствіяхъ, или въ народныхъ торжествахъ родного Православія.

И счастливъ тотъ человѣкъ, которому приходится наблюдать эти великие исторические моменты.

Охваченный красотою, мощью и силой такихъ великихъ переживаній, онъ неизбѣжно придетъ къ одному заключенію во все времена, во все вѣка:

Какъ мощно и сильно святое Православіе!

Какъ жизненнодѣятельно оно въ своей тихой и смиренной внутренней работѣ!

И никто никогда не въ силахъ, не въ состояніи побѣдить, умалить, расшатать, поколебать его.

Ибо оно стоитъ не на камнѣ даже, а на скалѣ.

И „врата ада не одолѣютъ его“.—

Созерцая эти церковно-народныя переживанія, каждый, кто когда либо сомнѣвался въ благодатномъ ростѣ духовной силы Православія, видя теперь результаты ея жизнеспособности, видя теперь продуктивность ея работниковъ отъ самаго маленькаго, отъ самаго ничтожнаго, отъ самаго захирѣвшаго церковника въ бѣдномъ сельскомъ храмѣ, возжигающаго лампады и оправляющаго горящія восковыя свѣчи, неумѣлыми руками перебирающаго бѣдный, сельскій колокольный звонъ, до первоприсутствующаго митрополита въ Святѣшемъ Синодѣ. — онъ навсегда отрѣшился отъ всякихъ со-

мнѣній въ этомъ направленіи, и въ немъ воскреснетъ твердое, опредѣленное пониманіе этой мощнай силы этого великаго двигателя, и онъ въ унисонъ съ нынѣ царствующимъ Божіимъ Номазанникомъ надъ Россіей пожелаетъ воскликнуть на весь міръ каждой живої душѣ: „великъ Богъ земли русской! И, вмѣстѣ съ почившимъ философомъ писателемъ, всѣми фибрами своей души, всѣми импульсами своего разума объединится на мысли, что святое Православіе будетъ тѣмъ послѣднимъ жизненнымъ религіознымъ этапомъ, черезъ который, какъ черезъ послѣднюю вѣху, пройдетъ человѣчество, пріуготованное или для раіской жизни, или для вѣчныхъ мукъ, смотря по тому, что вынесетъ ему послѣдній день суда.

Повторяю, счастливѣ, тотъ человѣкъ, который лицезрѣлъ эти великіе, счастливые моменты въ исторіи Православія.

И я благословляю Всемогущаго Господа за то, что Онъ не по моимъ какимъ либо заслугамъ, а по Своему мощному, любвеобильному милосердію ко мнѣ грѣшному, сподобилъ меня присутствовать на одномъ изъ недавнихъ такихъ торжествъ, имѣвшемъ мѣсто въ Тамбовѣ на открытии и прославленіи моцѣй святителя Питирима.

Общій видъ Тамбова.

И скажу въ скобкахъ, считаю это по отношенію къ себѣ за величайшій актъ Божественнаго милосердія, ибо это меня, еще такъ недавно перешедшаго отъ невѣрія—къ вѣрѣ, къ Православію, еще болѣе укрѣпляетъ въ неизмѣримой

цѣнности и красотѣ послѣдняго и все болѣе и болѣе открываетъ мнѣ глаза на тѣ факты, которые, быть можетъ, давно извѣстны и понятны каждому воспитанному, утвержденному и прожившему съ ранняго возраста подъ непрерывнымъ, благодатнымъ руководствомъ святой Церкви, но которые чрезвычайно глубоки, чрезвычайно новы и чрезвычайно назидательны мнѣ, какъ до иѣкоторой степени прозелиту въ святой христіанской Православной церкви.

II.

Какъ это не грустно, но, благодаря такъ неожиданно надвинувшейся на нашу Россію, предательской войнѣ тѣхъ, которые подъ лициною христіанства,—руководимые человѣкомъ, когда то, какъ Іуда, на глазахъ всего міра лобзавшимъ Христа при совершеніи имъ богослуженій, при произнесеніи проповѣдей о Божественномъ Спасителѣ міра,—льютъ кровь дѣйствительныхъ христіанъ, какъ изверги первыхъ вѣковъ христіанства; безпощадной рукой мучаются и убиваются неповинныхъ мирныхъ старцевъ, женъ и дѣтей; какъ ворвавшіеся въ Россію въ XIII столѣтіи дикие монголы, разрушаются, оскверняются, уничтожаются многовѣковые плоды цивилизациі, храмы, насилиются женъ и дочерей во многихъ частяхъ нашего отечества, конечно, значительно удаленныхъ отъ Тамбова,—одни забыли о дняхъ этого великаго торжества русской церкви, другіе не могли тамъ быть по тѣмъ или другимъ причинамъ, а третыи предположили, что торжества великаго открытия моцей святителя Питирима будуть отложены.

Поэтому,—начиная отъ Москвы и вплоть до самаго Козлова,—26-го іюля слѣдующихъ богомольцевъ въ нашемъ поѣздѣ не было совсѣмъ, но съ Козлова, гдѣ какъ извѣстно, соединяется цѣлая группа желѣзнодорожныхъ линій почти на каждой станціи, вплоть до Тамбова въ нашъ поѣздъ насыпалась такая масса богомольцевъ, что было полно рѣшительно все.

И, хотя, недоѣзжая трехъ, четырехъ станцій до Тамбова, поѣздная прислуга самыи энергичнымъ образомъ не пускала пассажировъ въ поѣздъ, а на станціяхъ не продавали билетовъ,—послѣдніе набивались въ вагонъ, какъ пчелы,

само собою разумѣется, безъ билетовъ и съ рискомъ уплачивать двойную плату отъ контрольныхъ станцій.

Полны были всѣ площадки; въ коридорахъ вагоновъ первого и второго классовъ плечо въ плечо, другъ съ другомъ, съ разложенными на полу котомками, стояли моршанскіе, пензенскіе, воронежскіе, калужскіе и даже киевскіе, томскіе и тобольскіе богомольцы и богомолки.

Тамбовская застава.

И у всѣхъ на радостныхъ лицахъ была написана полная удовлетворенность въ ожиданіи скораго прибытія къ мѣсту своей конечной цѣли.

А какая масса оставалась несумѣвшихъ попасть на этотъ поѣздъ на станціяхъ, трудно себѣ и представить.

Когда же, по мѣрѣ приближенія къ Тамбову, нашему поѣзду приходилось перерѣзать большія и проселочныя дороги, то, помимо массы народа, двигавшагося по линіи и обгоняемаго нашимъ поѣздомъ, мы видѣли цѣлья, безконечныя вереницы богомольцевъ, тянувшіяся въ разномъ направленіи къ Тамбову.

Не знаю, какъ на кого, а на меня всегда производить чрезвычайно свѣтлое впечатлѣніе встрѣча съ богомольцами по пути.

Въ особенности, когда они, какъ и въ данномъ случаѣ, изъ боязни не поспѣть въ время, опоздать, торопливо входить въ вагонъ, какъ то робко, беспомощно, извиняющимся взглядомъ, окидываютъ коренное населеніе поѣзда, не пытаются искать свободныхъ мѣсть, или кого либо подвигать, утѣснить, а располагаются именно такъ, какъ Богъ послалъ, или стоя, или сидя на полу; и, какъ будто, стараясь всѣмъ своимъ отношеніемъ засвидѣтельствовать коренной публикѣ вагона, что они никого не хотятъ стѣснить, что это совершенно случайный, неожиданный для нихъ самихъ путь къ поклоненію, такъ какъ главная ихъ задача заключалась въ томъ, чтобы итти къ дорогой для нихъ святыни пѣшкомъ и съ нѣкоторымъ личнымъ трудомъ и усилиями.

Какъ много на этихъ лицахъ бываетъ обыкновенно написано какого то неземного настроенія.

Вы видите, что всѣ они переполнены мыслями и идеями совершенно чуждаго вамъ порядка.

Они, какъ будто, не слышать обычныхъ суетливыхъ рѣчей окружающей ихъ публики, бѣдущей въ этихъ вагонахъ по дѣламъ мѣра сего.

И въ то же время они стараются ни звукомъ, ни намекомъ не заявить вамъ, что „они-де паломники, за нѣсколько сотъ, а быть можетъ и тысячу верстъ совершаютъ свое богомоленіе“.

А между тѣмъ сколько среди нихъ есть людей, которые брели вить до этого самаго Козлова изъ далекаго Кієва, имѣя въ карманѣ только лишь рубль съ четвертью. Изъ области Войска Донскаго, изъ Вологды.

Были среди нихъ и такие, которые вить, вить только сейчасъ отправили изъ своей семьи на войну „всѣхъ трехъ мужиковъ, единственныхъ работниковъ“.

— „Только третьяводнясь, родимый, отправили... Они, значить, направились въ Кіевъ по желѣзкѣ, а мы пѣшочкомъ сюда къ новоявленному святителю Божію“.

Какъ то робко, стыдливо, полушепотомъ говорила мнѣ одна изъ богомолокъ села Малой Моршевки моршанскаго уѣзда.

Какая изумительная сила духа!

Какая поразительная красота народной мощи!

Дѣйствія русского хлѣбороднаго царства!

Дайка этотъ самый подвигъ, эту самую богатырскую силу вошли нашей деревенской крестьянки-матери, которая одной рукой благословляя широкимъ крестомъ уходящихъ на бранную сѣчу троихъ сыновей, другую подтягиваетъ сзади веревками бѣлый холщевый котомку-мѣшокъ, а потомъ обмахнувши рукавомъ порыжѣлого зипуна набѣжавшія слезы, круто поворачиваетъ въ путь дороженьку во святыя мѣста,—какої нибудь иностранкѣ, чтобы обѣ ней писали во всѣхъ газетахъ, во всѣхъ журналахъ и снимали съ нея миллионы фотографій и кинематографическихъ лентъ.

Да, положительно на русскомъ народѣ сказывается старинная русская примѣта:

„Чѣмъ сильнѣе, тѣмъ смиреннѣе“.

„Чѣмъ величественнѣе, тѣмъ незамѣтнѣе“...

III.

Пріѣхали.

Въ моментъ стоявшіе передъ вокзалами извозчики были разобраны, и одна часть публики осталась съ багажемъ дожидаться возвращенія отвозившихъ пассажировъ возницъ; а сѣрые, сермяжные, русскіе богатыри-пилигримы пошли огромной толпой съ котомками за плечами по прямой, какъ стрѣла Дворянской улицѣ, ведущей отъ вокзала въ центръ самаго города.

Красивое впечатлѣніе производить Тамбовъ своими широкими улицами, и частными садами, и скверами.

Такъ какъ мы пріѣхали въ то время, когда уже шло всенощное бдѣніе и когда, по нашему расчету, по разсчету людей, привыкшихъ въ девятомъ часу вечера считать время конца этого Богослуженія,—мы рѣшили въ этотъ вечеръ уже не ити ко всенощной.

Но, каково было наше удивленіе, когда перезвоны въ Тамбовскихъ церквяхъ были слышны и въ одиннадцатомъ, и въ двѣнадцатомъ часу ночи, и прислуга гостиницы заявила намъ: „что у насъ, дай Богъ здоровья Архіепископу Кириллу, всенощное бдѣніе кончается нерѣдко около полуночи, и

обыватели такъ пріохочены къ церкви, что это ихъ не обременяет ни на одно мгновеніе“.

И мы, увидавши богослуженіе въ слѣдующіе дни, убѣдились, что въ этихъ словахъ не было преувеличенія...

Въ девять часовъ утра слѣдующаго дня въ соборныхъ храмахъ и приходскихъ церквяхъ Тамбова раздался благовѣсть къ поздней літургії.

Отъ вокзала. Дворянская улица.

По выработанному Тамбовскимъ Архіепископомъ чину торжествъ, по случаю прославленія моцей святителя Иптирима, въ этотъ день должны были быть совершены, кромѣ позднихъ и раннихъ літургій, въ верхнемъ соборѣ,—Тамбовскій соборъ состоитъ изъ двухъ частей: верхней и нижней; въ послѣдней обрѣтаются моціи святителя, — и въ Крестовой церкви архіерейскаго дома—среднія літургіі.

Когда мы, минуя прекрасный соборный скверъ, вышли на соборную площадь, то мы были поражены, въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова.

Передъ нами было море головъ.

Какое разнообразіе въ одѣждѣ, въ лицахъ.

Но что особенно поражало, это та изумительная, благоговѣйная тишина, которая ни на одно мгновеніе не соотвѣтствовала этой народной массѣ, опредѣлить которую было по моему мнѣнію нельзя сотней, и даже двумя сотнями тысячъ.

Посреди площади возвышался огромный, со всѣхъ сторонъ открытый павильонъ.

Когда я только что выходилъ изъ сквера на площадь, въ это время былъ Великий выходъ, и священнослужители произносили: „Благочестивѣйшаго, Самодержавнѣйшаго“...

Насколько была велика тишина въ этой многотысячной толпѣ, можно судить по тому, что я, находясь еще у выхода изъ сквера, слышалъ долетавшія до меня отдельныя слова этого поминовенія.

Наконецъ кончилось великое поминовеніе, дрогнула толпа, и всѣ, какъ одинъ человѣкъ, запѣли: „аминь“ и „яко да Царя“.

Соборъ и площадь, на которой происходили народныя торжества.

Удивительно стройно и монно было это пѣніе.

Пѣли рѣпително всѣ.

Пѣль каждый, кто какъ умѣль.

Но это былъ одинъ мѣщный аккордъ.

Одна стройная, тысячеголосная мелодія.

Вотъ раздались глубокія по идеѣ, по мысли прошенія слѣдующей за симъ эктены:

„Ангела мирна, вѣрна наставника, хранителя душъ и тѣлъ нашихъ у Господа просимъ“.

И когда всѣ эти молящіеся, мотивомъ, выражавшимъ глубокую, безпредѣльную просьбу, произнесли: „подай Господи“, мнѣ показалось, что передъ этимъ павильономъ, у подножія этого совершающагося величайшаго изъ богослуженій, послѣ того, какъ вмѣстѣ съ силами небесными незримо снизошелъ

къ престолу свяценнослужителей Царь Царей, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, въ лицѣ этой огромной массы объединенныхъ общей молитвой людей, склонила смиренно свою выю наша, въ данный моментъ, угнетенная обидой обезумѣвшаго чужеземца, Россія и, указуя простертої десницей и на весь этотъ предстоящій народъ, и на этихъ обряженныхъ въ зеленоватые, какъ бархатъ скошенныхъ полей далекаго Запада, „хаки“, готовящіхся на бранный подвигъ ея дѣтей; и на тѣхъ, которые уже тамъ, вблизи боевого огня,—съ скорбью матери, съ тихой печальной, но полной вѣры, надежды, мольбою въ голосѣ изъ глубины материнскаго сердца, изъ нѣдѣль самыхъ отдаленныхъ тайниковъ тѣхъ воспоминаній о всесильной Божьей помощи, ниспосылавшейся ей въ тяжкія минуты историческихъ скорбей, тихо произносила, съ вздохомъ, смиренно раскаиваясь и въ своихъ былыхъ ошибкахъ, и въ своихъ минувшихъ грѣхахъ:

„Подай Господи!“

И наглядно, осозательно, хотя и духовно, чувствовалось, что Всемогущій Господь, никогда неизгонявшиій отъ Себя ни одного изъ приходящихъ къ Нему, внималъ этой молитвѣ.

Казанскій мужской монастырь. Мѣстопребываніе епископа.

И это сознаніе проникало здѣсь въ каждую человѣческую душу и переполняло ее еще болѣе искреннимъ желаніемъ, еще больше, еще горячѣй сливаться со своимъ Господомъ; еще больше отдавать Ему безраздѣльно всего самаго себя,

со всѣми своими скорбями, со всѣми угнетеніями, со всѣми большими и малыми думками...

Почти на всѣхъ лицахъ робкою стыдливою струйкой, текли обильныя слезы.

По особому милосердію Божію, за послѣднія десять, пятнадцать лѣтъ въ нашемъ отечествѣ это торжество считается уже не первымъ торжествомъ, но по настроенію молящагося народа, по его вдумчивому, глубокопрочувствованному отношенію къ послѣднимъ торжествамъ, по его тихой, украшенной слезами молитвѣ, я ничего подобнаго нигдѣ не видывалъ.

Конечно, быть можетъ, найдутся люди, которые захотятъ объяснить это переживаемымъ страною настроеніемъ.

Пусть будеть такъ.

Это еще сплынѣе подчеркиваетъ тотъ, въ высокой степени знаменательный фактъ, что духъ русского народа, всей его великой страны, за переживаемая нами внутреннія лихолѣтія не умиралъ, даже не тлѣлъ и не мерцалъ, а неизмѣнно горѣлъ и разгорался стремленіемъ, любовью, безграничнымъ довѣріемъ къ родному православію.

Когда создалось одно *общее* нестроеніе, когда приключилась одна *общая* бѣда, этотъ народъ твердо, опредѣленно, сознательно понесъ свою бѣду къ Тому, Кто только лишь Одинъ можетъ устранить ее, или помочь пережить ее.

Это *одна* часть Россіи—**народъ**.

А другая, въ лицѣ святой Православной Церкви, которою неизмѣнно руководитъ возглавляющей ее Господь нашъ Іисусъ Христосъ, не сговариваясь съ своими собратьями, съ своими сочленами, съ своими дѣтьми, какъ одинъ человѣкъ, какъ одна душа, пошла на встрѣчу великому желанію русского народа.

И вотъ здѣсь на стогнахъ древняго гор. Тамбова, сошлись эти два, взаимно стремящіяся другъ къ другу начала.

Я не могу не подчеркнуть здѣсь того высокознаменательнаго факта, который, какъ бы не силились закрывать на него глаза, не увидать нельзя; который, какъ бы не стремились враги Церкви замалчивать его, заставить камни говорить о себѣ.

Фактъ, надъ которымъ должно остановиться не историку будущаго, а ради нашего счастья, ради спасенія нашей души.

сейчас же, теперь, сю секунду намъ саимъ, его живымъ очевидцамъ и наблюдателямъ.

Остановиться и продумать.

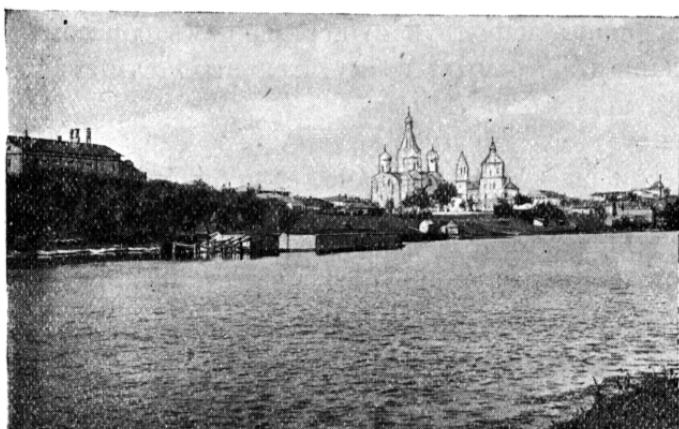
И запечатлѣть въ своей душѣ все, что она скажетъ намъ.

Я, конечно, имѣю въ виду настоящіе святые дни прославленія мощей святителя и чудотворца Тамбовскаго Питирима.

Это событие говорить чрезвычайно много.

Прежде всего, оно указываетъ на то, что Господь любить нашу страну.

Что Онъ оберегаетъ наше святое Православіе.

Набережная рѣки Цны, въ Тамбовѣ около Покровской церкви.

Стопло только въ дни дурно понятыхъ свободы втолкнуть въ нашу жизнь самыя отрицательныя стороны другой, чуждой намъ и нашему родному Православію, жизни, чтобы Всемогущій Господь, Самъ незримо пришелъ въ нашу Православную Церковь и началъ возжигать въ ней тѣ свѣтильники, тѣ маяки, которые нужны въ наступившемъ мракѣ жизни.

И знаменательнѣе всего тотъ фактъ, что это великое историческое возженіе всегда и неуклонно предшествовало тѣмъ смутнымъ событиямъ, которыя съ мѣста въ карьеръ пустились въ атаку нашей святой Православной Церкви.

Кто могъ думать, что открытие мощей святителя Черниговскаго Феодосія, а затѣмъ преподобнаго Серафима Саровскаго чудотворца, предшествовало надвинувшимся на нашу страну двумъ тяжелымъ событиямъ: скорбной японской войнѣ и не менѣе скорбнымъ событиямъ 1905—1908 годовъ.

Кто дерзнеть отвергнуть тотъ изумительный фактъ, что въ это время и исключительно *ради поддержки и Православія, и русскаго народа* послѣдовало открытие моцей живого пріемѣра твердаго, неуклоннаго несенія своего долга, святителя Іоасафа Бѣлгородскаго, и высоконазидающее души нашихъ женъ, матерей, сестеръ, дочерей, въ періодъ пеканія пми новыхъ *сомнительныхъ* путей, православленіе Анны Кашиинской?

Развѣ эти великия событія, помимо своего явнаго, открытаго, указаннаго значенія въ нашей современной жизни, виртуально не свидѣтельствовали о томъ, что вся надвинувшаяся на нашъ народъ и существеннымъ образомъ на наше Православіе атака самыхъ возмутительныхъ, самыхъ ужасныхъ нападокъ шла къ намъ *извнѣ*?

А между тѣмъ это именно такъ.

Ибо, если бы это было иначе, если бы это шло изъ сердца самаго русскаго Православнаго народа,— не могли бы изъ сердца этого же самаго народа и его родной религії изливаться тѣ источники Божественной благодати, которые идутъ въ защиту этого самаго народа.

Ибо не ложень Господъ въ Своемъ Божественномъ словѣ, а послѣднее говорить:

„Не можетъ изъ одного и того же источника итти и горькая и сладкая вода“¹⁾ и

„...царство раздѣлившееся само въ себѣ опустѣть“²⁾“

И послѣдующая жизнь *подтвердила* это:

Всѣ эти волны различныхъ формъ нововѣрія.

Всѣ эти политическія движенія.

Всѣ эти возмущавшіе духъ и сердце каждого истинно-русскаго человѣка, протесты, забастовки.

Все это и въ 1905 году, и въ послѣдующихъ годахъ, до настоящаго 1914, когда сама жизнь сорвала маску съ нашихъ враговъ.

Все это пришло къ намъ *извнѣ, изъ чуждой намъ жизни, изъ чуждыхъ и враждебныхъ намъ рукъ.*

Кто и что бы не говорилъ противное этому положенію, будеть лжецъ передъ своей личною совѣстью.

Но, повторяю, Господъ любящій Свой народъ уже въ 1896 году поднялъ за насъ мечъ Своей великой защиты и яркими маяками освѣтилъ нашу внѣшнюю и духовную жизнь.

¹⁾ Іак. 3, 11. ²⁾ Лук. 11, 17.

А развѣ кто нибудь осмѣлится возразить противъ того, что открытие моцей, прежде всего, великаго праведника, великаго патріота „российскія земли“, святителя Ермогена,— а затѣмъ убѣдительнѣе этого факта уже быть не можетъ— святителя и чудотворца Питирима въ самый разцвѣтъ русской мобилизациіи на войну противъ забывшаго Христа, утонувшаго въ своей гордынѣ, безумнаго Голіафа, жалкой пародіи то Нерона, то Наполеона,— Прусскаго короля Вильгельма, которому не только исторія будущаго, а и современное человѣчество придастъ совершенно правильный эпитетъ „окаяннаго“ ¹⁾,—развѣ это не свидѣтельствуетъ о великой любви къ намъ, русскому народу, Господа?

Развѣ это не свидѣтельствуетъ объ исключительной любви Его къ нашей святой Православной Церкви?

Вѣдь, чтобы не говорили враги этой Церкви, они не могутъ обвинить ее въ томъ, что она предвидѣла это событие 9-го іюня 1914 года, когда быть представленье всеподданнѣйшій докладъ оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода объ открытии моцей Святителя Питирима на Высочайшее Государя Императора благовозрѣніе.

Когда даже наканунѣ объявленія Германіей войны Россіи 19-го іюля никто не зналъ объ этомъ.

А развѣ всѣ эти факты, и въ особенности послѣдній фактъ, не свидѣтельствуютъ о томъ благодатномъ водительствѣ са-мимъ Господомъ Его Святой Православной Церкви, возглавляемой Имъ?

Вѣдь не черезъ католицизмъ, не черезъ лютеранъ, не черезъ всѣ разнообразные виды существующаго теперь въ Россіи нововѣрія и не черезъ различные сатанинскія, охватившія весь міръ ученія спиритизма, оккультизма и теософіи послѣдовало это чудо изъ чудесъ современной жизни.

А только лишь черезъ святую Православную христіанскую Церковь.

Значить именно **только съ нею и въ ней** Самъ Господь.

Значить **только въ ней одной** и можно получить истинную моць и силу Божественнаго благословенія.

Значить **именно ее, единственную во всей вселенной и не поколеблять врата ада.**

В. П. Быковъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

1) „Вильгельмъ Окаянній“.

Подъ громовымъ ударомъ.

I.

— Лежу, завернутый въ шинель. Около меня лошадь. Передовая позиція. Кругомъ никого нѣтъ. Ждемъ боя. Цѣлую тебя и дѣтей. Твой Миша.

Это было послѣднее извѣстіе, которое пришло съ театра военныхъ дѣйствій. И съ тѣхъ поръ вотъ уже полторы недѣли ни звука, ни строчки.

Марья Антоновна за эти дни стала неузнаваема: красивое молодое лицо ея осунулось, глаза, въ которыхъ еще недавно было столько огня, столько чисто женского кокетства, потускнѣли, и около нихъ легли какія-то изсиня-черныя тѣни, вся она похудѣла и точно согнулась.

Дѣти: Вѣра 6-ти лѣтъ, Варя—3-хъ и семимѣсячный Котикъ ее раздражали и каждую минуту доводили до слезъ.

Молоко у ней пропало, и Котикъ поэтому цѣлыми часами кричалъ, не переставая. Она отдавала его на руки няньки, а сама затыкала уши, чтобы не слышать этого отчаяннаго, дѣтскаго крика и запиралась въ спальнѣ или уходила на улицу и безцѣльно ходила взадъ и впередъ по глухимъ пустымъ переулкамъ, пока ноги не отказывались служить ей, и она въ изнеможеніи готова была упасть.

Тогда она возвращалась домой, и тамъ ничего не могла дѣлать, потому что работа валилась изъ рукъ. Все ея вниманіе приковано было къ часовой стрѣлкѣ, и когда та придвигалась къ часу прихода почты, Марья Антоновна дѣлалась вся—какъ натянутая струна, какъ обнаженный нервъ: прислушивалась къ каждому шагу на парадной лѣстницѣ, вздрагивала при каждомъ звонкѣ.

Но почты не было.

Тогда она ложилась на кровать лицомъ въ подушки и плакала, плакала, какъ дитя.

— Маня, да вѣдь нельзя же такъ, вѣдь у тебя дѣти...—пробовала урезонить ее старушка мать,—вѣдь прямо грѣхъ такъ убивать себя.

— Грѣхъ? почему вы раньше молчали о томъ, что грѣхъ? Почему вы раньше ничего не говорили мнѣ ни о грѣхѣ, ни о Богѣ?—не то съ озлобленіемъ, не то съ горечью спрашивала Марья Антоновна, глядя на мать почти съ ненавистью.—Вы сами, когда еще я дѣвченкой была, говорили, что не знаете, есть Богъ или нѣтъ,—и я теперь не знаю... а нѣтъ Бога, нѣтъ и грѣха... не грѣхъ если я и руки на себя наложу, потому что не могу я пережить всего этого... не могу... не могу...

Въ другіе разы этотъ приступъ отчаянія и тоски смынялся тихимъ плачемъ. Какъ маленькая дѣвочка, садилась Марья Антоновна на скамейку около матери и положивъ голову ей въ колѣни, шептала:

— Какъ я жила? Какъ мы жили? Развѣ можно было жить такъ!.. Господи, если бъ вернулось все!.. Если бъ Миша остался живъ! Все было бы иначе! Онъ самъ понялъ бы многое!.. А такъ развѣ это жизнь?

— Ну какъ же, Маня, жить еще? Нервная ты просто стада. Жили, какъ и нужно. Всѣ молоды были, и всѣ такъ жили: веселились, выѣзжали, у себя вечера устраи-

вали,—ну что тутъ худого? Дѣти здоровы, растутъ... не понимаю, какъ же жить еще? И теперь тебя обезпечатъ...—говорила та, повидимому, мало озабоченная судьбой зята. Но Марья Антоновна ее прерывала:

— Ахъ нѣтъ, нѣтъ... я не про то... вы говорите совсѣмъ другое...—И въ тоскѣ, въ досадѣ уходила въ свою комнату.

Былъ сѣрый осенний день.

Марья Антоновна, какъ все это время, нервничала. Котикъ опять плохо спалъ, мучился желудкомъ и кричалъ.

— Господи, до чего же изводитъ этотъ крикъ! Няня,—крикнула Марья Антоновна,—дай его сюда, а сама выведи дѣвочекъ погулять, да не надолго, на четверть часа.

Маленькое блѣдненькое личико черезъ минуту смотрѣло на нее изъ голубого одѣяльца. Почувствовавъ перемѣну рукъ, ребенокъ пересталъ плакать и смотрѣлъ на мать большими синими глазками, громко чмокая соску и иногда неровно вздыхая, уставъ отъ долгаго плача и крика.

— Что, крикунъ мой? Что, Котикъ маленький?—разговаривала съ нимъ мать:—наблажился? Наплакался? а? что, животикъ болитъ? Животикъ у Котика болитъ?

Ребенокъ смотрѣлъ на нее, слушалъ, точно понимая ее, и вдругъ неожиданно улыбнулся... И эта улыбка перевернула всю ея душу.

— Маленький мой, милый...—Она поднесла ребенка къ себѣ и долгимъ жаркимъ поцѣлуемъ припала къ безкровной щечкѣ, на которой отъ улыбки была маленькая ямочка:—гдѣ нашъ папа, Котикъ? Гдѣ папа?— И вдругъ смягчившись, точно растаявъ отъ прикосновенія этого крохотнаго существа или отъ жалости, острой и обжигающей душу, къ себѣ и къ нему, Марья Антоновна заплакала.

Крупныя слезы потекли по ея щекамъ; она глотала ихъ, такія соленыя, такія горькія, и не замѣтила, какъ онъ падали и на щечку Котика. Тотъ смотрѣлъ, смотрѣлъ на мать и вдругъ сморщился и тоже заплакалъ.

Мать привела себя въ порядокъ и, уже безъ раздраженія, перепеленала Котика, и стала укачивать...

— Хоть бы какая нибудь отрада! Какое бы нибудь утѣшеніе!—въ тоскѣ смотрѣла она на „стильную“ обстановку своихъ комнатъ, на дорогія гравюры, которыя всегда покупалъ Миша, на нарядныя кровати, изъ которыхъ теперь одна стояла пустая.

Пустота и тоска была въ душѣ.

— Молиться?—Но она не умѣла молиться, она никогда не молилась, у нихъ и образовъ то даже нѣтъ въ квартирѣ: ни одного образа! И Миша никогда не молился, и Миша говорилъ, что онъ боится „безпокоить“ Господа Бога и докучать Ему.

Марьѣ Антоновнѣ стало вдругъ жутко и холодно, когда она припомнила, какимъ тономъ говорилъ все это Миша. Какъ теперь, тамъ, на передовой позиції?.. Неужели и тамъ онъ говорить такъ же? Или, можетъ быть, теперь онъ зоветъ, вопить къ Богу... А Богъ?.. слышитъ ли Онъ? видитъ ли? Есть ли Онъ вообще, есть ли кто нибудь за этимъ сѣрымъ небомъ?.. Мысли, одна другой темнѣе, вихремъ кружатся въ головѣ, пока Марья Антоновна нервно ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, укачивая Котика.

— Молится... да, можетъ быть, уже нѣтъ его? Можетъ быть, уже умеръ онъ, убитъ?.. Можетъ быть, мучается на полѣ, раненый, не подобранный... Можетъ быть, онъ съ проклятиемъ уходитъ изъ жизни...—Опять спазма въ горлѣ Марыи Антоновны, опять нѣтъ никакого ощущенія, кроме ощущенія надвинувшагося ужаса, безпросвѣтной темноты, непосильной муки.

Раздался звонокъ, и она вздрогнула такъ, что чуть не уронила ребенка. Но послышался голосъ Вѣрочки, и она вспомнила, что это вернулись дѣти.

Черезъ минуту нянька пришла въ спальню.

— Ужаси что тамъ на улицѣ дѣлается... народу вездѣ... крестные ходы...—говорила она, взявъ Котика изъ рукъ Марьи Антоновны.

— Крестные ходы... а почему? — спросила Марья Антоновна.

— Да молебны о побѣдѣ служатъ... и здѣсь мимо насъ пойдутъ... вонъ столики приготовлены.

Марья Антоновна наклонилась къ окну. Напротивъ у лавки дѣйствительно былъ выставленъ столикъ, покрытый бѣлой скатертью, икона въ серебряной ризѣ и чашка съ водой.

— Крестный ходъ... — Марьѣ Антоновнѣ вспомнилось, какъ еще нѣсколько недѣль тому назадъ Миша громко расхохотался, когда ему сказали, что крестьяне окрестныхъ деревень той мѣстности, гдѣ они жили на дачѣ, собираются служить молебенъ о дождѣ, а потомъ пойдутъ съ крестнымъ ходомъ по всѣмъ деревнямъ.

— Ха... ха... ха...—смѣялся Миша,—молебенъ о дождѣ! Вотъ темень-то мужицкая... Положимъ здѣсь въ деревнѣ понятно... вотъ въ городѣ такъ ужъ прямо дико! да и кто и ходить то съ этими крестными ходами? Мужики, бабы, да хулиганы.

Тогда Марьѣ Антоновнѣ не было страшно слушать ни этотъ смѣхъ, ни эти слова мужа: она вѣдь и сама не была вѣрующей; но теперь почему-то именно этотъ моментъ вспомнился ей, почему то вдругъ стало такъ жутко, такъ сиротливо.

Она прильнула лбомъ къ стеклу окна и смотрѣла на эту толпу мужиковъ, ожидающую крестный ходъ;

вѣроятно, онъ уже показался, такъ какъ многіе сняли шапки и крестились.

Нѣсколько бабъ, съ ребятами выстроились въ очередь, чтобы пройти подъ иконами.

Вотъ показался народъ съ другой стороны, потомъ фонарь, хоругви, иконы... вотъ какой-то стариочекъ-священникъ въ потертой камилавкѣ, въ поношенной ризѣ..., подошли къ столику... начался молебенъ... Марья Антоновна слышитъ, какъ поютъ „Спаси, Господи, люди Твоя“..., видитъ, какъ десятки рукъ поднимаются для крестнаго знаменія, машинально крестится и она, глядя на качающуюся хоругвь, на которой изображена икона Бѣломатери, но на душѣ у ней пустота.

Крестный ходъ прошелъ мимо, оставивъ въ ея душѣ только угнетающую, тяжелую тоску.

— Счастливые... они хоть могутъ молиться, вѣрить по-дѣтски... у ней и этого нѣтъ... а это, кажется, самое главное...

II.

Всю ночь не спалось Марье Антоновнѣ. Отъ будуарнаго фонаря разливался мягкий розоватый полусвѣтъ. Но сегодня онъ напоминалъ ей зарево пожара, вызывалъ что-то кошмарное, и она потушила его; зажгла обыкновенную свѣчу подъ зеленымъ колпачкомъ.

Грудь давила все та же тоска, а въ болѣзnenно работающемъ мозгу вставало съ поразительной ясностью все прошлое, и почему-то вставалъ дѣнь ихъ свадьбы, такой яркій, солнечный.

Оба они были тогда такъ молоды и такъ счастливы. Они любили другъ друга, и для нихъ, собственно, не нужно было бы никакого вѣнчанья, никакихъ лишнихъ церемоній, но приличіе этого требовало. Живо вспо-

минается Марьѣ Антоновнѣ, сколько забавнаго было тогда. Отецъ ея умеръ, когда ей было 5 лѣтъ, и къ вѣнцу благословлялъ одинъ старишечъ-генералъ, другъ ихъ дома, милый и добродушный человѣкъ, но не безъ странностей.

И именно странностью казалось тогда и ей и Мишѣ, съ какой серьезностью и даже съ волненіемъ благословлялъ онъ ихъ обоихъ, когда они пріѣхали изъ церкви.

Въ церкви Марьѣ Антоновнѣ было все время какъ-то весело: смѣшно было, какъ растерялся Миша, когда она вошла въ церковь; смѣшно, какъ шаферъ мѣнялъ имъ кольца и, такъ какъ Миша слишкомъ плотно надѣлъ первый разъ на палецъ кольцо, забывъ, что оно не его, а невѣсты, то шаферъ съ такой силой снялъ его, что оно выскользнуло и покатилось. Смѣшно и весело было даже тогда, когда повели ихъ кругомъ аналоя, и только что-то чуть-чуть ущемило сердце, когда запѣли о святыхъ мученикахъ... запѣли торжественно и, какъ показалось ей тогда, грустно... зачѣмъ, при чемъ тутъ мученики?—мелькнуло тогда въ головѣ Марии Антоновны.

Потомъ скоро начались поздравленія.

Опять было весело.

Вотъ пріѣхали домой.

— Наконецъ-то кончились всѣ церемоніи!—смѣясь, проговорила она. Но оказалось, что кончилось еще не все: старишечъ-генералъ встрѣтилъ ихъ на порогѣ и торжественно благословилъ иконой:

— Дай Богъ счастья вамъ... Дай Богъ радости, много радостей... Но и горе въ жизни неизбѣжно, такъ вотъ тогда... пусть Господь поддержитъ васъ, будетъ съ вами... не забывайте о Немъ ни въ горѣ ни въ радости.

И отчего-то голосъ дрожалъ у старика, и даже слезы были на глазахъ.

Теперь Марья Антоновна вспомнила его, а тогда почти и вниманія на его слова не обратили.

Поставили образа, которыми ихъ благословляли, въ свою нарядную спальню, на столъ, такъ какъ уголь занять былъ картиной знаменитаго художника, и долго не могли найти имъ подходящаго мѣста.

Жизнь потекла счастливая, радостная, довольная.

Оба увлекались и спортомъ, и театромъ, лѣтомъ ъездили за границу.

Оба жили широко, мужъ зарабатывалъ много. Дѣти ихъ радовали и занимали.

Словомъ, жизнь была полна, хотя они ни о комъ, кромъ себя не думали, и только теперь, когда грянуль громъ, вдругъ обнаружилась ея страшная, невыносимая, зіяющая цустота.

Марья Антоновна вдругъ почувствовала себя несчастной, одинокой, беспомощной; вдругъ почувствовала, что если отъ нея уйдетъ Миша, то съ нимъ уйдетъ весь смыслъ ея жизни, безъ него наступить ужасъ, который приведетъ ее къ могилѣ, къ самоубійству... Жить нечѣмъ...

— Дѣти... но что дѣти? Растить ихъ для того, чтобы такъ же рисковать каждую минуту потерять ихъ?! Да и что дать имъ? Какъ сдѣлать ихъ жизнь не пустою? Какъ ихъ подготовить ко всѣмъ ужасамъ жизни?— никогда раньше эти вопросы не приходили въ голову Марье Антоновнѣ, а теперь они всѣ разомъ тѣснились въ ея мозгу и, заслоняя ихъ всѣ, душу терзала мысль о Мишѣ:—живъ ли онъ? вернется ли? что чувствуетъ онъ тамъ, передъ лицомъ смерти? Боже мой, Боже мой, еслибъ умѣть молиться! Еслибъ имѣть хоть это счастье!

Дрожа отъ ночной свѣжести, и отъ безсонныхъ часовъ, и отъ внутренняго волненія, Марья Антоновна все-таки встала съ постели, накинула на себя теплый капотъ и начала, какъ всегда, безцѣльно ходить по комнатѣ, заглушая этимъ безумную боль въ душѣ.

Утромъ она вышла въ столовую, страшная, какъ тѣнь.

— Къ доктору бы тебѣ сходить, Маня,—сказала ей мать, разливая чай и сухими аристократическими руками раскладывая дѣтямъ булки.

— Ахъ, бросьте вы, мама! Развѣ поможетъ это? Я не знаю, вы какая-то деревянная! Неужели вы ничего не чувствуете? Я знаю, вы не любите Мишу... но теперь-то развѣ нельзя все забыть? Вы такъ говорите, точно онъ чужой вамъ и мнѣ... и я еще должна это слушать... О Господи!—Марья Антоновна съ шумомъ поднялась со стула и выбѣжала изъ комнаты.

Съ ней сдѣлалась истерика.

— Матушка барыня, хоть бы къ „Скорбящей“ сходили вы... родная!—со слезами глядя на нее, говорила старуха-кухарка:—много милостей у Царицы-то небесной, авось и барина вашего сохранитъ...

— Да ты пойми, Марѳуша: передовая позиція, вѣдь это никакой надежды...—плакала Марья Антоновна.

— Да Господь то, можетъ, какъ разъ его и помилуетъ, пронесетъ мимо пули-то шальныя... пойдите, барыня... на Стеклянномъ это... много чудесъ тамъ совершаются... я сама тамъ исцѣлимши была отъ ноги... такой ревматизмъ былъ, думала, совсѣмъ и ходить не смогу, а вотъ спасла Матерь Божія...—говорила Марѳуша.

И отъ того лѣ, что говорила она, и отъ другого чего, или отъ самаго тона ея голоса, но Марѣ Антоновнѣ стало какъ будто легче. А Марѳуша все повторяла:

— Пойдите, право...

— Подожду еще... можетъ быть, письмо придетъ. Прошло еще нѣсколько дней: письма все не было.

III.

— Радуйся, купель, въ ней же вся скорби наша погружаются...

— Радуйся, чаше, ею же радость и спасеніе воспріемлемъ!

Толпа народа стояла на колѣняхъ передъ чудотворной иконой Богоматери; стояла затихшая, изрѣдка тяжко и глубоко вздыхающая, безмолвно плачущая, тихо скорбящая.

И слова священника, негромко, но внятно читавшаго акаѳистъ, падали, точно свѣтлые звѣзды, въ темную глубину измученного народнаго сердца.

Часовня была полна народу, и огромный подсвѣчникъ пѣредъ образомъ все пополнялся и пополнялся новыми свѣчами. Особено много было свѣчей пятикопеечныхъ и трехкопеечныхъ. Онѣ такъ и передавались по рукамъ съ прибавленіемъ: „Царицѣ Небесной“, „Скорбящей“, „Всѣхъ Скорбящихъ Радости...“ — и вмѣстѣ съ ними передавались Царицѣ Небесной вздохи и скорби темнаго бѣднаго люда.

Много было женъ запасныхъ.

Онѣ пришли сюда съ ребятишками, но, къ удивленію, и дѣти не плакали, и ничто не нарушило тишины, въ которой совершалось это „молебное пѣніе“.

— Радуйся, скорбей нашихъ Услажденіе!

— Радуйся, печалей нашихъ Утоленіе!

Ясно и вдумчиво выговариваетъ священникъ.

Кто-то заплакалъ тихо, точно украдкой. Кто-то громко вздохнулъ, и вздохъ похожъ былъ на короткій стонъ.

Этотъ вздохъ заставилъ вздрогнуть Марью Антоновну, стоявшую впереди у самой рѣшетки.

До сихъ поръ, точно окаменѣлая, стояла она неподвижно, судорожно сжавъ въ рукѣ перчатку, стиснувъ зубы, и сухими, полными безысходной муки глазами смотрѣла на темный ликъ Богоматери, на эту икону, къ которой такъ странно и плотно пристали чьи-то трудовые мѣдные грошики... Смотрѣла, точно ничего не понимая, на мягкое сіяніе лампады, озаряющей образъ, на усталое, болѣзненное лицо священника, и молитвы не было въ душѣ.

Только тяжелый, обычный въ эти дни, неподвижный камень лежалъ тамъ, глубоко, глубоко.

Сердце, еще недавно исходившее слезами, теперь только ноетъ, но ноетъ день и ночь, ноетъ то сильнѣе, то слабѣе, ноетъ отъ боли, ноетъ иногда такъ нестерпимо, что отъ боли захватываетъ духъ и темнѣеть въ глазахъ.

Потомъ это проходитъ и смыняется тѣмъ страннымъ отупѣніемъ, какимъ-то окаменѣніемъ, которое у Марии Антоновны было сейчасъ.

И вдругъ этотъ стонъ! Кто-то такъ тяжко вздохнулъ! Кто-то, точно не стерпѣвъ, выкрикнулъ свою боль.

Марья Антоновна вздрогнула и инстинктивно обернулась: простая, повидимому, фабричная, еще молодая женщина, въ байковомъ сѣромъ платкѣ, изъ-подъ которого выбивались пряди русыхъ волосъ, припала къ холодному полу часовни и уже почти навзрыдъ плакала:

— Матушка Царица Небесная, спаси моего мужа!— всхлипывала она. И столько горя, столько вѣры было въ этой мольбѣ!

Холодъ электрической искрой пробѣжалъ по всему тѣлу Марии Антоновны. Клубокъ, свинцомъ стоявший въ горлѣ, вдругъ растаялъ, откатился, и она тоже

вздохнувъ болѣзненно громко, вдругъ опустилась на колѣни, приникла головой къ рѣшеткѣ и заплакала.

И первый разъ за всѣ эти дни плакала мучительно сладко, долго, чувствуя, что ее всю охватываетъ не-знакомое, какое-то жуткое и новое, радостное чувство вѣры.

— И моего... спаси... Пресвятая, Пречистая! Ты все можешь!..—рыдала она, задыхаясь и захлебываясь отъ слезъ.

Когда она немного пришла въ себя, священникъ уже кончилъ акаѳистъ и, самъ стоя на колѣняхъ, читалъ молитву:

• — Ты едина еси радости нашей ходатаца и, яко Матерь Божія и Мати милосердія, предстоящи у Престола Пресвятыя Троицы, можеши намъ помощи: никто же бо притекаяй къ Тебѣ посрамленъ отходитъ...

— Пресвятая, Пречистая, да не отойду и я... темно, пусто въ душѣ... Ты просвѣти, Ты помоги... Спаси его... верни его... всю жизнь мою возьми...—Страстно молилась Марья Антоновна, а слезы градомъ катились по ея лицу, и она даже не успѣвала отирать ихъ.

Но на сердцѣ стало вдругъ легче, несравненно легче. И когда она прикладывалась къ иконѣ, ей показалось, что что-то теплое, ласковое, свѣтлое брызнуло ей въ душу.

Вмѣстѣ съ народомъ вышла она изъ часовни, вмѣстѣ дошла до паровика, и когда поднималась въ свою квартиру, ей почему-то вспомнилось, какъ недавно Варя, долго плакавшая надъ сломанной куклой, заснула наконецъ у нея на колѣняхъ: и у нея было ощущеніе усталости и покоя послѣ долгихъ слезъ на рукахъ матери.

— Ну вотъ и успокойся, живъ еще...—встрѣтила ея въ передней бабушка.

— Какъ? что? кто живъ?—не снимая шляпы, почти вскрикнула Марья Антоновна, не смѣя вѣрить себѣ.

— Господи! Кто? да Миша, конечно! Еще днемъ пришла коротенькая депеша:—„живъ, цѣлую“.., вотъ смотри, увѣрься....—совала она дочери въ руку какую-то бумагу.

Безумно радостными глазами читала та эти два слова, потомъ припала къ нимъ губами и, задыхаясь уже отъ новыхъ волненій, сквозь слезы, безсвязно повторяла:— Ты... Ты... Пресвятая Матерь Божія... Спаси его... всю жизнь отдамъ Тебѣ... спаси... благодарю Тебя...

Мать подумала, что она бредитъ, и бросилась къ ней, но та отстранила ее...

— Боже мой; мама, какъ поздно узнали мы!..—говорила она.

Въ тотъ же вечеръ въ дѣтской и спальнѣ висѣли иконы Спасителя и Божіей Матери и передъ ними горѣли лампады.

IV.

Опять идутъ недѣли, опять тянется мучительная неизвѣстность. Но нѣтъ уже безнадежнаго отчаянія въ душѣ Марыи Антоновны. Она занимается съ дѣтьми, ведетъ хозяйство, работаетъ въ городскомъ попечительствѣ для семей запасныхъ, а разъ въ недѣлю ходитъ туда, на окраину города, куда тянутся безъ конца всѣ, кого бросила военная непогода въ бездну горя и муки.

И вечерами долго стоитъ она въ своей спальнѣ передъ иконой Богоматери и молится съ жаркой, все-побѣждающей вѣрой за того, кто на землѣ ей всѣхъ дороже, всѣхъ ближе... молится и обѣщаетъ Царицѣ

Небесной принести Ей въ жертву все, если онъ вернется, вернуть и его самого къ Богу и къ Церкви...

* * *

Гдѣ-то далеко, далеко гремитъ громъ войны... Гдѣ-то свищутъ пули, взрываются цѣлые полки, тысячи людей падаютъ подъ косой смерти... Гдѣ-то свершается правый и грозный Судъ Божій... А здѣсь, въ тишинѣ ночи, при мерцаніи лампадъ, неумолчно раздается молитва женъ, матерей и сестеръ:—пощади, спаси и помилуй.

Ал. Платонова.

Миссіонерскія бесѣды.

Бесѣда съ „адвентистами седьмого-субботняго дня“ о субботѣ.

На IV всероссійскомъ місіонерскомъ съездѣ въ Кіевѣ въ іюлѣ м. 1908 года выяснилось, что въ пропагандѣ сектанства въ Россіі одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ „адвентисты седьмого-субботняго дня“. Пропаганда адвентизма ведется теперь повсюду и особенно на югѣ и на юго-западѣ Россіі. Съ пропагандою выступаютъ не только русскіе сектанты (Юркіны и др.), но и нѣмцы (Бехтеръ, Лебсакъ и др.). Наиболѣе же усердно пропагандируютъ адвентітскіе місіонеры изъ-за границы—это: „колоіпортеры“ или книгоноши (І. Перкъ и др.), „бібліенсты“, которые читаютъ и изъясняютъ Біблію на „біблейскихъ собраніяхъ“ (К. Шмаковъ и др.), и „проповѣдники“, которые устраиваютъ „призыва на собранія“ для проповѣди и моленій, крестять, совершаютъ вечери, рукополагаютъ въ „проповѣдники“, завѣдываютъ мѣстными місіонерскими учрежденіями и разъѣзжаютъ съ місіонерскими цѣлями по обширной территории (О. Вильдгрубе и др.). Двѣ главныя місіонерскія организаціи заграницы адвентистовъ—„Международное Трактатное Общество“ и „Международный союзъ субботнихъ школъ“, управление которыми сосредоточено въ Баттле-Креекѣ, въ Сѣверной Америкѣ, и которые имѣютъ свои отдѣленія: въ Нью-Йоркѣ, Вашингтонѣ, Каннадѣ, Калькуттѣ, Варбургтонѣ, Коллечъ-Вью, Монтенъ-Вью, Лондонѣ, Стокгольмѣ, Гельсингфорсѣ, Ватфордѣ, Мельбурнѣ, Базелѣ и Гамбургѣ—руководятъ пропагандою адвентизма и въ Россіі, дѣйствуя въ ней, главнымъ образомъ, чрезъ свои отдѣленія въ Гамбургѣ, гдѣ для той же цѣли имѣются еще „Международное Издательское Общество“ и місіонерская школа.

Сильная пропаганда адвентизма въ Россіи побуждаетъ дѣятелей православной миссіи къ энергичной борьбѣ съ адвентитскими заблужденіями. И здѣсь прежде всего возникаетъ потребность въ миссіонерскихъ бесѣдахъ съ адвентистами по тѣмъ пунктамъ ихъ ученія, въ которыхъ они расходятся съ исповѣданіемъ Православной Церкви.

Однимъ изъ главныхъ заблужденій адвентистовъ, которое они, однако, усиленно пропагандируютъ является *празднованіе* ими *субботы* *вмѣсто воскреснаго днѣя*. Этому вопросу мы и посвящаемъ свою бесѣду. Въ ней мы постарались исчерпать не только то, что говорили намъ на бесѣдахъ адвентисты юга Россіи и г. Москвы, но и все то, что приводится въ зайнту празднованія субботы въ адвентистской литературѣ. Такъ, нами разсмотрѣны съ этою цѣлью слѣдующія произведенія адвентистской литературы: 1) „Маслина“ (журналъ), 2) „Суббота нравственнаго закона, ея сущность и обязанность въ отношеніи къ ней“, 3) „Субботу или воскресеніе должны мы праздновать“? 4) „Воскресеніе не суббота“, 5) „Какой день празднуешь ты и почему“? 6) „Разсмотрѣніе семи оснований празднованія воскресенія“, 7) „Суббота и Воскресеніе“, 8) „Кто отмѣнилъ субботу“, 9) „Почему это было открыто раньше“? 10) „Суббота Нового Завѣта“, 11) „Библейскія чтенія о настоящей истинѣ“ и 12) „Библейскій указатель важнѣйшихъ учений о вѣрѣ“.

Для удобства изложенія, данные адвентистской литературы и заявленія адвентистовъ на бесѣдахъ влагаются въ уста одного лица, адвентиста Петра.

1)—Какъ же намъ не чтить *субботы*,—говорилъ мнѣ пожилой адвентистъ Петръ, ревностный пропагандистъ адвентизма среди русскихъ крестьянъ,—когда *Самъ Богъ еще въ рую далъ людямъ заповѣдь праздновать седьмой день, или день субботній*.

И попросилъ Петра найти такую заповѣдь въ Св. Писаніи. Петръ, открывъ Библію, громко и самоувѣренно сталъ читать: „И совершилъ Богъ къ седьмому дню дѣла Свои, которыя Онъ дѣлалъ, и почилъ въ день седьмой отъ дѣлъ Своихъ, которыя дѣлалъ. И благословилъ Богъ седьмой день—и освятилъ его; ибо въ оный почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя Богъ творилъ и создалъ“ (Быт. 2, 1 - 3). Разъ Богъ

благословилъ и освятилъ седьмой день, такъ намъ и нужно его праздновать,—заключилъ Петръ и вызывающе посмотрѣлъ на меня.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.—Въ Писаніи не сказано, чтобы Богъ въ раю повелѣлъ первымъ людямъ, а съ ними и намъ, праздновать седьмой день, и это ты, Петръ, сочинилъ отъ себя, что нехорошо, такъ какъ своимъ вымысломъ ты еще извратилъ и мысль Св. Писанія. Въ прочитанномъ тобою мѣстѣ изъ книги Бытія говорится только о томъ, что Богъ благословилъ и освятилъ седьмой день, потому что въ этотъ день почилъ отъ всѣхъ дѣлъ Своихъ, которыя творилъ и созидалъ. Какъ видишь, здѣсь и рѣчи нѣтъ о людяхъ, нѣтъ и никакой заповѣди людямъ. Когда бытописатель желаетъ показать, что слова Бога относятся къ людямъ, въ частности, къ первозданнымъ, то ясно пишетъ: „и благословилъ ихъ Богъ, и сказалъ имъ Богъ“... или еще: „и заповѣдалъ Господь Богъ человѣку“... (Быт. 1, 28; 2, 16). Но въ прочитанномъ тобою мѣстѣ этого нѣтъ. Слѣдовательно, нельзя учить, что „Богъ въ раю освятилъ и благословилъ седьмой день для людей“. Нельзя такъ учить еще и потому, что благословеніе и освященіе седьмого дня не только стоитъ въ полной зависимости отъ покоя, но заключается въ этомъ покое, безъ котораго оно и немыслимо (ср. Исх. 20, 8—11). Но кто же почилъ отъ дѣлъ творенія и созиданія: люди или Богъ? Писаніе ясно говорить, что Богъ, такъ какъ первые люди не только ничего не творили и не созидали, а и сами были сотворены (Быт. 1, 26). А если покой относился только къ Богу, то ясно, что „и благословилъ Богъ день седьмой и освятилъ его только для Себя, т.-е. покоемъ отъ дѣла творенія Онъ отлилъ для Себя день седьмой. Вмѣстѣ съ Богомъ раздѣлили этотъ покой и Тѣ, Кому Богъ сказалъ: „состворимъ человѣка по образу Нашему и подобію Нашему“... (Быт. 1, 26), посему и для Нихъ Богъ благословилъ и освятилъ день седьмой. Но здѣсь и ты, Петръ, видишь не людей, которыхъ еще не было, а второе и третье Лица Св. Троицы. Въ этомъ же настѣ убѣждаетъ и внѣшняя форма выражений бытописателя. Когда у него идетъ рѣчь о первыхъ людяхъ, онъ прямо называетъ ихъ; такъ что ясно видно, кому Богъ сказалъ, или для кого Богъ заповѣдалъ, благословилъ, освятилъ... А когда рѣчь идетъ о лицахъ Св. Троицы,

то онъ прикровенно указываетъ ихъ въ краткой формѣ рѣчи, говоря лишь: „и сказалъ Богъ... и благословилъ Богъ и освятилъ“... (Быт. 1. 26; 2. 2—3). Такимъ образомъ, ясно, что въ раю Богъ не давалъ людямъ заповѣди праздновать день седьмой, или субботній. Напротивъ. Онъ повелѣлъ первому человѣку воздѣлывать и хранить садъ Эдемскій, безъ исключенія, во всѣ дни (Быт. 2, 15), и, если бы Адамъ пожелалъ въ седьмой день покойтесь, то это было бы нарушеніемъ повелѣнія Господняго: „воздѣлывать и хранить Эдемскій садъ“. И послѣ, когда Адамъ согрѣшилъ, то Богъ осудилъ его на добываніе себѣ хлѣба въ потѣ лица во всѣ дни жизни его на землѣ, изъ которой онъ взято (Быт. 4. 17—19, 23). Вотъ почему нигдѣ въ Писаніи не видно, чтобы люди до Моисея (Исх. 16 гл.) праздновали субботу, или чтобы до Моисея Богъ обличалъ и грозилъ людямъ наказаніями за нарушеніе субботняго покоя. Все это потому, что до Моисея Богъ не давалъ людямъ заповѣди праздновать субботу.

— А почему же Моисей пишетъ: „помни день субботній“ (Исх. 20, 8); если „помни“, то, значитъ, заповѣдь о субботѣ уже была у евреевъ до Моисея,—вразумилъ мігъ Петръ.

— Нѣть, Петръ! Опять ты неправильно истолковалъ Писаніе. Моисей словомъ „помни“ указывалъ сынамъ Израилевымъ не на то, что заповѣдь о субботѣ была дана имъ до него, а на то, что онъ по повелѣнію Бога, уже далъ имъ эту заповѣдь и что въ десятословіи она лишь повторяется, напоминается. И дѣйствительно, въ Писаніи ясно сказано, что впервые Господь далъ израильтянамъ заповѣдь о субботѣ чрезъ Моисея еще въ пустынѣ Синѣ (Исх. 16, 29—30), такъ что на горѣ Синаѣ въ десятословіи она лишь была повторена.

— Ну, а почему же самъ Моисей говорить, что сыны Израилевы должны праздновать субботу, потому что Господь почилъ въ день седьмой? Выходитъ, какъ-будто евреи праздновали субботу со дня покоя Господня?...—нерѣшительно замѣтилъ Петръ.

— Ошибаешься, Петръ! Моисей въ десятословіи лишь указываетъ, что данный чрезъ него Богомъ израильтянамъ день покоя будетъ напоминать имъ и покой Господень. Какъ Господь въ седьмой день почилъ отъ работы творенія, такъ и израильтяне въ седьмой дѣнь почиваютъ отъ работы въ еги-

петскомъ рабствѣ (Второз. 5, 15): здѣсь совпаденіе лишь въ численномъ порядкѣ дня—„седьмый“; но у Господа покой имѣть свое значеніе, а у израилѣянъ свое. Вотъ почему израилѣяне и стали впервые праздновать субботу лишь по выходѣ изъ Египетскаго рабства (Исх. 16. 30). Такъ что теперь и тебѣ, Петръ, должно быть ясно, что ни въ раю, ни послѣ—до Моисея, Богъ не давалъ людямъ заповѣди праздновать субботу.

— — —

2)—Ну, пусть будетъ по-вашему,—уже безъ задора проговорилъ Петръ.—А все же я буду праздновать субботу, хотя бы потому, что *4-я заповѣдь десятисловія мнѣ это повелѣваетъ* (Исх. 20, 8—10).

— Вотъ и прекрасно,—сказалъ я,—что отъ первого своего основанія въ пользу празднованія субботы ты, Петръ, уже отказался. Поэтому я перейду къ разсмотрѣнію новаго, по счету второго, основанія, которымъ ты защищаешь свою субботу ¹⁾:

— а) Я прежде всего спрошу тебя, Петръ, почему ты ссылаешься на 4-ю заповѣдь десятисловія? *Развѣ ты признаешь необходимымъ исполнять 10 заповѣдей по буквѣ Ветхозавѣтнаго Писанія?* Тогда почему ты не исполняешь съ буквальною точностью и другихъ заповѣдей того же Ветхаго Писанія?

— Никакихъ другихъ заповѣдей въ Ветхомъ Завѣтѣ я не знаю,—съ жаромъ заговорилъ Петръ,—и вы не смѣшивайте все въ кучу: *заповѣдями* называется только десятисловіе, а все остальное, полученное еврейскимъ народомъ отъ своихъ вождей, называется *закономъ*. Законъ мнѣ *не нуженъ*; онъ отмѣненъ Христомъ и Апостолами, а заповѣди даны людямъ навсегда. Самъ Христосъ сказалъ: „кто нарушитъ одну изъ заповѣдей сихъ малѣйшихъ и научить такъ людей, тотъ малѣйшимъ наречется въ Царствѣ Небесномъ; а кто сотов-

¹⁾ На первомъ основаніи субботники особенно настаиваютъ, потому что второе ведеть ихъ, какъ увидимъ ниже, въ такія дебри взаимныхъ противорѣчій, что они прибѣгаютъ къ нему лишь въ самыя критическая минуты. Между тѣмъ, первое основаніе, какъ взятое изъ исторіи *до появленія* закона Моисеева, сразу освобождаетъ ихъ отъ критики, по меньшей мѣрѣ, двухъ смысленного ихъ отношенія къ тому закону, на который они же опираются, потому что и рѣчь объ этомъ законѣ имѣ не заводится.

рить и научить, тотъ великимъ наречется въ Царствѣ небесномъ“ (Ме. 5; 19).

— Глубоко неправъ ты, Петръ, въ своемъ толкованіи Писанія,—отвѣчалъ я. Ни Моисей, ни Христосъ, ни св. апостолы не дѣлали такого различія между закономъ и заповѣдями, разумѣя иногда подъ закономъ совокупность всѣхъ заповѣдей и постановленій, а вообще употребляя слова: „законъ“, „заповѣдь“, и рѣже „завѣтъ“, „слова Божіи“, и др. безъ различія, одно вмѣсто другого. Объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ намъ книги: Исходъ (наприм. 16, 24, 31, 34, 35 главы) и Второзаконіе (4, 6, 10 гл.), и св. апостолъ говоритъ, что преступившій заповѣдь: „не убій“—преступникъ закона (Іак. 2, 10—11¹). Точно такъ же и приведенныея тобою слова Христа касаются не только десятословія, но и всего „закона и пророковъ“; посему Христосъ тамъ же перечисляетъ не только заповѣди десятословія, но и многія другія заповѣди, которыя „сказаны древнимъ“ (см. Ме. 5, 17—7 гл.). При этомъ еще замѣть, Петръ, что Христосъ отнюдь не сохраняетъ буквы древнихъ заповѣдей, не исключая и десятословія. Такъ что приведенное тобою основаніе въ пользу исполненія буквы только десятословія опровергается самимъ Писаніемъ. И ты долженъ согласиться, что, если праздновать субботу по буквѣ 4-ї заповѣди, то нужно тогда исполнять и весь древній законъ, въ которомъ есть заповѣди и большія десятословія (Ме. 22, 37—50; Іоан. 7, 21—23), потому что согрѣшившій даже въ одномъ чѣмъ-нибудь изъ закона виновенъ противъ всего закона (Іак. 2, 10; Гал. 3, 10). Слѣдовательно, или соблюдай по буквѣ весь древній законъ, или согласись, что соблюденіе одной только субботы съ твоей стороны ѣсть также беззаконіе, потому что подвергаетъ тебя клятвѣ закона (Гал. 3 гл.), который ты соблюденіемъ субботы признаешь для себя обязательнымъ.

Петръ задумался. Наконецъ, онъ вспомнилъ новый выходъ изъ затруднительного положенія, подсказанный ему „Библейскими чтеніями о настоящей истинѣ“ (№ 20).

— Пусть будетъ по-вашему,—утирая съ лица потъ и подтѣгиваясь, снова заговорилъ Петръ.—Пусть Писаніе не отличаетъ десяти заповѣдей отъ закона и называется также и

1) См. еще Римл. 7 гл.

десятословіе закономъ. Словомъ, — пусть я буду неправъ, строя защиту субботы на различіи словъ: „заповѣдь“ и „законъ“... Но вотъ въ слѣдующемъ я обязательно буду правъ. Писаніе намъ ясно говоритъ о *двухъ законахъ*. Одинъ — это законъ Божій, а другой — Моисеевъ: „и не дамъ впредь выступить ногѣ Израилѣтнину изъ земли, которую Я далъ отцамъ ихъ, читаемъ въ 4-ой книгѣ Царствъ, если только они будутъ стараться согласно со всѣмъ тѣмъ, что Я повелѣлъ имъ, и со всѣмъ закономъ, который заповѣдалъ имъ рабъ Мой, Моисей (21, 8). Закономъ Божіимъ называется тотъ законъ, который данъ Савімъ Господомъ сынамъ израилевымъ, когда Богъ говорилъ имъ собственно Своимъ голосомъ. Затѣмъ, Господь написалъ этотъ законъ на двухъ каменныхъ скрижалахъ Своимъ перстомъ и назвалъ ихъ десятословіемъ. Больше десяти словъ, или заповѣдей. Господь не говорилъ. Эти заповѣди, или двѣ скрижали каменные, по повелѣнію Господа, были положены на храненіе въ ковчегъ (см. Исх. 20. 1, 18—21; 24. 12; 31. 18; 32. 16; 34. 1, 28; Второз. 4. 11—13; 5. 4, 22; 9. 9, 10; 10. 1—4). Когда же израилѣтнине стали нарушать законъ Божій, то Моисей *отъ себя* далъ имъ законы, въ которыхъ указывалъ, какая казнь полагается за нарушеніе заповѣдей Господнихъ и какъ имъ очистить сѣя отъ грѣха или преступленія противъ заповѣдей. Всѣ *свои* постановленія Моисей послѣ записалъ въ особую книгу, которую и назвалъ „Второзаконіемъ“, т.-е. вторымъ закономъ. Эта книга, по повелѣнію Моисея, должна была лежать одесную ковчега завѣта и свидѣтельствовать противъ Израилѣтнинъ (Второз. 31. 24—26). Такъ что, когда израилѣтнинъ сдѣлаетъ преступленіе противъ какой-либо заповѣди, хранящейся въ ковчегѣ, то книга Второзаконія свидѣтельствуетъ всѣмъ объ его грѣхѣ и указываетъ, какъ долженъ быть смыть грѣхѣ противъ заповѣди. Намъ теперь законъ Моисея не нуженъ: во-первыхъ, потому что имъ никто не оправдался предъ заповѣдями Божіими и никто при его помощи не достигъ совершенства; напротивъ, израилѣтнине, не будучи въ силахъ исполнить постановленія Моисеева закона, навлекли еще на себя проклятие этого закона (Галат. 3 гл.); во-вторыхъ, потому что мы, христіане, уже не подъ закономъ, а подъ благодатью Христовой (Римл. 6. 14), и Христосъ не только искупилъ насъ отъ клятвы Моисеева закона (Гал. 3. 13), но и освободилъ насъ Свою смертью

оть самаго закона (Римл. 7. 6). Если мы теперь согрѣшимъ противъ закона Божьяго, т. - е. десятословія, то уже будемъ оправдываться предъ нимъ не закономъ Моисея, а ходатайствомъ за насть Христа. Вотъ почему мы не принимаемъ изъ Ветхаго Завѣта другого закона, или закона Моисеева, въ составъ котораго входять всѣ заповѣди, всѣ постановленія и всѣ завѣты, кромѣ десятословія. Десятословіе же, какъ законъ Господа, мы пріемлемъ и исполняемъ *съ буквальной точностью*: во - первыхъ, потому что Богъ повелѣлъ еще израильтянамъ исполнять Его десять словъ, или заповѣдей безъ прибавленія и убавленія и притомъ во всѣ дни жизни ихъ на землѣ (Второз. 4. 2, 10, 13); во - вторыхъ, потому что Христосъ Самъ исполнялъ законъ Бога и училъ, что ни одна юта или ни одна черта не пройдетъ изъ этого закона, такъ что хотяшій войти въ жизнь вѣчную прежде долженъ соблюсти десять заповѣдей“ (Мо. 5. 17—18; 19. 17). Также и ап. Иоаннъ пишеть: „ибо это есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюдали заповѣди Его. И заповѣди Его не тяжки“. (1 Иоан. 5. 3) Къ тому же исполненію закона Божьяго зоветъ насть и ап. Иаковъ (2. 8—12) *).—На этомъ Петръ прерваль свою рѣчъ и вызывающе посмотрѣлъ на меня,

— Такимъ образомъ, ты, Петръ, теперь построилъ защиту субботы *на различіи уже двухъ законовъ*: Божьяго и Моисеева,— отвѣчалъ я.—Подъ Божімъ закономъ ты разумѣешь только десятословіе и утверждаешь, что, кромѣ десяти словъ, Богъ ничего не говорилъ и не давалъ. Все остальное, что мы находимъ въ Ветхомъ Писаніи, далъ якобы Моисей отъ себя и притомъ тогда, когда израильтяне начали грѣшить противъ десятословія. И вотъ Божій законъ ты принялъ, потому что такъ повелѣваетъ - де Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта, а Моисеевъ отринулъ, опять-таки на основаніи того же Писанія. Разберемъ же сказанное тобою.

Прежде всего нигдѣ въ Писаніи мы не находимъ, чтобы Моисей давалъ израильтянамъ какой-либо законъ *отъ себя, какъ свой*. Если гдѣ и говорится: „законъ Моисеевъ“, или „законъ, который заповѣдалъ Моисей“, то это не значитъ, что самъ Моисей сочинилъ его, а — что этотъ законъ данъ

*) См. всѣ эти доводы и въ „Библейскихъ членіяхъ о настоящей истинѣ“ № 20: „Два Закона“ и № 19: „Законъ Божій“.

Богомъ чрезъ Моисея. Въ доказательство того, что есть у Моисея свой законъ, ты приводишь слова Христа: „если въ субботу принимаетъ человѣкъ обрѣзаніе, чтобы не быть нарушенъ законъ Моисеевъ“... (Иоан. 7, 23). Но здѣсь за буквой Писанія ты проглядѣлъ смыслъ его. Выше однимъ стихомъ Христосъ говорить: „Моисей далъ вамъ обрѣзаніе“... Значить ли это, что Моисей отъ себя установилъ обрѣзаніе? Нѣтъ, ибо обрѣзаніе было дано задолго до Моисея, и Самъ Христосъ сейчасъ же добавляетъ: „хотя оно не отъ Моисея, но отъ отцовъ“... Слѣдовательно, законъ объ обрѣзаніи отнюдь не сочиненъ Моисеемъ. Но почему же онъ названъ „Моисеевымъ“? Да потому, почему названъ законъ „отцовъ“. Извѣстно, что обрѣзаніе впервые введено отцомъ Авраамомъ (Быт. 17 гл.). Но Авраамъ не самъ сочинилъ законъ объ обрѣзаніи, а чрезъ него Богъ передалъ людямъ этотъ Свой законъ, или завѣтъ (Быт. 17, 10—13). Посему, когда Спаситель говоритъ, что законъ объ обрѣзаніи „отъ отцовъ“, то это значить, что онъ данъ Богомъ чрезъ отцовъ. Точно такъ же, когда Христосъ назвалъ тотъ же законъ „Моисеевымъ“, то это значить, что законъ объ обрѣзаніи повторенъ Богомъ чрезъ Моисея, какъ и читаемъ объ этомъ въ книгѣ Левить; „и сказалъ Господь Моисею“ (12, 1—3)... Нѣтъ также основаній для отличія закона Божіяго отъ Моисеева и въ приведенной тобою выдержкѣ изъ 4 Цар. 21, 8. Вѣдь здѣсь не сказано, что Моисей заповѣдалъ израильтянамъ законъ отъ себя, какъ свой. Наоборотъ, Моисей названъ рабомъ Божіимъ, а рабъ творить волю не свою, а господина своего. Такъ что Моисей, если давалъ законъ, то не свой, а Божій. Посему въ книгѣ Парампоменонъ, гдѣ приводится то же самое мѣсто, и сказано: „что Я заповѣдалъ имъ, по всему закону и уставамъ и повелѣніямъ, даннымъ рукою Моисея“ (2 кн. 33 гл. 8 ст.). Моисей былъ лишь посредникомъ въ дѣлѣ передачи словъ Божіихъ народу, а не законодателемъ, какъ о томъ говорить Самъ Богъ (Второзак. 18, 15—18). Вотъ почему и вся книга „Второзаконія“ называется Моисеемъ „заповѣдями, законами, законами и постановленіями“, которые Самъ Богъ далъ израильтянамъ во время завѣта съ ними на горѣ Хоривѣ, и въ землѣ Моавитской, и во время клятвенного договора съ ними (Второз. 28, 1. 58; 29, 1. 12; 31, 9. 19. 24—26). Вотъ почему въ этой „книгѣ закона“ (Второз. 31, 24—26) мы находимъ

и „книгу завѣта“, написанную Моисеемъ раньше, въ которую онъ занесъ слова завѣта на горѣ Хоривѣ и все то, что Богъ далъ чрезъ него израильтянамъ къ исполненію послѣ Хоривскаго завѣта до самой смерти Моисея (Исх. 24 гл. Второзак. 18, 15—18; 29, 1. 9. 12). Посему-то на „книгу закону“, написанную Моисеемъ, всегда смотрѣли, какъ на собраніе того, что Богъ заповѣдалъ Израилю (Неем. 8, 1) чрезъ Моисея и называли ее не только „книгою закона Моисеева“, но еще иначе „книгою закона Божія“ (Неем. 8, 1. 8. 14. 18). Отсюда ясно, что нѣть никакихъ основаній къ отличенію закона Божіяго отъ закона Моисеева. У израильтянъ былъ одинъ законъ — это „законъ Божій“ (Неем. 8, 18), и въ составъ его входили и десять заповѣдей и все, что „далъ Господь чрезъ Моисея“ (Неем. 8, 14) и что Моисей записалъ въ своихъ книгахъ. Отъ себя Моисей, какъ пророкъ Божій, ничего не говорилъ, да и права такого не получалъ, ибо истинный пророкъ не долженъ говорить, отъ своего вымысла, а долженъ передавать „слова Божія“ (Второз. 18. 18).

Теперь скажу въ частности. По твоимъ, Петръ, словамъ: Богъ, кромѣ десятословія, ничего не говорилъ и ничего не давалъ. Ты ссылаешься на книгу Второзаконія, гдѣ читаемъ: „слова сіи (т.-е. десятословіе) изрекъ Господь ко всему собранію вашему (т.-е. собранію израильтянъ) на горѣ изъ среды огня, облика и мрака (и бури) громогласно и болѣе не говорилъ, и написалъ ихъ на двухъ каменныхъ скрижаляхъ и далъ ихъ мнѣ (т.-е. Моисею. См. Второзак. 5, 22)“. Но развѣ здѣсь сказано, что Богъ вовсе ничего и никому кромѣ десяти словъ не говорилъ? Нѣть, здѣсь только сказано, что Богъ громогласно и ко всему собранію израильтянъ болѣе десяти словъ не говорилъ. Весь остальное Свой законъ Богъ далъ уже чрезъ Моисея и такъ, что все собраніе израильтянъ не говорило съ Богомъ и не слышало Его голоса. Объ этомъ ясно говорилъ намъ то же Писаніе. Въ книгахъ: Исходъ и Второзаконіе читаемъ, что Господь началъ давать Свой Хоривскій завѣтъ народу израильскому громогласно, т.-е. громко, говоря лицомъ къ лицу со всѣмъ собраніемъ израильтянъ, такъ что израильтяне слышали голосъ Божій, хотя и стояли у горы. Въ то же время и Моисей, какъ посредникъ между израильтянами и Богомъ, пересказывалъ имъ слова Господни (Исх. 20, 1. 18. 19. Второз. 5, 4. 5. 22). Но израильтяне скоро

пришли въ ужасъ отъ видѣннаго и слышаннаго и настолько прониклись страхомъ предъ славою и величиемъ Бога, что сперва отступили и встали вдали, а затѣмъ обратились къ Моисею съ просьбой, говоря: „говори ты съ нами, и мы будемъ слушать, но чтобы не говорилъ съ нами Богъ, дабы намъ не умереть... и что скажетъ тебѣ Господь, Богъ нашъ, пересказывай намъ, и мы будемъ слушать и исполнять“ (Исх. 20, 18, 19; Второз. 5, 27). Господь похвалилъ желаніе народа, такъ какъ увидѣлъ, что народъ убоился Еgo, а это ручательствомъ за то, что израильяне будуть исполнять Его заповѣди (Исх. 29, 20; Второз. 5, 28, 29). Посему Онъ и повелѣваетъ Моисею: „скажи имъ (т.-е. народу): „возвратитесь въ шатры свои“, а ты здѣсь останься со Мною, и Я изреку тебѣ всѣ заповѣди и постановленія и законы, которыми ты долженъ научить ихъ, чтобы они такъ поступали“... Это было послѣ того, какъ Господь изрекъ десятословіе (Второз. 5, 30, 31). Такимъ образомъ, мы видимъ, что дѣйствительно Господь громогласно и ко всему Израилю сказалъ только десять словъ, а затѣмъ, по просьбѣ самого Израиля, сталъ давать имъ всѣ остальныя заповѣди, постановленія и законы уже въ бесѣдѣ съ однимъ Моисеемъ. Слѣдовательно, неправъ ты, Петръ, когда утверждаешь, что Богъ вообще ничего не говорилъ и не давалъ, кроме 10 заповѣдей. Самъ Богъ, давъ 10 заповѣдей, опять говорить Моисею: „и Я изреку тебѣ всѣ заповѣди, и постановленія, и законы“... Значить, десять заповѣдей составляютъ лишь частницу Божьяго закона. Важно еще и то, что Самъ Богъ не отдавалъ предпочтенія десяти заповѣдямъ предъ остальнымъ закономъ, даннымъ чрезъ Моисея, и говорилъ: „о, если бы сердце израильянъ было таково, чтобы бояться Меня и соблюдать всѣ заповѣди Мои“ (Втор. 5, 29). Посему Моисей повелѣлъ народу не уклоняться отъ всего закона Божьяго, а не отъ однѣхъ только десяти заповѣдей, „ни направо, ни налево“ (Втор. 5, 32).

Ты, Петръ, еще сказалъ, что остальной законъ, кроме десятословія, появился тогда, когда израильяне начали грѣшить противъ десяти заповѣдей, и что онъ представляеть Собою лишь указаніе казней за преступленіе противъ десятословія и средствъ къ очищению отъ этихъ преступленій. Но такъ ли? Израильяне впервые у горы Синай, согрѣшили тѣмъ, что сдѣлали себѣ „литого тельца“ (Исх. 32). Однако, до этого

Моисей уже получилъ отъ Бога не только 10 заповѣдей, но и множество другихъ, записанныхъ имъ съ 20—31 главу кн. Исходъ. И если бы народъ не сдѣлалъ себѣ „тельца“, то Моисей и еще оставался бы на горѣ для полученія множества другихъ постановленій. Преступленіе израилитянъ лишь прервало бесѣду Моисея съ Богомъ, и Моисей, по повелѣнію Господа, наказавъ смертью многихъ израилитянъ за содѣянный ими грѣхъ, снова возвратился на гору, чтобы получить отъ Бога и остальныя заповѣди и постановленія, отнюдь не вызванныя грѣхомъ израилитянъ, такъ какъ они и безъ этого грѣха были бы даны Моисею (Исх. 32—35 главы). И по содержанію своему всѣ законы, данные Богомъ чрезъ Моисея, отнюдь не представляютъ собою перечня казней за грѣхъ противъ десяти заповѣдей и средствъ къ очищенію отъ этихъ грѣховъ. Достаточно вспомнить, что, напримѣръ, кровавыя жертвы имѣли значеніе самостоятельное, независимое отъ 10 заповѣдей, и преобразовательное, такъ какъ преобразовали Христа. Еврейская скинія также имѣла свое самостоятельное и преобразовательное значеніе! Да и множество другихъ законовъ, заповѣдей и постановленій „закона Божія“ отнюдь не находились въ зависимости отъ десятословія, такъ какъ и по содержанію своему и по формѣ представляли собою новыя, самостоятельныя, а не придаточныя или зависящія отъ существованія десяти заповѣдей предписанія. И Самъ Христосъ на вопросъ: „какая наибольшая заповѣдь въ законѣ?“—указалъ не на десять заповѣдей, а на другія, на которыхъ утверждается весь законъ, слѣдовательно, и десятословіе (Мѳ. 22. 36—40; ср. Второз. 6, 5; Лев. 19, 18).

Тебя, Петръ, смущаетъ то обстоятельство, что Богъ Своимъ перстомъ написалъ на каменныхъ скрижалахъ только десять заповѣдей, и отсюда ты выводишь заключеніе, что, значитъ, только десять заповѣдей, какъ наиболышия, и нужны. Но я уже показалъ тебѣ, какія заповѣди наиболышия въ законѣ. Теперь добавлю, что Богъ записалъ Своимъ перстомъ на скрижалахъ только десять заповѣдей не съ цѣлью показать, что эти заповѣди наиболышия и что онѣ только и нужны израилитянамъ, а съ цѣлью засвидѣтельствовать и всегда напоминать израилитянамъ, что на горѣ Хоривѣ они вступили чрезъ Моисея въ завѣтъ съ Самимъ Богомъ, такъ какъ первыя десять словъ этого завѣта сами они лично слышали

отъ Бога. Посему евреи, смотря на скрижали, вспоминали, что весь законъ, данный имъ Моисеемъ, есть *законъ Божій*, такъ какъ нѣкогда они сами, боясь смерти, могли выслушать только десять словъ Божіихъ, а все остальное упросили Моисея выслушать отъ Бога и передать имъ для исполненія. И вотъ тотъ *великій страхъ предъ Богомъ*, который испытали израильтяне у горы Синая, постоянно напоминался имъ скрижалими, и это побуждало ихъ къ исполненію всего закона Монсеева, какъ даннаго Самимъ Богомъ. Вотъ для чего Богъ и далъ Моисею скрижали съ десятю словами, слышанными отъ Него лично всѣмъ собраніемъ израильтянъ: „*чтобы страхъ Его былъ предъ лицомъ вашимъ (израильтянъ), дабы вы не грѣшили... но чтобы боялись Его и соблюдали всѣ заповѣди Его во всѣ дни*“ (Исх. 20, 20; Второзак. 5, 29).

Если же у израильтянъ не было собственно Монсеева закона, а былъ только одинъ законъ — это „*законъ Божій*“, данный имъ Богомъ чрезъ Моисея, то и рѣчи не можетъ быть о томъ, что, моль, изъ Ветхаго Завѣта нуженъ только „*законъ Божій*“, а Монсеевъ не нуженъ. Можно говорить только объ одномъ Ветхозавѣтномъ законѣ — это о „*законѣ Божіемъ*“. Но при этомъ необходимо помнить, что подъ „*закономъ Божіимъ*“ Ветхозавѣтное Писаніе разумѣеть не одно только десятословіе, а, какъ я уже говорилъ, всѣ заповѣди, всѣ законы и всѣ постановленія, принятые Монсеемъ отъ Бога. Посему ты, Пётръ, глубоко неправъ, когда говоришь, что Монсеевъ законъ тебѣ не нуженъ, а Божій нуженъ. Вѣдь Монсеева закона и нѣтъ. и то, что ты приписалъ Монсею,—принадлежитъ Богу. Такъ что выходитъ, что изъ Божія Ветхаго Закона или Завѣта ты произвольно множество заповѣдей и постановлений выбросилъ, а малую часть—десятословіе, принялъ. Ты вотъ сослался на кн. Второзаконія 4 гл. 2. 10. 13 ст., но развѣ тамъ рѣчь о строгомъ исполненіи только десяти заповѣдей? Нѣтъ! Самъ Монсей говоритъ, что онъ здѣсь разумѣеть всѣ заповѣди, законы и постановленія, которыя передаетъ израильтянамъ, какъ Божіи (Второз. 4, 1. 2. 5. 13. 14. 5, 1. 31. 6. 1 и др.). Далѣе, ты сослался на слова Христа (Мѳ. 5, 17, 18; 19, 17). Но въ 5 главѣ ев. Матея Христосъ говоритъ опять-таки о всемъ законѣ, а не только о десяти заповѣдяхъ, и притомъ не только о законѣ, но и о пророкахъ... И въ 19 гл. Мѳ. Хри-

стось въ числѣ заповѣдей, необходимыхъ для соблюденія, указалъ богатому юношѣ-еврею и такую, какой нѣть въ числѣ десяти („люби ближняго твоего, какъ самого себя“— ст. 19, ср. Лев. 19, 18. Эту заповѣдь нельзя отождествлять съ десятою заповѣдью), и еще совсѣмъ новая для израильтянъ, но необходимыя для того, чтобы быть „совершенными“ (Мѣ. 19, 21). Вообще же на это мѣсто нельзя ссылаться, какъ на такое, въ которомъ Христосъ перечислилъ якобы *всѣ заповѣди*, необходимыя для спасенія, потому что здѣсь Христосъ не привелъ даже всѣхъ заповѣдей десятословія. Но изъ этого странно было бы заключить, что для богатаго юноши и вообще для израильтянина неупомянутыя въ данномъ мѣстѣ заповѣди десятословія не были нужны. Также странно было бы думать, что и „первая и наиболѣшая заповѣдь въ законѣ“ (Мѣ. 22, 38), о которой Христосъ въ томъ же мѣстѣ (Мѣ. 19, 17—19) умолчалъ, тоже для богатаго юноши не была нужна. Необходимо судить объ отношеніи Христа къ древнему закону не по отрывкамъ изъ Св. Писанія, а полностью, т.-е. на основаніи всего Писанія, и тогда мы увидимъ, что во время Своей земной жизни Христосъ соблюдалъ весь законъ и пророковъ (Мѣ. 5, 17—18). Что же касается приведенныхъ тобою, Петръ, мѣстъ изъ посланій апостоловъ Іоанна (1 п. 5, 3) и Іакова (1, 8—12), то Ап. Іоаннъ въ данномъ мѣстѣ подъ „заповѣдями Бога“ разумѣеть не десятословіе, а, какъ онъ самъ говорить: „заповѣди Его (т.-е. Бога Отца), чтобы мы вѣровали во имя Сына его Иисуса Христа и любили другъ другъ, какъ Онъ заповѣдалъ намъ“... (1 Іоан. 5. 3 ср. 3, 22—24; ср. Ев. Іоан. 15, 10—14). Апостоль же Іаковъ въ приведенномъ тобою мѣстѣ говорить о всемъ древнемъ Законѣ Божіемъ, а не объ одномъ десятословіи (см. Іак. 2, 10; 9 ст. сравн. Лев. 19, 15).

Изъ сказаннаго мною ясно, что если ты, Петръ, принимаешь *букву* десятословія на томъ основаніи, что десятословіе „Законъ Божій“, то принимай и весь ветхій Законъ или Завѣтъ со всѣми его „заповѣдями, постановленіями и словами“, такъ какъ все это также „Законъ Божій“. Но если ты говоришь, что не подъ Закономъ живешь, а подъ благодатью Христовою, и что ты умеръ для Закона Тѣломъ Христовыи и освободился отъ клятвы Закона, то тогда сбрось съ себя иго Ветхаго Закона до послѣдней его буквы, потому, что, на-

рушая даже одно слово этого закона, ты несешь отвѣтственность уже противъ всего закона и, какъ неисполняющій всѣхъ его предписаній, подлежаши клятвѣ закона (Іак. 2, 8—12; Галат. 3, 10). Вспомни, какъ самъ великий апостоль Павелъ, говоря о свободѣ христіанъ отъ всего Ветхаго Закона, въ то же время въ частности о десятословіи писалъ, что скрижали каменные намъ теперь не нужны, такъ какъ на нихъ были написаны смертныя буквы, доставившія изрѣпътианамъ лишь осужденіе. Если это „служеніе осужденія“, или „служеніе смертоносныя буквамъ“ и было славно, то лишь въ свое время, пока не пришло „служеніе оправданія“, т.-е. служеніе „письму Христову, написанному не чернилами, а Духомъ Бога Живаго, не на скрижалахъ каменныхъ, но на плотяныхъ скрижалахъ сердца“. Предъ этимъ новымъ служеніемъ прежнее даже не оказывается славнымъ. Мы—христіане, и потому должны полностью отбросить „преходящее“ и принять „пребывающее“, т.-е. Христово служеніе (2 Корине. 3, 1—11). Христосъ же далъ намъ служеніе „не буквы“ древняго закона Божьяго, но духа, какъ о томъ и было предсказано въ Ветхомъ Завѣтѣ Богомъ и Его пророками. (Второзак. 18, 15—18; Йерем. 31, 31—33). Посему-то мы и считаемся состоящими въ Новомъ Завѣтѣ съ Богомъ.

— Все это хорошо, — отвѣчалъ подавленнымъ голосомъ Петръ,—да только мнѣ кажется, что *Самъ Христосъ строго исполнялъ букву десятословія* и намъ то же повелѣлъ. Объ этомъ говорится у Ев. Матея,—вотъ прочтите-ка главу 5-ю, со стиха 21-го...

Я прочелъ и затѣмъ спросилъ:—ну, такъ какъ же, Петръ,—Христосъ здѣсь отмѣняетъ букву десяти заповѣдей, или сохраняетъ ее въ точности?

— Да, правду сказать, онъ какъ-будто отмѣняетъ — съ изумленіемъ отвѣчалъ Петръ.

— Вотъ видишь, — продолжалъ я, — Самъ Христосъ говоритъ:—древнимъ сказано одно, а Я говорю вамъ другое, и это не только по отношению къ десятословію, но и ко многимъ другимъ заповѣдямъ древняго закона. И тотъ законъ или тѣ заповѣди, которыхъ Богъ далъ намъ чрезъ Христа (Второзак. 18, 18, Іоан. 3, 34—35; 12, 49; 14, 24; 17, 8), настолько выше заповѣдей, данныхыхъ чрезъ Моисея, насколько Христосъ больше Моисея. Посему Ап. Павелъ и говорить,

что данная чрезъ Моисея скрижали, съ написанными на нихъ смертными буквами, теперь, когда мы имъемъ письмо Христово, даже не оказываются славными и какъ временные („преходящее“) должны уступить мѣсто новымъ и вѣчнымъ заповѣдямъ Христа (2 Коринѳ. 3, 1—11). Какъ же ты, Петръ, рѣшаешься, вопреки Писанию, влиять новое или „молодое вино“ (ученіе Христа) въ „мѣхі ветхіе“ (въ букву каменныхъ скрижалей), или для тебя эти мѣхі дороже Христовыхъ, или ты забылъ, что молодого вина не сбережешь въ ветхихъ мѣхахъ?!

Петръ, понуря голову, молчалъ. Видно было, что какая-то темная сила толкнула его и закабалила въ сектѣ...

— А знаешь ли, Петръ, что и *самъ ты не исполняешь буквы десяти заповѣдей?*—снова я вопросилъ его.

Петръ встрепенулся и какъ-то нехотя сказалъ: „какъ такъ“?!

— Да очень просто: вѣдь вы думаете, что ваши дѣти рождаются святыми и не отвѣчаютъ за вину отцовъ, а во второй заповѣди читаемъ: „Я Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, наказывающій дѣтей за вину отцовъ до третьяго и четвертаго рода“ (Исх. 20, 5, сравн. 34, 7)!... Далѣе, вы отрицаете всякую клятву именемъ Божіимъ, а третья заповѣдь запрещаетъ лишь напрасную клятву, когда клянутся именемъ Бога во лжи (Исх. 20, 7. сравн. Лев. 19, 12)... Такимъ образомъ, не только Св. Писаніе свидѣтельствуетъ противъ тебя и твоихъ единомышленниковъ, но и сами вы ясно обличаете себя во лжи.

— Итакъ, Петръ, ты уже долженъ быть признать, что все приведенные тобою доселѣ основанія въ защиту празенованія субботы весьма ошибочны: во-первыхъ, потому что Самъ Богъ не давалъ людямъ *въ раю* заповѣди праздновать седьмой, или субботній день; во-2-хъ, потому что Св. Писаніе рѣшительно отвергаетъ сдѣланное тобою различіе между „заповѣдями и закономъ“, или между „двумя законами“, на каковомъ различіи ты пытался построить свою защиту соблюденія буквы десятословія и собственно заповѣди о субботѣ; наконецъ, потому что Самъ Христосъ и апостолы, вопреки твоему заявлению, не только не исполняли буквы десятословія, но прямо отвергали ее, какъ смертоносную. И самъ ты своимъ ученіемъ по другимъ вопросамъ, о чемъ я уже

говорилъ, отмѣняешь букву каменныхъ скрижалей и тѣмъ обличаешь самого себя. Посему я опять спрошу тебя: *на какомъ же основаніи ты все-таки упорно стоишь за субботу?*

— б) *Петръ* встрепенулся и, видимо, удрученный, отвѣчалъ:—пусть я не правъ въ томъ, что говорилъ доселъ. Но все же я буду праздновать субботу, потому что желаю соблюсти **прямое повелѣніе 4-ой заповѣди**: „помни день субботній, чтобы святить его“ (Исх. 20. 8). Я теперь привожу въ защиту субботы только эту заповѣдь и посему прошу васъ вести рѣчъ только объ этой же заповѣди...

— Похвально, *Петръ*, что ты призналъ свои прежнія доказательства непрігодными. Я охотно исполню и новое твоѣ желаніе и остановлюсь на разборѣ только 4-ой заповѣди.

Скажи, *Петръ*: не давалъ ли Богъ Моисею повелѣнія праздновать субботу *раньше* 4-ой заповѣди десятословія?

Петръ. Давалъ; вы и сами объ этомъ намекнули, и я не спорю теперь...

— Да. и трудно спорить, такъ какъ въ книгѣ *Исходъ* ясно сказано, что сказалъ впервые Моисей именно въ пустынѣ Синѣ еврейскому народу: „вотъ что сказалъ Господь: „завтра покой, святая суббота Господня... смотрите, Господь далъ вамъ субботу... Оставайтесь каждый у себя въ домѣ своемъ, никто не выходи отъ мѣста своего въ седьмой день. И *покоился* народъ въ седьмой день“... (Исх. 16, 4. 5. 22—30. ср. *Неем.* 9, 14). Послѣ эта заповѣдь вскорѣ была повторена въ десятословії. Съ этого времени „суббота Господня“, т.е. суббота, освящаемая только Господомъ, получаетъ новое название: „суббота Господу Богу твоему“, т.-е. суббота посвящаемая и народомъ еврейскимъ Господу Богу (ср. *Исх.* 16, 23. 29. 20, 10). Въ память же чего Богъ повелѣлъ еврейскому народу святить день субботній?

— Да ужъ вы говорите сами, а я послушаю, — отвѣчалъ *Нестряковъ*.

— Мы знаемъ, *Петръ*, что когда *Самъ Богъ* почилъ въ день седьмой, то для *Него* седьмой день былъ днемъ покоя отъ дѣлъ творенія міра (*Быт.* 2, 2. 3). Но отъ чего почилъ *еврейскій народъ* и какой покой *ему* напоминала суббота? „А день седьмой суббота Господу Богу твоему, говорилъ Моисей народу... *помни, что ты былъ рабомъ въ земли Египет-*

ской, но Господь Богъ твой вывелъ тебя оттуда рукою крѣпкою и мышцею высокую, потому и повелѣлъ тебѣ Господь, Богъ твой, соблюдать день субботній“ (Второзак. 5, 12—15)... Итакъ, Богъ повелѣлъ еврейскому народу праздновать субботу, въ память избавленія египетскаго рабства, и суббота означала для евреевъ собственно покой отъ этого рабства (ср. Іезек. 20 гл.). Вотъ почему еврейскій народъ впервые „покоился въ седьмой день“ (Исх. 16, 30), лишь по выходѣ изъ Египта. Въ то же время, по словамъ Господа къ Моисею, суббота была видииниимъ знаменіемъ завѣта, заключеннаго между Богомъ и народомъ еврейскимъ: „и пусть хранять сыны Израилевы субботу, празднуя субботу въ роды свои, какъ завѣть вѣчный; это знаменіе между Мною и сынами Израилевыми навѣки... Я далъ имъ субботы, чтобы онѣ были знаменіемъ между Мною и ими (Исх. 31, 16—17; Іезек. 20, 12—13)... Такъ, „радуга въ облакахъ“ явилась при Ноѣ „знаменіемъ завѣта“, что уже не будетъ потопа въ опустошеніе земли. Такъ „обрѣзаніе“ было „знаменіемъ завѣта“ между Богомъ и Авраамомъ.

Но если суббота была дана только еврейскому народу („въ роды свои“... между Мною и сынами Израилевыми“)..., если она означала для этого народа только покой отъ египетскаго рабства и служила знаменіемъ завѣта между Богомъ и избавленіемъ народомъ, то является вопросъ: для чего же намъ праздновать субботу, когда мы, чуждые плотскаго родства съ выведеніемъ изъ египетскаго рабства еврейскимъ народомъ, ни въ рабствѣ у египтянъ не были и посему въ покой (т.-е. субботѣ) отъ этого рабства не нуждаемся; ни въ завѣтѣ, заключенномъ между Богомъ и освобожденнымъ отъ рабства израильскимъ народомъ, не состоимъ, такъ какъ вступили въ „Новый Завѣтъ“ съ Богомъ, утвержденный на лучшихъ обѣтованіяхъ и имѣющій Ходатаемъ Христа (Евр. 8, 6—13)?!. На этомъ-то послѣднемъ основаніи мы особенно должны отвергнуть печать или знаменіе „перваго“ или стараго завѣта — суббота. А если кто пожелаетъ хранить это знаменіе, тотъ долженъ принять и весь Ветхій Завѣтъ и тѣмъ отречься отъ Ходатая Нового Завѣта — Христа (Евр. 3, 3—6; 8, 6; 9, 15). Вѣдь нужно же, Петръ, признать одно изъ двухъ: или ты состоишь въ старомъ завѣтѣ съ Богомъ и посему хранишь и печать этого завѣта — субботу, или же, если считаешь себя служителемъ „новаго завѣта“, — долженъ голосъ церкви.

открыто и решительно отвергнуть знаменіе ветхаго завѣта. Иначе вѣтъ твои увѣренія въ вѣрности „новому завѣту“ будуть только пустыми, ничего незначащими словами, или даже маскою, скрываясь подъ котою, ты стараешься удобнѣе перевести въ ветхій завѣтъ и другихъ, слабыхъ въ своемъ упованіи. Согласись еще и съ тѣмъ, что *одна* печать или знаменіе безъ того, что оно знаменуетъ, не имѣть никакого смысла; напримѣръ: какой смыслъ имѣть обрѣзаніе безъ завѣта Бога съ Авраамомъ, который оно знаменуетъ? какой смыслъ имѣть и суббота безъ завѣта Бога съ выведеннымъ изъ Египта евреѣскимъ народомъ, когда именно въ знаменіе этого завѣта она и установлена?

Петръ изумленно посмотрѣлъ на меня и нерѣшительно проговорилъ: — да вѣдь я не отрицаю, „новаго завѣта“, а если и храню субботу, *то по заповѣди...*

— Но вѣдь я уже ясно раскрылъ тебѣ, Петръ, что въ 4-ю заповѣдь занесена та суббота, которая была знаменіемъ *стараго* завѣта и означала лишь покой евреевъ отъ рабства. Съ этимъ ты и согласился, а по сему пора тебѣ бросить упорство и прямо заявить, что для христіанъ, вступившихъ въ „новый завѣтъ“ съ Богомъ, суббота не нужна. Иначе выходитъ, что на словахъ ты стоишь за „новый завѣтъ“, а на дѣлѣ держишься „ветхаго“ и Моисея предпочитаешь Христу, вопреки ученію ап. Павла (Евр. 8, 6—13).

— Субботы я не брошу и, какъ сказано въ 4-ой заповѣди, такъ и буду праздновать ее *по заповѣди*, — съ отчаяніемъ проговорилъ Петръ.

— Вотъ ты, Петръ, все время твердишь одно, но отъ Писанія въ свою пользу ничего не приводишь. Теперь намъ ясно, что ты празднуешь субботу, потому что ветхій завѣтъ предпочитаешь новому. Но мы, какъ истинные христіане, должны ставить Христа выше Моисея и посему, принявъ „новый завѣтъ“, должны отложить ветхій съ его печатью — субботой. И Писаніе намъ ясно говоритъ, что обѣтованіе о спасеніи принадлежитъ лишь служителямъ „новаго завѣта“, а не служителямъ смертоносныхъ буквъ, начертанныхъ начертанныхъ на каменныхъ скрижалахъ (Евр. 9, 15; 2 Корине. 3, 2—11).

— в) — Да и откуда ты, Пётръ, взялъ, что **празднуешь субботу по заповѣди?**!. Неужели ты убѣжденъ, что *празднуешь ту субботу, которую далъ Богъ сынамъ израилевымъ* и которую израильтяне должны были помнить, согласно повелѣнію 4-ой заповѣди десятословія?!

— А то какъ же?!. Конечно, я праздную субботу, данную Богомъ израильтянамъ,—и праздную ее **по заповѣди**, также данной Богомъ чрезъ Моисея,—убѣжденno и съ удивленіемъ отвѣчалъ Пётръ.

— А я, Пётръ, думаю, что *ты сочинилъ себѣ свою субботу и должно прикрываешься именемъ Бога и опираешься на Моисея*; такъ что ты являешься преступникомъ уже не только „новаго завѣта“, но и „ветхаго“!.

— Да откуда же это видно?!. — изумленно вопросилъ Пётръ.

— Видно это изъ того, что ты *не такъ празднуешь субботу, какъ повелѣли праздновать ее Моисей и пророки*,—отвѣчалъ я.

— А я думаю, что *такъ*, и ни въ чёмъ не погрѣшаю противъ Писанія.—настаивалъ Пётръ.

— Сейчасъ посмотримъ, Пётръ. „Помни день субботній, говорить Писаніе евреямъ, чтобы святить его; шесть дней работай и дѣлай въ нихъ всякія дѣла твои, а день седьмой—суббота Господу-Богу твоему: *не дѣлай въ оный никакого дѣла ни ты, ни сынъ твой, ни дочь твоя, ни рабъ твой, ни рабыня твоя, ни (волъ твой, ни оселъ твой, ни всякий) скотъ твой, ни пришлецъ, который въ жилищахъ твоихъ*“ (Исх. 20, 8—10, Іезек. 17—24). Завтра покой, святая суббота Господня: что *надобно печь, пеките, и что надо бно варить, варите сегодня* (Исх. 16, 23)... *Не зажигайте огня во всѣхъ жилищахъ вашихъ въ день субботы* (Исх. 35, 3)... *Не собирайте дровъ* (Числ. 15, 32—33)... *Не продавайте и не покупайте* (Неем. 10, 31; 13, 15—22); *не носите ношъ въ день субботній* (Перем. 17, 21—27) *).

*.) Иногда сектанты стараются все мѣста о субботѣ, обличающія ихъ ажеученіе, примѣнить не къ „субботѣ Господней“, т.е. не къ седьмому дню въ каждой недѣлѣ, а къ субботѣ, какъ вообще къ *празднику* (Лев. 23; 24—32). Но во всѣхъ такихъ случаяхъ необходимо разобрать каждое мѣсто въ контекстѣ рѣчи и снести его съ другими, такими же мѣстами, и тогда ложь сектантовъ ясно обнаружится.

Вотъ какъ проводили субботу евреи по закону Моисея и пророковъ. Въ субботу отдыhalъ не только евреи, но и всѣ иноплеменники, которые жили въ его домѣ, и весь скотъ его... А у васъ, Петръ, и сами вы житейскія дѣла дѣлаете въ субботу, и работники ваши, а скотъ вашъ лишены покоя. И варите, и печете вы въ субботу, и огни зажигаете, и дрова собираете, и продаете, и покупаете, и всякія иопи носите... Какъ же теперь ты хвалишься, что празднуешь субботу по Писанію?

Петръ возразилъ, было, что ничего такого у нихъ не дѣляется въ субботу, но тотчасъ умолкъ, подавленный массою примѣровъ, обличившихъ ложь его возраженія.

— Гдѣ же у васъ исполняется заповѣдь о субботѣ?—снова спросилъ я Петра.—Вѣдь, кромѣ указанного мною, евреи въ каждую субботу и притомъ въ храмы (Второз. 12 гл. 13—14 ст.) должны были приносить особыя, сверхъ постоянныхъ, жертвы: всесожженія, хлѣбныя приношенія и возліянія (Числ. 28 гл. 9—10 ст.), а также и устраивать въ каждую субботу особыя священныя собранія (Лев. 23, 2—3)... Гдѣ же у васъ эти жертвы? Да и какъ вы можете приносить ихъ, когда и самое мѣсто ихъ приношенія—храмъ вы отвергли? Вотъ и выходитъ, что отъ „новаго завѣта“ вы отстали и къ „ветхому“ не пристали, а остановились на полдорогѣ, на распутьи... Жаль только, что, будучи сами упорно слѣпыми, вы и другихъ тащите на то же распутье...

Теперь намъ ясно, что наши субботники *сочинили себѣ свою субботу* и тѣмъ самымъ осквернили субботу *законную*, о которой говорится въ 4-й заповѣди десятословія. А всякий, кто осквернить субботу, по повелѣнію Бога Моисею, долженъ быть преданъ смерти (Исх. 31, 14—15). Намъ, христіанамъ, суббота вовсе не нужна, поэтому мы и кары за ея нарушение или отмѣну не боимся, а вотъ Петръ и другіе субботники приняли субботу и во всемъ ее оскверняютъ, а посему они и должны всѣ другъ друга предать смерти. Вотъ до чего довели себя сами субботники!..

3) — Пусть у насъ *своя суббота*,—снова оживленно заговорилъ Пестряковъ,—пусть мы нарушали субботу *законную*, пусть за это нарушеніе мы подлежимъ тяжелому наказанію: Но *вы-то зачѣмъ не празднуете субботы законной, когда она*

дана Богомъ на вѣчныя времена? Вѣдь въ Писаніи ясно сказано: пусть хранять сыны Израилевы субботу, празднуя субботу въ роды свои, какъ *завѣтъ вѣчный*; это—знаменіе между Мною и сынами Израилевыми *на вѣки...* (Исх. 31, 16—17).

— Вотъ прекрасно, Петръ, что ты призналъ свою субботу не законной, а самочинной, и согласился съ тѣмъ, что всякий, кто будетъ праздновать выдуманную вами субботу, подлежитъ по заповѣди Господней смерти. Слѣдовательно, какъ ты, такъ и твои единомышленники обязательно должны бросить празднованіе субботы, а иначе вы явитесь сознательными противниками Господа Бога, коварно ведущими и другихъ къ погибели.

Ты спрашиваешь, почему мы не празднуемъ законной субботы, когда она установлена на вѣчныя времена? На это я тебѣ отвѣчу: не разумѣешь, что читаешь. Вѣдь въ приведенномъ тобою мѣстѣ изъ книги Исходъ ясно говорится, что суббота являлась знаменіемъ *завѣта вѣчнаго* или *на вѣки* только между Богомъ и *сынами Израилевыми*, которые и должны были праздновать субботу *въ роды свои*. И мы видимъ, что Господь *съ своей стороны* не нарушалъ завѣта, заключеннаго съ освобожденнымъ изъ египетскаго рабства домомъ Израилевымъ, и всегда готовъ былъ хранить его и знаменіе этого завѣта—субботу *вѣчно* (Иерем. 31, 32). Но израильтяне сами нарушили этотъ завѣтъ (Иерем. 31, 32), и посему Господь чрезъ пророка Иеремію возвѣстилъ непокорному народу: „вотъ наступаютъ дни, когда Я заключу съ домомъ Израиля и съ домомъ Іуды *новый завѣтъ*;—не такой завѣтъ, какой Я заключилъ съ отцами ихъ въ тотъ день, когда взялъ ихъ за руку, чтобы вывести ихъ изъ земли Египетской; тотъ завѣтъ Мой они нарушили, хотя Я остался въ союзѣ съ ними. Но вотъ завѣтъ, который Я заключу съ домомъ Израилевымъ *послѣ тѣхъ дней*: вложу законъ Мой во внутренность ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу его, и буду имъ Богомъ, а они будутъ Моимъ народомъ“ (Иерем. 31—33)*...

* „Новый“ духовный завѣтъ и заключеніе былъ *съ духовнымъ Израилемъ, съ духовными дѣтьми Авраама, подъ которыми разумѣются всѣ увѣровавшие во Христа* (Римл. 2, 28—29; 4, 11—17; Галат. 3, 7, 14—29; 4, 22—31).

Теперь я спрашиваю тебя, Петръ наступили ли уже обѣщанные Богомъ дни „новаго завѣта“, или еще царить „вѣхій завѣтъ?“

Видимо, наступили,—боязливо отвѣчалъ Петръ, чуя, куда ведеть его отвѣтъ...

— Да, наступили со временъ Христа, какъ свидѣтельствуетъ намъ ап. Павелъ (Евр. 8, 7—13),—рѣшительно подчеркнулъ я.—Слѣдовательно, *нужна ли намъ суббота*, какъ „*завѣтъ вѣчный*“, нарушенный плотскимъ израилемъ и Богомъ отмѣненный? *Нужно ли намъ знаменіе ветхаго завѣта, знаменіе плотског—суббота*, когда Самъ Богъ уничтожилъ его вмѣсть съ старымъ завѣтомъ и „*новый завѣтъ*“ начерталъ на новомъ знаменіи—на внутренностяхъ и сердцѣ человѣка? Обрѣзаніе больши субботы, но и оно отмѣнено, хотя также давалось въ „*завѣтъ вѣчный*“.

— — —

4) Петръ замялся и что-то тихо бормоталъ. Наконецъ, послѣ настойчиваго предложенія отвѣтить на поставленный вопросъ, заговорилъ:

— Да оно, какъ вы поясняете, суббота въ новомъ завѣтѣ не нужна; **а какъ прочитаешь пророковъ, то выходить, что и въ новомъ завѣтѣ должно праздновать субботу.**

Я попросилъ Петра привести мнѣ изъ Писанія смутившія его пророчества¹⁾.

Петръ съ усердіемъ прочелъ изъ кн. прор. Исаіи 56, 1—8, 58, 13—14 и 66, 22—23...—Вотъ видите,—заключилъ онъ,— не только евреи, но и иноплеменники и евнухи, присоединившіеся къ Господу, должны праздновать субботу и называть ее „святымъ днемъ Господнимъ“. и всегда, каждую субботу, должны поклоняться Господу. Мы, — продолжалъ Петръ,—не евреи, но потомки иноплеменниковъ и присоединились ко Христу, а посему и должны, по заповѣди пр. Исаіи, каждую субботу устраивать молитвенные собранія Господу. Такъ у насъ и дѣлается.

— Но позволь, Петръ,—вразбрѣлъ я. Развѣ пр. Исаія говорить о *новозавѣтныхъ* иноплеменникахъ и евнухахъ, что ты примѣнилъ его слова къ себѣ?!

¹⁾ Нижеприведенные пророчества цитируются въ защиту субботы и въ „Библейск. чтеніяхъ“ №№ 22 и 24, а равно и въ другихъ адвентистскихъ изданіяхъ.

— А то какъ же?—отвѣчалъ Петръ.

— Прочти внимательнѣй и ты увидишь, что пр. Исаія говоритъ о *вѣтхозавѣтныхъ* временахъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это по ветхому завѣту евнухъ и иноплеменникъ, но не каждый, не могли войти въ общество Господне или въ среду народа израильскаго (сравн. Исаіи 56, 3, Второз. 23, 1—8), хотя бы и увѣровали въ Бога и соблюдали заповѣди Его. Что здѣсь рѣчь идетъ о *вѣтхозавѣтныхъ* временахъ,— видно изъ того, что евнухи и иноплеменники молятся въ еврейскомъ храмѣ и приносятъ еврейскія жертвы и всесожженія, которыя по закону должны были приноситься постоянно и еще въ особомъ видѣ каждую субботу (ср. Исаія 56, 6—7; Числ. 28, 9—10). Да, наконецъ, вѣдь это еврейская суббота состояла въ полномъ покоѣ отъ обычныхъ дѣлъ (ср. Исаіи 58, 13. Исх. 20, 10); это въ ветхомъ завѣтѣ каждую субботу устраивали особыя священные собранія и каждую субботу съ особыми жертвами ходили въ храмъ на поклоненіе Богу Саваоу (сравн. Исаіи 66, 23. Числ. 28, 10. Лев. 23, 3. Второз. 12, 5, 11, 14, 26—27). Значить, если пр. Исаія говоритъ объ иноплеменникахъ и евнухахъ, твердо державшихся завѣта Господня (56, 6), то это завѣта *вѣтхаго*, конецъ которому еще не наступилъ въ то время. Но теперь, когда давно уже наступили дни „новаго завѣта“, въ который Христосъ призвалъ всѣхъ людей, а не только по плоти евреевъ, когда для самихъ евреевъ уничтоженъ Богомъ ветхій завѣтъ съ его знаменіемъ—субботою, *какъ можеши ты, Петръ, возлагать на иноплеменниковъ иго вѣтхаго завѣта?*

Петръ молчалъ, и потъ обильными каплями струился по его лицу.

— Вѣдь ты вотъ сослался на пр. Исаію, а тамъ и оказалось то же, о чемъ я тебѣ говорилъ, т.-е.: если хочешь поступать по примѣру названныхъ тобою иноплеменниковъ, то брось свою самочинную субботу и исполняй законъ Моисея. А то ты свою волю поставилъ выше и заповѣдей ветхаго завѣта, и повелѣній Ходатая Новаго Завѣта—Христа. Но при этомъ помни, что теперь въ Мойсѣѣ нѣть спасенія, такъ какъ уже наступили дни „новаго завѣта“, и что только Кровью этого завѣта или Кровью Христа мы спасаемся (Евр. 9 и 10 гл.)...

— 5) — Да и мы желаем спастись только Кровью Христа, — снова заговорилъ Петръ. — По этой причинѣ мы и слѣдуетъ за Христомъ. **Самъ же Христосъ не только не отмѣнялъ и не нарушалъ субботы, но постоянно соблюдалъ, праздновалъ и чтилъ ее.** Такъ, Онъ по обыкновенію Своему ходилъ въ день субботній въ синагогу и тамъ читалъ Св. Писаніе и поучалъ народъ (Марк. 6, 2; Лук. 4, 16): училъ, что въ субботы можно дѣлать добро (Мѣ. 12, 12), и заботился о сохраненіи субботняго покоя, когда говорилъ ученикамъ: „молитесь, чтобы не случилось бѣгство ваше зимою, или въ субботу“ (Мате. 24, 20). Такъ и мы, по примѣру Христа, хранимъ субботній покой и проводимъ его въ чтеніи Слова Божія и наставлѣніи другъ друга.

— Но зачѣмъ ты, Петръ, ссылаешься на примѣръ Христа, — возразилъ я, — когда въ приведенныхъ тобою мѣстахъ Евангелисты говорять о субботѣ еврейской, законной, а не о твоей, самочинной?!. Значитъ, твоя-то суббота тутъ опять не при чемъ... Сверхъ того, ты неправильно и понялъ Евангелистовъ. Изъ того, что Христосъ ходилъ въ субботы въ синагогу и тамъ читалъ Писаніе и поучалъ народъ, также нельзя сдѣлать заключенія, что и христіане должны праздновать субботу, какъ нельзя вмѣнить въ обязанность и христіанамъ ходить въ еврейскую синагогу. Если Христосъ и праздновалъ субботу вмѣстѣ съ іудеями и притомъ по закону Моисея, то не для того, чтобы и христіанамъ дать для освященія ту же субботу, а только для того, чтобы подчиниться закону и тѣмъ искупить отъ клятвы закона подзаконныхъ (Гал. 4, 4—5). По этой-то причинѣ Христосъ соблюдалъ не только субботу, но и весь ветхозавѣтный законъ, которому и положилъ конецъ Свою смертью (Гал. 3, 10, 13, 22; Римл. 7, 4—6). Съ этого времени христіане находятся уже не подъ закономъ, а подъ благодатію Христовою. Отсюда видно, что сдѣланная тобою, Петръ, ссылка на примѣръ Христа не только ошибочна, но и гибельна, такъ какъ необходимо ведеть къ принятію и обрѣзанія, и вообще всего Моисеева закона.

Ты говоришь: Христосъ училъ дѣлать въ субботы добро и отсюда заключаешь, что нужно праздновать суббота. Но я спрошу: а развѣ Христосъ училъ въ остальные дни недѣли дѣлать зло? Конечно, и ты отвѣтишь: нѣть!.. А тогда-то, по твоему размышленію, и выйдетъ, что нужно праздновать не

только субботу, но и всю недѣлю. Очевидно, приведенное тобою изъ Ев. Матея (12, 12) мѣсто имѣть цѣлью не узаконить празднованія субботы для христіанъ, а только обличить пониманіе субботняго покоя, какъ полной бездѣятельности.

То же должно сказать и о твоей, Петръ, ссылкѣ на Ев. Матея 24, 20. И здѣсь нѣть никакого намека на необходимость празднованія субботы для христіанъ. Вѣдь тогда пришлось бы чествовать и „зиму“!.. Христосъ же данными словами выразилъ только ту мысль, чтобы бѣгство не случилось въ тяжелую зимнюю пору, или въ скоромъ времени, когда еще не насталъ конецъ субботы, какъ и всего еврейскаго закона. Такъ оно и случилось, ибо Иерусалимъ былъ разоренъ послѣ смерти Христа, т.-е. когда произошла уже кончина закона, а съ нимъ и субботы (Римл. 7, 4—6; 10, 4).

Но если Христосъ, какъ „подзаконный“, соблюдалъ субботу, то Онъ же въ тѣхъ случаяхъ, когда желалъ показать наступающій уже конецъ субботы, рѣзко нарушалъ ее и совершиенно отмѣнялъ законную субботу. Въ самомъ дѣлѣ, хотя суббота и была дана для евреевъ (Исх. 16, 29), но такъ, что не еврей господствовалъ надъ субботою, а суббота была господиномъ еврея и давила его непосильнымъ бременемъ. Всякій, кто сталъ бы дѣлать въ субботу *какое-нибудь дѣло*, подлежалъ смерти (Исх. 20, 10, 31, 14—15; Иерем. 17, 21—27). И выходило, что человѣкъ для субботы, а не суббота для человѣка. Когда Христосъ сказалъ: „можно въ субботу дѣлать добро“ (Мѣ. 12, 12), то это было уже нарушеніемъ законнаго обычая чествовать субботу полной безработицей. И если можно было въ субботу Христу исцѣлить сухорукаго, слѣпорожденнаго, разслабленнаго¹⁾ и др., то еврею, на основаніи требованій закона, ни подъ какимъ предлогомъ нельзя было сдѣлать какого-либо дѣла, хотя бы и доброго, на пользу себѣ или ближнему (сравн. Исх. 20, 10, 31, 14—15; Иерем. 17, 21—27; Числ. 15, 32—33; Неем. 10, 31; 13, 15—22). Но еще сильнѣе сказалось отверженіе Христомъ законной субботы, когда Онъ оправдалъ нарушеніе ея Своими учениками (Мѣ. 12, 1—7).

¹⁾ Замѣчательно, что, исцѣляя разслабленнаго, Христосъ сказалъ ему: „встань, возьми постель твою и ходи“ (Иоан. 5, 8). Между тѣмъ такое повелѣніе явно противорѣчило прямому предписанію закона „не носить ношъ“... (Иерем. 17, 21—22).

и затѣмъ прямо заявилъ: „суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы; посему Сынъ Человѣческій есть господинъ и субботы“ (Марк. 2, 27—28). Здѣсь уже ясно указана Христомъ власть Его надъ субботою, какъ Господина надъ рабомъ, и въ этой власти кроется разъясненіе безнаказанности для учениковъ Христовыхъ нарушенія субботы. Да и какъ было наказывать за нарушеніе субботы по закону, когда приближалась полная кончина и самаго закона! И только слѣпые враги Христа, іудеи, искали убить Его за то, что Онъ „нарушалъ субботу“ (Іоан. 5, 16—18 ст.).

— 6) — Хорошо,—нервно заговорилъ Петръ.—Но вѣдь и *послѣ смерти Христа его преемники праздновали субботу*. Въ Евангеліи отъ Луки читаемъ, что женщины, пришедши съ Іисусомъ изъ Галилеи, возвратившись отъ гроба Господня, приготовили въ пятницу благовонія и масти, а „въ субботу остались въ покой по заповѣди“ (23, 54—56). Особенно же ясно говорить Писаніе о томъ, что самъ великий Апостолъ Павель, будучи уже христіаниномъ, попрежнему освящалъ субботу. Такъ, работая въ теченіе шести дней недѣли, онъ „во всякую субботу говорилъ въ синагогѣ и убѣждалъ Іудеевъ и Еллиновъ“ (Дѣян. 18, 3—4). Даже христіанъ изъ язычниковъ, а не изъ однихъ только іудеевъ, онъ примѣромъ своимъ побуждалъ чтить субботній покой, когда и имъ проповѣдывалъ Слово Божіе въ субботы. Видя это, язычники и сами просили Ап. Павла говорить имъ по субботамъ (Дѣян. 13, 42—46; 18, 4). Вотъ почему Ап. Павель ясно пишеть, что „для народа Божія еще остается субботство“ (Евр. 4, 9). Мы считаемъ себя христіанами или „народомъ Божіимъ“ и посему, по повелѣнію Ап. Павла, и хранимъ субботу, а вы нарушили завѣтъ Апостола и отвергли субботу.

Разберемъ сказанное собою, Петръ. Правда, что женщины, пришедши съ Іисусомъ изъ Галилеи, въ субботу остались въ покой по заповѣди (Лк. 23, 56). Но затѣмъ ты опять примѣромъ, говорящимъ о еврейской законной субботѣ, оправдываешь свою субботу, когда твоя суббота самочинная, а не „по заповѣди“ соблюдается? Ужъ если желаешь пользоваться примѣромъ „женщинъ“, то соблюдай ту субботу, которую святили онъ. А то получается у тебя одна только пустая подтасовка однозвучныхъ словъ. У „женщинъ“ была своя суб-

бота, а у тебя своя, и между вашими субботами такое же сходство, какъ между закономъ и беззаконiemъ. Теперь скажу, почему евангельскія „женщины“ хранили субботній покой по заповѣди. Эти „женщины“ были изъ іudeянокъ и, какъ и Іосифъ изъ Аримаѳеи, были строгими хранительницами всего еврейскаго закона. Ожидая Царствія Божія (Лк. 23, 51), онѣ слѣдовали за Іисусомъ, слушали Его ученіе, любили Его, но постигнуть все ученіе Христа онѣ еще не могли, такъ какъ и слишкомъ были привязаны къ закону Моисея и, что главное, не получили еще Духа Святаго (Іоан. 14, 26; 16, 13). Да и Самъ Христосъ при Своей жизни многаго не сказалъ Своимъ ученикамъ (Іоан. 16, 12), потому что они еще не могли всего вмѣстить. Вотъ почему мы видимъ, что не только „женщины“, но даже Апостолы до сопшествія на нихъ Св. Духа многаго въ ученіи Христа не понимали. По этой же причинѣ „женщины“ и „недоумѣвали“, гдѣ бы дѣлось Тѣло Христа. А между тѣмъ Христосъ училъ и ихъ и всѣхъ учениковъ о Своемъ воскресеніи (Лк. 24, 4—6), но и онѣ и ученики не поняли сказаннаго Христомъ (Лк. 24, 45). И послѣ сопшествія Св. Духа многіе изъ увѣровавшихъ во Христа еще никакъ не могли порвать свою вѣковую связь съ Моисеевымъ закономъ и изъ-за соблюденія этого закона поднимали въ церкви Христовой распри. А если такъ обстояло дѣло съ „женщинами“, то ясно, что соблюденіе ими субботы по заповѣди закона Моисеева было плодомъ ихъ непониманія ученія Христова (Лк. 24, 45), тѣмъ болѣе, что *новый покой еще не былъ имъ возвѣщенъ Христомъ, такъ какъ Христосъ еще въ тотъ день не воскресалъ* и Своимъ явленіемъ по воскресеніи еще не отверзалъ ученикамъ ума къ уразумѣнію писаній. Слѣдовательно, если бы христіане стали праздновать субботу на томъ основаніи, что евангельскія „женщины“ ее праздновали, то они подчинили бы себя игу закону Моисеева и тѣмъ извратили бы благовѣстіе Христово.

Ты ссылаешься на *примѣръ и ученіе Ап. Павла*. Но, къ сожалѣнію, и тотъ и другое ты извратилъ собственнымъ вымысломъ. То правда, что Ап. Павель „всякую субботу говорилъ въ синагогѣ и убѣждалъ Іудеевъ и Еллиновъ“ (Дѣян. 18, 4). Но заключать отсюда, что слѣдовательно Ап. Павель святилъ еврейскую субботу, такъ же нельзя, какъ нельзя учить на основаніи этого примѣра, что Ап. Павель призна-

валъ необходимо для христіанъ и єврейскую синагогу. Если Ап. Павель и ходилъ въ синагогу и притомъ только по субботамъ, то не для отправленія христіанскаго моленія съ Іудеями и Еллинами, тѣмъ болѣе, что ни тѣ ни другіе еще не вѣровали во Христа, а только для проповѣди имъ о Христѣ. Проповѣдь же свою о Христѣ Ап. Павель пріурочивалъ къ субботѣ и притомъ вель ее въ синагогѣ, потому что по єврейскому обычаяу каждую субботу евреи собирались въ синагогу и тамъ читали законъ Моисеевъ и пророковъ, а послѣ чтенія слушали отъ своихъ наставниковъ слово наставленія. При этомъ начальники синагоги предоставляли и Апостоламъ право обращаться къ народу съ словомъ наставленія (Дѣян. 13, 14—15; 15, 21). Такимъ образомъ, Ап. Павель пользовался субботою и синагогою, лишь какъ самыи удобнымъ временемъ и мѣстомъ для проповѣди Христа большому собранію Іудеевъ и Еллиновъ. Другимъ же, которые не чтили Бога по-іудейски и потому не ходили въ синагогу по субботамъ, тогдѣ же Ап. Павель проповѣдывалъ „ежедневно“, и „на площади“, и „въ ареопагѣ“ (Дѣян. 17, 17—22; 20, 31), и „по домамъ“ (Дѣян. 20, 20). Но вѣдь никто же не станетъ на этомъ основаніи праздновать *каждыи* день и чтить: площади, ареопагъ и пр... Сверхъ того, Ап. Павель старался пріурочить свою проповѣдь для Іудеевъ и къ другимъ изъ наиболѣе чтимыхъ у нихъ праздниковъ, когда они собирались въ опредѣленное мѣсто въ наиболѣшемъ количествѣ и изъ разныхъ мѣстъ (Дѣян. 18, 19—21; 20, 16). Но вѣдь вы и сами не чтите другихъ єврейскихъ праздниковъ. Все это ясно обличаетъ ваше заблужденіе.

Да и откуда ты, Пётръ, взялъ, что Ап. Павель даже *христіанъ изъ язычниковъ побуждалъ чтить субботу?* Ты ссылаешься на то, что Ап. Павель проповѣдывалъ и язычникамъ по субботамъ, и что сами язычники просили Апостола говорить имъ по субботамъ (Дѣян. 13, 42—46; 18, 3—4). Но развѣ здѣсь идеть рѣчь о язычникахъ, принявшихъ христіанство, или о тѣхъ язычникахъ, которые прямо изъ язычества призывались Ап. Павломъ ко Христу? Нѣть. Здѣсь идеть рѣчь только о тѣхъ язычникахъ, которые уже чтили Бога *по-іудейски* и потому ходили на єврейскія собранія въ синагоги и праздновали субботу. Писаніе прямо говорить: „многіе Іудеи и читатели Бога, обращенные изъ язычниковъ“

(Дъян. 13, 43). Съ такими-то язычниками, чтущими Бога по закону Моисея, Ап. Павель и бесѣдоваль въ синагогахъ по субботамъ и притомъ сперва съ настоящими іудеями, а потомъ уже съ іудействующими язычниками (Дъян. 17, 17; 18, 4; 13, 46). И вотъ только такие язычники просили Ап. Павла говорить о Христѣ „въ слѣдующую субботу“, такъ какъ для такихъ язычниковъ, какъ и для іудеевъ, не только суббота, но и весь законъ Моисеевъ былъ обязателенъ къ исполненію. Значить, и въ данномъ случаѣ Ап. Павель просто воспользовался субботою и синагогою, какъ временемъ и мѣстомъ наиболѣе удобными для бесѣдъ съ массою не только Іудеевъ, но и Еллиновъ, чтущихъ Бога по-іудейски (Дъян. 17, 17). Съ остальными же язычниками, которые призывались ко Христу прямо изъ язычества, а не чрезъ іудейство, Ап. Павель бесѣдоваль всегда и на всякомъ мѣстѣ (Дъян. 17, 17—22; 20, 31). Значить, глубоко неправъ ты, когда примѣромъ Ап. Павла хотѣлъ оправдать празднованіе и въ Новомъ завѣтѣ еврейской субботы. Что же касается твоей, Петръ, субботы, то она не имѣеть для себя оправданія даже и въ еврейскомъ законѣ и является беззаконной, самочинной.

Въ защиту субботы ты привелъ и слова Ап. Павла: „для народа Божія еще остается субботство“ (Евр. 4, 9). Но развѣ здѣсь рѣчь о субботѣ, какъ седьмомъ днѣ, чтимомъ іудеями по 4-ой заповѣди десятословія? Когда Ап. Павель говоритъ объ этомъ днѣ, то называетъ его: „субботою“. Такъ же называютъ этотъ день и другіе Апостолы. А въ приведенномъ тобою мѣстѣ рѣчь не о „субботѣ“, а о „субботствѣ“. И подъ „субботствомъ“ Ап. Павель разумѣеть такой „покой“, *обѣтованіе*, о которомъ исполнилось только въ дни пришествія Христа и притомъ только надъ увѣровавшими во Христа. До Христа этого „покоя“ или „субботства“ не было. И потому проповѣдь о необходимости „войти въ покой оный“ раздавалась только послѣ воскресенія Христа (Евр. 4, 1—11). Суббота же дана еще при Моисеѣ, и въ субботній покой народъ Божій вошелъ еще со временемъ Моисея (Исх. 16, 28—30). Ясно, что опять ты, Петръ, извратилъ Слово Божіе.

— 7) — Но пойдемъ далѣе. Св. Писаніе ясно свидѣтельствуетъ, что **Апостолы не только не праздновали еврейской субботы, а прямо отмѣнили ее, какъ лишнюю для христіанъ.** Извѣстно, что

въ число христіанъ, при Апостолахъ поступили массы іудеевъ и Еллиновъ, прежде принявшихъ законъ іудейскій. Эти іудеи и Еллины настолько свыкались съ закономъ Моисея, что и въ христіанствѣ признавали необходимымъ соблюдать законъ Моисеевъ. Когда же они увидѣли, что Апостолы въ Антіохіи принимали въ церковь язычниковъ безъ обрѣзанія, то и сами соблазнились и другихъ смущили своею проповѣдью о невозможности спастись безъ обрѣзанія по обряду Моисееву. Вслѣдствіе поднятыхъ ими въ церкви Антіохійской смутъ, Павель и Варнава и еще нѣсколько человѣкъ изъ членовъ мѣстной церкви отправились къ Апостоламъ въ Іерусалимъ по сему дѣлу. И въ Іерусалимъ нѣкоторые изъ фарисейской ереси, но принявши христіанство, также горячо утверждали, что „должно обрѣзывать язычниковъ и заповѣдывать соблюдать законъ Моисеевъ“, т.-е. и субботу и весь вообще законъ. И что же? Апостолы и пресвітеры Іерусалимской церкви на соборѣ постановили сообщить Антіохійскимъ братьямъ слѣдующее: „поелику и мы услышали, что нѣкоторые, вышедшіе отъ насъ, смущили вѣрьство своимъ рѣчами и поколебали ваши души, говоря, что должно обрѣзываться и соблюдать законъ, чего мы имъ не поручали, то мы, собравшись единодушно, разсудили... угодно Святому Духу и намъ не возлагать на васъ никакого бремени болѣе, кромѣ сего необходимаго; воздерживаться отъ идоложертвенного и крови, и удавленіи, и блуда, и не дѣлать другимъ того, чего себѣ не хотите. Соблюдая сіе, хорошо сдѣлаете“ (Дѣян. 15 гл.). Вотъ все, что отъ закона Моисеева, читаемаго каждую субботу въ еврейскихъ синагогахъ по всѣмъ городамъ (Дѣян. 15, 21) Апостолы сочли нужнымъ возложить на вѣри христіанъ изъ язычниковъ. Такимъ образомъ и рѣчи не можетъ быть о томъ, чтобы мы самочинно, вопреки Апостольскому опредѣленію (Дѣян. 16, 4), возложили на вѣри „вѣрныхъ изъ язычниковъ“ соблюденіе еще субботы законной, или другихъ какихъ еврейскихъ праздниковъ или постановленій. А между тѣмъ, ты, Петръ, стараешься возложить на вѣрующихъ изъ язычниковъ иго, котораго и самъ не можешь понести, такъ какъ и самъ законной субботы не празднуетъ! И выходить, что ты желаешь другимъ того, чего себѣ не хочешь. Если Апостолы и допускали иногда соблюденіе предписаній Моисеева закона: обрѣзанія, субботы и др., то это только „ради

іудеевъ“ (Дъян. 16, 3; Галат. 2, 11—16), которые еще не могли освоиться съ мыслию объ излишествѣ для христіанъ Моисеева закона и, если бы Апостолы не снизошли къ немощи іудеевъ, то навсегда потеряли бы ихъ для Христа (1 Корине. 9, 19—23). Мы же и не немощные, а „вѣрные“ (Дѣян. 16, 4); и не іудеи, а христіане изъ язычниковъ. Посему намъ и нечего подражать „немощнымъ іудеямъ“, особенно когда Апостолы ясно указали, что вѣрнымъ изъ язычниковъ нужно хранить отъ Моисеева закона (см. и Галат. 2, 11—16). Ужъ если праздновать субботу, то нужно и обрѣзаться, ибо обрѣзаніе выше субботы (Иоан. 7, 22—23). Но какъ отъ обрѣзанія Ап. Павелъ грозно предостерегалъ христіанъ, говоря: берегитесь обрѣзанія“ (Филип. 3, 2; Галат. 5, 2), такъ точно онъ же обличалъ христіанъ за наблюденіе іудейскихъ „дней (т.-е. день субботній, или седьмой, и шесть дней рабочихъ—Исх. 20, 8—9), мѣсяцевъ (т.-е. новомѣсячій), временъ (т.-е. временъ Пасхи, Пятидесятницы, Кущей и пр...) и годовъ“ (т.-е. новолѣтій), выражая даже опасеніе: не напрасно ли трудился у нихъ (Галат. 4, 10—11). Съ особеною же силою Ап. Павелъ отвергаетъ субботу въ посланіи къ Колоссянамъ: „никто да не осуждаетъ васъ за пищу, или питіе, или за какой-нибудь праздникъ, или новомѣсячіе, или субботу: это есть тѣнь будущаго, а тѣло—во Христѣ“ (2, 16—17). Очевидно, что среди Колосскихъ христіанъ, какъ раньше среди Антіохійскихъ (Дѣян. 15 гл.) и Галатскихъ (Галат. 2 гл. и 4 гл.), нащлись строгіе ревнители Моисеева закона, которые осуждали христіанъ, не соблюдавшихъ постановленій этого закона о пищѣ (чистой и нечистой—Лев. 11 гл.), праздниковъ (Лев. 23 гл.), новомѣсячіяхъ (Числ. 28 гл.) и субботѣ (Лев. 23 гл. Числ. 28 гл.). Ап. Павелъ, проповѣдую по городамъ вѣрнымъ и соблюдать опредѣленія Апостольского собора въ Іерусалимѣ по вопросу объ обязательности для христіанъ Моисеева закона (Дѣян. 15 гл.; 16 гл. 4 ст.), со всею строгостью возсталъ противъ нарушителей данного апостольского опредѣленія и снова ясно высказалъ, что всѣ вышеупомянутыя постановленія Моисеева закона были лишь „тѣнью“. т.-е. имѣли лишь преобразовательное значеніе и должны быть отвергнуты теперь, когда мы пребываемъ уже со Христомъ (Колос. 2, 17, 20—21). Отсюда ясно, что ни еврейское раздѣленіе пищи, ни еврейскія новомѣсячія, ни

еврейскіе праздники вообще и, въ частности, суббота намъ, христіанамъ, не нужны. А кто принимаетъ хотя бы и одну только субботу, тотъ противникъ Ап. Павла.

— Я не вижу,— возразилъ Петръ,—чтобы Ап. Павель въ *посланіи къ Колоссіанамъ* отвергалъ субботу Господню, т.-е. субботу, какъ седьмой день недѣли, о которомъ говорить 4-я заповѣдь. По-моему, здѣсь Апостолъ разумѣеть субботу *іудейскую*, или іудейскіе праздники, установленные ими въ годичномъ кругу, Къ числу такихъ праздниковъ или *іудейскихъ* субботъ принадлежать, напримѣръ: суббота покоя земли (Лев. 25, 4), суббота покоя или день очищенія въ десятый день седьмого мѣсяца (Лев. 23, 27—32) и въ десятый день того же мѣсяца (Лев. 16, 29—31)... Эти *іудейскія* субботы намъ не нужны.

— Глубоко неправъ ты, Петръ, въ своемъ мудрованіи,— отвѣчалъ я.— Во-первыхъ, въ Св. Писаніи нѣть раздѣленія субботъ на Господню и іудейскія. Всѣ субботы, въ томъ числѣ и указанныя тобою, называются Господними, какъ данныя Господомъ, а не самовольно выдуманныя евреями (Исх. 31, 13—15; Лев. 16, 31, 44; 19, 3, 30; 23, 32, 38; 25, 4 — „суббота покоя земли, суббота Господня“)... Во-вторыхъ, Ап. Павель говоритъ не о *субботахъ*, а объ одной опредѣленной *субботѣ*. А въ такихъ случаяхъ подъ *субботою* всегда въ Св. Писаніи Апостолы разумѣютъ седьмой день недѣли. И ты самъ также утверждалъ, когда ссылался на Ев. Луки 23, 56; на Деян. Апост. 13, 14, 42, 18, 4, что подъ „субботою“ здѣсь нельзя разумѣть годовыхъ праздниковъ у іудеевъ, такъ это видно и изъ того, что вообще о праздникахъ Ап. Павель уже сказалъ: „за какой-нибудь праздникъ“ и посему повтореніе одного и того же было бы страннымъ. Другое дѣло, когда Апостолъ изъ общаго понятія: „за какой-нибудь праздникъ“, выдѣлилъ затѣмъ для усиленія „субботу“, какъ особо читимую іудеями. Посему, если бы Апостолъ и не сказалъ въ частности за „субботу“, то и тогда она имѣлась бы имъ въ виду въ словахъ: „за какой-нибудь праздникъ“, такъ какъ къ числу іудейскихъ праздниковъ принадлежала по закону и суббота, означенная въ 4-ой заповѣди (Лев. 23, 1—1). Но если Апостолъ съ особеною ясностью отдельно упомянулъ о „субботѣ“, такъ это для насъ же лучше, чтобы мы не смущались отверженіемъ субботы. Еще болѣе мы убѣдимся въ

тому, что Павелъ здѣсь имѣлъ въ виду субботу, заповѣданную въ 4-ой заповѣди, когда обратимъ вниманіе на то, откуда Апостолъ взялъ такое подраздѣленіе: „за какой - нибудь *праздникъ*, или *новоиѣсніе*, или *субботу*“. Все это взято изъ Ветхозавѣтнаго Писанія, именно: изъ кн. Левитъ 23 гл., Числ., 28 гл., Нееміи 9, 14, 10, 31, 33, 13, 15—22; Іезек. 46, 1—6, где подъ „субботою“ ясно разумѣется седьмой день недѣли. Итакъ, по ясной заповѣди Апостола суббота или седьмой день недѣли, данный евреямъ для освященія 4-ой заповѣдью каменныхъ скрижалей, намъ, христіанамъ, получившимъ отъ Христа новыя, духовныя скрижали, *не нуженъ*, и кто празднуетъ субботу, тотъ находится во власти „смертоносныхъ буквъ“ и противится Христу и Св. Апостоламъ. Но еще горшее зло творить тотъ, кто подъ видомъ законной субботы, нынѣ отмѣнной, пускаетъ въ обращеніе среди народа свою, самочинную субботу, и такимъ образомъ оболыщаетъ своею философию темный и слабовѣрный народъ и дѣлаетъ его служителемъ уже не еврейскаго, все же Богомъ данного до времени закона, а служителемъ злой и гордой человѣческой воли и тѣмъ насаждаетъ на землю самое коварное идолопоклонство, когда вмѣсто Бога человѣкъ чтить подобнаго себѣ. Такъ поступаешь ты, Петръ, потому что *не только отвергъ волю Христа и Апостоловъ, запретившихъ праздновать субботній день, но еще свою самочинную субботу выдаешь за Господню* и стараешься оправдать ее 4-ой заповѣдью въ цѣляхъ удобнѣе совращать малосвѣдущихъ и слабовѣрныхъ людей.

Безотвѣтный Петръ стоялъ, уныло понуря голову. Православные ликовали и съ радостнымъ, духовнымъ подъемомъ расходились по домамъ.

Православный миссіонеръ.

Ересь (αἵρεσις).

Историко-филологическая справка.

Какъ большинство древне-церковныхъ терминовъ, терминъ „ересь“ классического происхожденія. Онъ происходит отъ греческаго глагола *αἴρεω*—беру, захватываю, избираю, и въ началѣ употреблялся обычно въ смыслѣ взятія, захвата, избранія или выбора чего-нибудь. Въ этомъ смыслѣ, встрѣчается этотъ терминъ въ классической литературѣ, напр. у Фукидида „взятие города“ обозначается *αἴρεσις πόλεως*, у Платона нерѣдко встрѣчаемъ такія выраженія *αἴρεσιν τινὶ διδόναι*—предоставить кому-нибудь выборъ, *αἴρεσιν στρατηγοῦ ποιεῖσθαι*—избрать вождя и т. д.¹⁾). Даже ветхозавѣтная письменность, а затѣмъ и святоотеческая письменность употребляютъ нерѣдко *αἴρεσις*; въ указанномъ классическомъ смыслѣ. Такъ, напр. Быт. 49, 5: „Симеонъ и Левій братія совершили обиду отъ воли своя“—у LXX послѣднія слова выражены *ἐξ αἴρεσεως αὐτῶν*; Лев. 22, 18: „иже аще принесеть дары своя... по изволенію своему“—у LXX читаемъ *κατὰ αἴρεσιν*. Изъ святоотеческой письменности укажемъ на св. Иоанна Златоуста, который въ своемъ произведеніи „о дѣвственности“ (41 гл.) говоритъ: „τὸν ἀκροατὴν τῆς αἱρέσεως ποιοῦντος ἐστιν“, т. е. слушающему

При написаніи этого очерка пособіями и руководствами служили: *Dictionnaire de Theologie par l'abbé Bergier*, Toulouse, 1823; *Biblisch-Theologisches Wörterbuch* v. *H. Cremer*, Gotha, 1887; *Nouveau dictionnaire grec-français* par *A. Chassang*, Paris 1879; *Glossarium mediae et novissimae latinitatis* *Du Cange* Niort. 1885; Правосл.-богословская энциклопедія *А. П. Лотухина* Спб. 1904; Ереси и расколы первыхъ трехъ вѣковъ христіанства, пром. *А. Иванцова-Платонова*, Москва 1877; *Thesaurus ecclesiasticus*—*J. C. Suicerus*, Amsterdami. 1682; *Dictionnaire de la bible* *F. Vigouroux*, Paris, 1903.

¹⁾ См. cit. op. *A. Chassang* *αἵρεσις*.

свойственно дѣлать выборъ¹⁾. Въ правилахъ одного изъ Карфагенскихъ соборовъ *αἵρετοικοὶ ἐπίσκοποι*, по толкованію Вальсамона, суть „избранные епископы“²⁾.

Въ дальнѣйшемъ своеі развитіи, слово *αἵρεσις* стало обозначать избраніе или принятіе извѣстнаго мнѣнія или доктрины, какъ хорошей, такъ и дурной³⁾. Имъ стали называть опредѣленное философское направленіе или философскую школу⁴⁾, хотя послѣдній смыслъ укрѣпился за нимъ только въ позднѣйшій періодъ развитія греческаго языка—времена Платона и Аристотеля, основателей двухъ величайшихъ философскихъ направленій, еще не знаютъ этого значенія. Отсюда уже, повидимому, былъ недалекъ переходъ къ тому, чтобы сообщить понятію „ереси“ (*αἵρεσις*) религіозный характеръ. Однако впервые „*αἵρεσις*“ съ религіознымъ значеніемъ мы встрѣчаемъ на почвѣ христіанской. Первой новозавѣтной книгой, гдѣ мы находимъ название ереси является книга Іоаннія Апостольскихъ. Въ ней заключается до шести мѣстъ, содержащихъ терминъ *αἵρεσις*: 5, 17—*ἡ οὐσα αἵρεσις τῶν Σαδδουκαίων*, 15, 5—*ἀπὸ τῆς αἱρέσεως τῶν Φαρισαίων*, 24, 5—*τῆς τῶν Ναζωραίων αἱρέσεως* 24, 14—*κατὰ τὴν ὄδὸν, ἣν λέγουσιν αἵρεσιν*, 26, 5—*ὅτι κατὰ τὴν ἀκριβεστάτην αἵρεσιν*, 28, 22—*περὶ μὲν γὰρ τῆς αἱρέσεως*. Но нельзя сказать, чтобы во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ *αἵρεσις* было употреблено въ современномъ значеніи этого слова. По справедливому замѣчанію одного изъ выдающихъ изслѣдователей исторіи ересь и расколовъ въ первые звѣка христіанской Церкви, упоминаемыхъ здѣсь фарисеевъ и саддукеевъ (Іоанн. 15, 5; 26, 5; 5, 17) нельзя назвать ни еретиками, ни сектантами въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это скорѣе направленія въ іудейскомъ обществѣ извѣстнаго времени⁵⁾. Что же касается христіанства, названнаго здѣсь „ересью назорейскою“ (Іоанн. 24, 5, 14; 28, 22), то на первыхъ порахъ своего существованія оно еще не имѣло въ себѣ всѣхъ тѣхъ чертъ, которыя впослѣдствіи такъ рѣзко отличали его отъ іудейства (Іоанн. 3, 1 и др.).

¹⁾ *J. C. Suicerus*—*αἵρεσις*.

²⁾ *Ibid.*

³⁾ *Vigouroux*.

⁴⁾ *Bergier*, t. IV.

⁵⁾ Иванцовъ-Платоновъ стр. 299, прим. 160.

и сами іудеи первоначально смотрѣли на него не болѣе, какъ на одно изъ тѣхъ религіозныхъ направленій, которыя существовали тогда въ іудейскомъ народѣ. На этихъ основаніяхъ нужно сказать, что терминъ *αἵρεσις* употребленъ здѣсь въ довольно общемъ смыслѣ—въ смыслѣ извѣстнаго религіознаго направленія или религіозной партіи. Тѣмъ не менѣе въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ мѣстъ (24, 5, 14; 28, 22) данное понятіе получаетъ въ извѣстной степени новый, довольно опредѣленный оттѣнокъ, который затѣмъ легъ въ основу дальнѣйшаго развитія этого слова: изъ того непріязненнаго чувства, которое іудеи съ извѣстнаго времени испытывали по отношенію къ христіанамъ, а также изъ враждебнаго тона тѣхъ рѣчей, въ которыхъ они упоминали *объ ерети назореевъ*, можно заключить, что въ первыя времена существованія христіанской Церкви ересью стали называть не только извѣстное положительное религіозное направленіе, но иногда и направленіе съ отрицательнымъ характеромъ.

Послѣ книги Дѣяній апостоловъ слово *αἵρεσις* встрѣчается трижды въ посланіяхъ ап. Павла и одинъ разъ—въ посл. ап. Петра.

Первое изъ такихъ мѣстъ мы находимъ въ 1 Кор. 11, 19. Упомянувъ о томъ, что между членами церкви Коринфской происходятъ междуусобные раздоры, апостолъ прибавляетъ, что для блага самой же Церкви необходимо, чтобы въ ней были ереси: *δε τοι γέρο καὶ αἵρεσεις ἐν ὑμῖν εἴναι*. Подобно тому, какъ и въ кн. Дѣяній ап. терминъ *αἵρεσις* употребленъ здѣсь въ *нестоимѣнномъ* смыслѣ. Церковный языкъ не достигъ еще той ступени своего развитія, на которую онъ сталъ позднѣе, и потому нѣть ничего удивительнаго въ томъ, что, ап. Павель называетъ здѣсь ересью то же самое явленіе, какое въ другомъ мѣстѣ обозначается имъ совершенно другимъ словомъ¹⁾. Въ частности, обращая вниманіе на данное мѣсто, мы не можемъ не видѣть, что подъ „ересью“ ап. Павель разумѣетъ не ересь въ нашемъ смыслѣ этого слова, но скорѣе раздѣленіе или раздоръ, произшедшіе на почвѣ церковно-дисциплинарной. За это говорить прежде всего кон-

1) Срв., напр. 1 Кор. 1, 10; 11, 18 и 12, 25, гдѣ для обозначенія явленія, аналогичнаго разматриваемому, апостолъ пользуется терминомъ, *σχίσμα*.

текстъ рѣчи: мы видѣли, что упоминаніе о ересяхъ находится въ неразрывной связи съ укореніемъ церковно-дисциплинарныхъ раздѣленій среди коринфянъ. Наконецъ въ пользу этого мнѣнія говорять и ясная свидѣтельства церковныхъ писателей, напр. св. Г. Златоустъ въ толкованіи на это мѣсто говоритъ прямо, что „ересями здѣсь апостоль называется не то, что имѣть связь съ доктринаами, на что относятся къ раздорамъ“, блаж. Феодоритъ толкуя туть же 19 ст. 11 гл. 1 Кор. говорить „ересями называется апостоль споры, а не доктринальская разности“ ¹⁾).

Второй разъ ап. Павель упоминаетъ о ерети въ 20 ст. 5 гл. посланія своего къ Галатамъ. Здѣсь, послѣ краткой характеристики плоти и духа вообще, онъ говоритъ о плодахъ этого и другого рода дѣятельности. Между прочимъ, къ числу дѣлъ плоти (*τὰ ἔργα τῆς σαρκὸς*) онъ относитъ разногласія и ереси — *διχοστασίαι καὶ ἀρρεσίς*. Противоестественіе указанныхъ двухъ терминовъ показываетъ, что послѣдній — *ἀρρεσίς* предполагаетъ особое, серьезное разномысліе. Отсюда и смыслъ, въ которомъ *ἀρρεσίς* употреблено въ Гал. 5, 20 уже нѣсколько отличается отъ того значенія, въ какомъ мы видѣли его въ 1 Кор. 11, 9.

Наконецъ довольно ясное определеніе сущности того, что должно разумѣть подъ ерети, мы находимъ въ 10 ст. 3 гл. посланія ап. Павла и Титу. Онъ увѣщиваетъ своего ученика удаляться отъ „еретика человѣка“ (*αἱρετικὸν ἄρθρον*) послѣ первого и второго вразумленія, зная что таковыи развратился и грѣшилъ, будучи самоосужденъ. И если мы обратимъ вниманіе на тотъ тонъ и тѣ черты, въ которыхъ апостоль изображаетъ поведеніе и конечную судьбу еретика, то намъ ясно станетъ, что ерети, о которой говоритъ здѣсь апостоль, приближается къ значенію ерети въ современномъ значеніи этого слова. Такимъ образомъ очевидно, что вмѣетъ съ определеніемъ сущности ерети въ смыслѣ разногласія, возникшаго на почвѣ церк.-бытовой, ап. Павель предлагаетъ намъ и другое пониманіе, по которому здѣсь есть уже сознательное заблужденіе въ истинахъ вѣры.

Въ послѣднемъ смыслѣ, понимаетъ ерети и св. ап. Петръ (1 Петр. 2, 1). Сущность еретического ученія, характеристику

1) Так же понимаютъ это мѣсто блаж. Феофилактъ, и др. — см. *Suiceri Thesaurus*.

еретиковъ и дальнѣйшую ихъ судьбу—все это онъ изображаетъ въ самыхъ мрачныхъ и безотрадныхъ краскахъ. Онъ называетъ еретиковъ лжеучителями, которые отвергаются искушившаго ихъ Господа—ереси, вводимыя ими, суть ереси пагубныя (*αἵρεσεις ἀλωλεῖας*), а потому и для виновниковъ ихъ не можетъ быть никакого другого исхода, кромѣ скорой погибели. Но если это такъ, то едва ли есть основаніе думать, что ап. Петръ подъ ересью разумѣлъ простое уклоненіе отъ церковнаго ученія на почвѣ церковно-обрядовой, дисциплинарной или административной. Тотъ мрачный колоритъ, которымъ окрашено это разсужденіе о ересяхъ и ихъ послѣдствіяхъ заставляетъ скорѣе предполагать, что этотъ апостолъ разумѣлъ подъ ересью нѣчто серьезное. Несомнѣнно, что онъ разумѣлъ подъ ересью *отступленіе отъ самой вѣры* или отъ нѣкоторыхъ ея истинъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, звучать его слова о томъ, что лжеучители, вводя погибельныя ереси, отвергаются искушившаго ихъ Господа.

Мы прослѣдили употребленіе термина *αἵρεσις* въ новозавѣтно-бibleйскихъ писаніяхъ—видѣли, что неодинаковый смыслъ и значеніе усваивается здѣсь ему. Въ періодѣ святоотеческой письменности, наступившій сразу послѣ временъ апостольскихъ, въ эпоху дальше, вселенскихъ соборовъ понятіе ереси пріобрѣтаетъ новые болѣе опредѣленные признаки. Первымъ писателемъ, у котораго мы встрѣчаемъ слово *αἵρεσις* въ періодѣ послѣ апостольской, является мужъ апостольской Папій Іерапольскій. По мнѣнію этого писателя, ересью называется такое ученіе, которое не только извращаетъ понятіе о Богѣ или мірѣ, Христѣ или Церкви, но и *упорно защищаетъ свое лжеученіе*¹⁾. Какъ таковая, ересь является, конечно, осень опасной, и вотъ почему другой мужъ апостольской Игнатій Богоносецъ такъ убѣдительно увѣщиваетъ христіанъ воздерживаться отъ „ереси“, этого „чужого растенія“²⁾. Въ томъ же смыслѣ произвольного отступленія отъ Богопреданныхъ основъ христіанства понимаютъ ересь и другіе учителя церковные—Тертулліанъ, Климентъ Александрийскій и Оригенъ. А знаменитый борецъ противъ ересей, Ириней Ліонскій, отмѣчаетъ и характерную особенность, при-

¹⁾ См. сіт. оп. *Du Cange*.

²⁾ *Vigouroux*.

сущую защитникамъ еретического ученія: это—чувство гордливаго самопревозношенія еретиковъ и вытекающая отсюда ихъ страсть къ раздѣленіемъ и обособленіямъ¹⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что къ тому значенію, въ какомъ понималось слово *αἱρεσία*... въ вѣкъ апостольской, въ періодъ святоотеческой присоединился еще одинъ признакъ характерный—это *упорство* со стороны тѣхъ, кто держится еретического образа мыслей.

Съ наступленія IV вѣка понятіе ереси получаетъ свою полную опредѣленность и, можно сказать, окончательную формулировку. Начиная съ этого вѣка, на поприщѣ церковно-богословскому появляются такіе величайшіе христіанскіе богословы, какъ, напр., Василій Великій, Аѳанасій Александр., Іоаннъ Златоустъ и др., Съ IV вѣка въ нѣдрахъ христіанской церкви возникаютъ наиболѣе серьезныя и опасныя для нея ереси; съ этого же момента начинается и великая по своимъ послѣдствіямъ эпоха вселенскихъ соборовъ, созывавшихся для опроверженія той или другой ереси. Все это вмѣстѣ взятое, не могло, конечно, не отозваться и на самомъ опредѣленіи ереси. Отъ IV вѣка мы имѣемъ одинъ замѣчательный для настѣнъ памятникъ, принадлежащій перу величайшаго христіанскаго богослова — именно, 1-е правило св. Василія Великаго. Здѣсь въ ряду прочихъ разсужденій, не только дается попытка опредѣлить сущность ереси, но и указывается отличіе ея отъ схизмы и отъ самочинныхъ сборищъ. „Древніе, говорится здѣсь, назвали еретиками совершенно отторгшихся, и о самой вѣрѣ отчуждившихся; раскольниками, раздѣлившихся во мнѣніяхъ о нѣкоторыхъ предметахъ церковныхъ, и о вопросахъ, допускающихъ увѣчаніе; а самочинными сборищами—собранія, составляемыя непокорными пресвитерами или епископами и ненаученнымъ народомъ“. Такова формулировка понятія ереси, какъ она представлена у Василія Великаго. Въ исторіи этого понятія приведенное правило св. Василія имѣло громадное значеніе. Можно съ увѣренностью сказать, что та формулировка, какую мы находимъ въ упомянутомъ правилѣ, лежить и въ основѣ современаго намъ опредѣленія ереси. Правда, и послѣ появленія этого правила было отличія отъ него, чисто

1) Прав.-богосл. Энциклопедія Лопухина.

субъективныя, пониманія ереси; правда и то, что и во времена, близкія къ Вас. Великому термину „ересь“ употребляли иногда для обозначенія явленія положительно или свѣтлаго¹⁾ однако формулировка св. Василія, въ общемъ, доминировала надъ всѣми остальными и, пройдя черезъ цѣлый рядъ вѣковъ, достигла и настоящаго времени.

Не меньшее значеніе въ дѣлѣ развитія смысла термина *αἵρεσις* имѣли и опредѣленія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Въ данномъ случаѣ можно сослаться, напр., на 6-е правило 2 вселенского собора. Здѣсь, говоря о лицахъ, не имѣющихъ права приносить жалобу на епископа, правило упоминаетъ, между прочимъ, и о еретикахъ, какъ такихъ людяхъ, которымъ „непозволительно приносить обвиненія на православныхъ епископовъ по дѣламъ церковнымъ“. Еретиками же, продолжаетъ оно, именуемъ тѣхъ, которые издавна чуждыми церкви объявлены, такъ и тѣхъ, которые послѣ того нами анаемъ преданы: кромѣ же сего и тѣхъ, которые, хотя притворяются, будто вѣру нашу исповѣдуютъ здраво, но которые отдалились и собираются собранія противъ на-

1) Къ числу такихъ субъективныхъ пониманій ереси можно отнести прежде всего опредѣленіе блаж. Августина, по мнѣнію которого ересь есть не что иное, какъ застарѣлая схизма (*haeresis autem schisma inveteratum*). Даѣвъ, оригинальное представление ереси мы видимъ у Епифанія Кипрскаго. Смотря на христ. вѣру, какъ на существующую въ человѣчествѣ изначала и находя посему множество ересей и въ дохристіанскомъ мірѣ, св. Епифаній чрезвычайно расширяетъ область христіанской ерсесиологии. По мнѣнію его, все, что противно истинной вѣрѣ—не только въ отношеніи теоретическомъ (разность въ религ. мнѣніяхъ), но и практическомъ (нечестивый образъ жизни грубость нравовъ) есть ересь. Еще болѣе странный взглядъ на сущность ереси мы находимъ у Филастрия (IV в.). Самая незначительная разномыслія въ к.-н. частномъ богословскомъ мнѣніи, сколько-ниб. своеобразныя, несогласныя съ общепринятыми, объясненія к.-н. одного текста свящ. Писанія трактуются имъ, какъ ереси. Не мало у него занесено въ число ересей и такихъ мнѣній, которыхъ къ религіи и богословію никакого прямого отношенія не имѣютъ, а касаются наукъ общихъ—астрономіи, физики и филологіи. Есть, по его мнѣнію, и такія ереси, которые отличаются не к.-л. особыми мнѣніями, а лишь своеобразными обычаями въ жизни церковной или даже въ частномъ, домашнемъ быту.

Что касается до употребленія въ IV в. слова „ересь“ для обозначенія имъ к.-н. явленія свѣтлаго, положительного, то примѣромъ этого можетъ служить имп. Константінъ Вел., который по свидѣтельству Евсевія называлъ христіанскую религію *αἵρεσις ἡ καθολικὴ, ἡ ἀγιωτάτη*.

шихъ правильно поставленныхъ епископовъ“. По толкованію Зонары, данное правило „еретиками называетъ всѣхъ мыслящихъ несогласно съ православною вѣрою, хотя бы давно, хотя бы недавно они были отлучены отъ церкви, хотя бы древнихъ, хотя бы новыхъ ересей они держались“. Такимъ образомъ отсюда видно, что и соборныя опредѣленія способствовали также укрѣплению за понятіемъ ереси или значенія, съ которымъ оно мыслится и теперь.

Въ общемъ циклѣ тѣхъ видоизмѣненій, которыя претерпѣло слово *ερεις* въ послѣдующемъ вѣка, небезынтересно еще отмѣтить то значеніе, въ какомъ оно мыслилось въ эпоху средневѣковья. Чрезвычайное развитіе духовной власти—съ одной стороны, а съ другой—полный упадокъ просвѣщенія и особый отпечатокъ церковности, лежавшій на всѣхъ сторонахъ средневѣковой жизни—все это чрезвычайно расширило область примѣненія термина „ересь“, и посему неудивительно, что въ эпоху средневѣковья ересью назывались такія явленія, какія въ суности не имѣли прямого отношенія къ догматамъ вѣры. Сколько-ниб. новое, неизвѣстное доселѣ открытие изъ міра астрономіи, физики трактовалось здѣсь, какъ ересь. Сколько-ниб. замѣтное уклоненіе отъ церковныхъ опредѣленій заслуживало здѣсь наименованія ереси и преслѣдовалось самыми жестокими мѣрами до инквизиціи включительно. Однако, не смотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ какихъ находилось образованіе въ эпоху средневѣковья, опредѣленіе ереси, данное Василіемъ Вел. и соборною дѣятельностью, не исчезло въ это время совершенно. Оно господствовало и тогда.

Теперь именемъ *ереси* обозначается такое христіанско-религіозное ученіе, проповѣдникъ котораго вступаетъ въ сознательное и явное противорѣчіе съ ясно раскрытыми и строго формулированными Церковною догматами христіанства¹⁾.

Такое опредѣленіе ереси даетъ намъ возможность отличать ее: 1) отъ раскола, который обозначаетъ также обособленіе отъ состава церковнаго союза или общества вѣрующихъ, но вслѣдствіе несогласія подчиняется данному іерархическому авторитету, по разногласію въ ученіи обрядовомъ и во 2) отъ непреднамѣренныхъ ошибокъ въ доктринальскомъ

¹⁾ Пр.-богосл. энциклопедія *Топухина*.

ученіи, происшедшіхъ вслѣдствіе того, что тотъ или иной вопросъ самою Церковію не былъ въ данное время преду-смотрѣнъ и предрѣщенъ. Очевидно, что истинная ересь от-личается отъ упомянутыхъ явленій двумя чертами—это не-посредственнымъ отношеніемъ къ догматамъ вѣры и сознательно-преднамѣренной дѣятельности сторонниковъ еретиче-скаго ученія.

Этимъ мы и можемъ закончить свой бѣглый обзоръ тѣхъ видоизмѣненій, которыя испытalo понятіе ереси на много-вѣковомъ пути своего развитія. Если мы теперь бросимъ общиій взглядъ на этотъ путь и спросимъ себя—соответствуетъ ли слово ересь или *αἵρεσις*... тому явленію, какое имъ теперь обозначается, то отвѣтъ нужно будетъ расчленить. Если мы будемъ имѣть въ виду чисто-филологическое значеніе, то ясно, что понятіе *αἵρεσις*... можетъ быть приложимо къ современнымъ еретическимъ ученіямъ только въ самомъ общемъ смыслѣ этого слова. „Выборъ“, „избраніе“, „захватъ“ или „взятіе“—эти непосредственные значения термина *αἵρεσις*... въ извѣстномъ смыслѣ, соответствуютъ ереси, какъ такому явленію, въ которомъ необходимо предполагается избраніе или захватъ к.-н. ученія или мнѣнія. Но этимъ въ данномъ случаѣ все и ограничивается. Въ понятіи *αἵρεσις*, рассматриваемомъ филологически, совершенно не мыслится ни догматовъ вѣры, ни отрицательного характера того или др. ученія, ни упорства со стороны защитниковъ этой ложной доктрины. Но другое дѣло, если мы будемъ говорить объ этомъ, имѣя въ виду историческую точку зрѣнія. Тогда намъ станетъ яснымъ, что то значеніе, въ какомъ мы употребляемъ терминъ „ересь“, возникло на извѣстной исторической почвѣ, было утверждено многовѣковой практикой дрернѣйшей хри-стіанской Церкви.

A. C.

Теософія и христіанство*).

VII. О путі жизни человѣка.

Путь жизни человѣка—это цѣлая, довольно-таки сложная, система всевозможныхъ упражненій,—указаніе, даже перечисленіе разнообразнѣйшихъ методовъ и способовъ, осуществленіе которыхъ въ жизни безусловно необходимо для того, чтобы человѣку преодолѣть четыре низшихъ части своей природы и достигнуть состоянія Буддхи-Атми. Теософы о немъ говорять съ особенною сердечностію и душевной горячностію, пишутъ цѣлые книги и длинныя статьи. Но сами же теософы сознаются, что новаго, своего, они въ разработку этого пути ничего не вкладываютъ: они всецѣло взяли его у Индіи съ ея буддизмомъ, а сами только лишь комментируютъ и приспособляютъ его къ условіямъ жизни европейца.

На правой ступени этой лѣстницы упражненій человѣка надъ самимъ собой стоитъ работа его надъ своимъ тѣломъ. Этой работѣ у теософовъ придается громадное значеніе. По Анни Безантъ, не подготовившій свое тѣло, хотя и можетъ достигнуть въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ замѣчательныхъ результатовъ, но вскорѣ онъ утратить свое здоровіе и дойдетъ до сумасшествія¹⁾). Наставленія относительно тѣла сводятся къ указанію, когда, сколько, какъ и что есть и пить, сколь продолжительное время нужно отдавать духовной работѣ и сколько отдыху на свѣжемъ воздухѣ, какъ и когда и какія совершать омовенія и физическая очищенія и т. под.

Одновременно съ этими первичными занятіями рекомендуется учиться управлять своими лёгкими и своимъ дыханіемъ и какъ при этомъ держать свой корпусъ.

*.) Окончаніе—См. „Г. Ц.“ м. Сент.

¹⁾ Теософія и Новая психологія, стр. 74—75.

Послѣ этого нужно пріучать умъ свой отвлекать отъ впечатлѣній вѣнѣшняго міра и сосредоточивать его внутри себя на какой-либо опредѣленной мысли или идеѣ. Отвлеченіе это должно быть полнымъ и всецѣльнымъ; вѣнѣшній міръ для такого человѣка долженъ перестать существовать; мысль его должна быть поглощена созерцаніемъ и работою въ области идей. Образцомъ для такого упражненія выставляется Е. И. Блаватская. Она въ этомъ отношеніи, по словамъ знавшихъ ее, обладала чрезвычайными качествами. Она умѣла собирать все свое вниманіе на одной венци съ такой энергией, что все остальное для нея переставало существовать. Этого же достигать она указывала и своимъ послѣдователямъ. Нужно добиться, говорила она своимъ ученикамъ, чтобы, когда вы думаете о коробкѣ спичекъ, для васъ не было бы въ мірѣ ничего, кромѣ этой коробки и вашего „я“ ²⁾). По словамъ Анны Безантъ, кто можетъ сосредоточивать свои мысли и всю свою внутреннюю жизнь на одной точкѣ, тотъ подобенъ острю. Тупой предметъ нельзя протолкнуть черезъ препятствіе; его надо заострить и тогда онъ легко проникнетъ чрезъ все ³⁾).

Конечно, достигать этого сосредоточенія мысли весьма и весьма тяжело. И у теософовъ приводятся, заимствованныя у буддизма, советы и постановленія, какъ это нужно дѣлать съ болѣшимъ успѣхомъ.

Но всѣ теософы, опять-таки вслѣдъ за Индіей, самыми категоричными образомъ утверждаютъ, что достигнуть этого высшаго сосредоточенія мысли до состоянія жизни Тріады: Манасъ—Буддхи—Атми въ періодъ одной жизни не возможно: для этого необходимо нѣсколько жизней, цѣлый рядъ жизней. Человѣку необходимо побѣдить животное въ физическомъ, грубое въ астральномъ, чувственное въ ментальномъ планахъ бытія; человѣку нужно пройти предлиинный процессъ всякихъ упражненій—физическихъ, и умственныхъ... Все это требуетъ громаднаго періода времени и длинной—длинной жизни. Какъ же быть? Какъ же выдти изъ этого, повидимому, безъисходнаго положенія? Эти вопросы у теософовъ разрѣшаются взятою у Востока *теоріею о перевоплощеніяхъ*.

²⁾ Вопросы теософіи, в. II, стр. 30.

³⁾ Вѣст. теос. 1909 г., кн. 2, стр. 24.

Сущность учения о перевоплощении сводится къ тому, что каждый человѣкъ живеть на землѣ въ продолженіи не одной, а нѣсколькихъ жизней. Съ его смертію умираютъ лишь четыре низшихъ начала его человѣческой природы—физическое, эфирное, астральное и ментальное,—умираеть то, что называется у настѣ *личностію* человѣка. Высшая же Тріада, то, что составляеть, по учению теософовъ, *индивидуальность* человѣка, никогда не умираеть, а всегда живеть; оно-то и воплощается въ новыя тѣла. Происходитъ это такъ.

Умирая человѣкъ сбрасываетъ ненужныя ему оболочки; но вѣнчества, стремленія и мысли, очищенные отъ эгоистическихъ и дурныхъ примѣсей, весь опытъ жизни, пріобрѣтенный имъ во время его пребыванія въ этихъ оболочкахъ, онъ какъ бы *вбираетъ* въ себя. Умираеть все личное, грѣховное; сохраняется *сверхличное*, которое пріобрѣтено человѣкомъ на землѣ. Это сверхличное бессмертно. „Сюда относятся всѣ виды безкорыстной любви, стремленіе къ Богу или къ вѣчному, чувство красоты, влеченіе къ добру, всѣ виды сочувствія и состраданія, все углубленіе отъ перенесенныхъ страданій и весь подъемъ отъ пережитыхъ радостей. Всѣ эти активныя проявленія души претворяются въ теченіе посмертнаго періода (небеснаго) въ свойства и качества бессмертной души или индивидуальности, и этими свойствами будетъ окрашень характеръ той личности, которую „Индивидуальность“ какъ бы выбросить изъ себя, чтобы въ слѣдующемъ воплощеніи собрать новый опытъ и вызвать къ сознательной жизни новыя силы... Изъ этого слѣдуетъ, что небесная стадія посмертнаго состоянія стоитъ въ прямой зависимости отъ той ступени интеллектуального и духовнаго развитія, которой онъ достигъ во время жизни на землѣ... Когда этотъ процессъ „вбираенія“ душой всего въ себя доброго завершится, „въ нѣдрахъ души возникнетъ слабый трепетъ пробуждающагося сознанія“, который потомъ преходить въ волю жизни, въ стремленіе найти отраженіе своего. Я въ объективномъ мірѣ. И душа снова воплощается въ тѣло для новой жизни на землѣ⁴⁾“).

Процессъ перевоплощений продолжается до тѣхъ поръ, пока Бессмертная Душа,—эта Тріада—не выростетъ въ человѣкѣ

⁴⁾ Е. П. перевоплощеніе, стр. 38 и далѣе.

окончательно, пока она не вольется въ Божество, не станетъ числомъ извѣстнаго теперь намъ ядра Братства, т. е. Божествомъ.

Останавливаясь мыслю на вышеизложенномъ усилии теософовъ о пути жизни человѣка, невольно задаешь себѣ вопросъ: а гдѣ же здесь самъ человѣкъ? Все время рѣчъ идетъ о немъ, а его что-то не замѣтно. На самомъ дѣлѣ, съ одной стороны личность съ ея весьма разнообразной, дѣятельной, кипучей земной жизнью, съ ея обычными радостями и несчастіями, паденіями и возстаніями, съ ея чувствами, желаніями и думами, а съ другой—какая-то Индивидуальность, въ которой нѣтъ жизни, въ которой происходитъ только „вѣраніе“ ей нужнаго отвлеченнаго, отжившаго, недѣйствующаго. Но первая умираетъ, исчезаетъ; а вторая остается въ вѣчность. Гдѣ же самъ человѣкъ? Повидимому, личность-то и должна быть названа человѣкомъ; но тогда цѣлый рядъ человѣковъ творятъ работу на одну индивидуальность; цѣлый рядъ ихъ есть не больше какъ только прахъ и земля, служащіе какому-то принципу индивидуальности. Значить, человѣкъ, какъ таковой, обычно на землѣ живущій, смертенъ. Безсмертна только собранная изъ множества живыхъ жизней отвлеченная, только лишь мыслимая, ихъ сущность, какой-то Атми-Духъ.

Но что это за Атми? Даже г. Ладыженскій въ своей книгѣ „Сверхсознаніе“, написанной съ большимъ сочувствіемъ къ теософамъ, долженъ быть сказать, что у теософовъ путь жизни человѣка сводится „къ глубокой сосредоточенности мысли“, къ высшему развитію „мысленной силы“, при которой у него исчезаетъ и пламенная любовь и сильная ненависть; у него является вѣра въ могущество своихъ мысленныхъ силъ, своей мысленной воли (курсивъ нашъ) и за ней слѣдующее чувство гордости⁵⁾. Атми-Духъ и есть эта до высшаго предѣла своего дошедшая, сама въ себѣ замкнувшаяся и отъ всего вѣя ея лежащаго отрѣшившаяся Мысль, Логосъ. Эта отвлеченностъ, а не живой человѣкъ, безсмертна. Можетъ-ли идти въ какое-бы то нибыто сопоставленіе это безсмертіе Атми съ христіанскимъ личнымъ безсмертіемъ человѣка, дѣйствительно жившаго всѣми силами своего личнаго

⁵⁾ Ладыженскій М. В. изд. 2, стр. 345, 250, 186.

существа? „Начала подвижничества у теософовъ и христіанскаго, заключаетъ Ладыженскій, совершенно противоположны“⁶⁾). Такъ же противоположно и ученіе теософовъ о бессмертіи ученію христіанскому о томъ же; слова тамъ и здѣсь одни, а мысли, содержаніе, въ этихъ словахъ заключающіяся, противоположны до взаимнаго исключенія.

Что касается ученія теософовъ о перевоплощеніяхъ, то здѣсь теософы совершенно не оригиналны. Они повторяющій ученіе о томъ же древняго Востока. Сравнительно новы у теософовъ обоснованія этого ученія и отвѣты на возраженія противъ него. Человѣческая мысль не только отъ имени христіанскаго вѣроученія, но и отъ законовъ здравой человѣческой логики давно разобрала ученіе о перевоплощеніяхъ, по всей справедливости отнеся его къ творчеству восточной несдержанной фантазіи. Но и эти попытки теософовъ обосновать ученіе о перевоплощеніяхъ въ общемъ сводятся къ одному лишь ихъ утвержденію, что по данному пункту люди должны почему-то довѣряться болѣе восточнымъ религіямъ и философіи, чѣмъ христіанству и западной философіи. Иногда, впрочемъ, утверждаютъ, что ученіе о перевоплощеніяхъ будто-бы разрѣшаетъ всѣ т. наз. проклятые вопросы жизни—о счастіи однихъ и бѣдахъ другихъ, о несправедливостяхъ жизни и т. под. Но здѣсь только смыщится нежеланіе руководиться ученіемъ о семъ Евангелія, т. е. опять-таки безосновательное довѣріе къ Востоку, а не къ христіанскому западу.

VIII. Куда ведеть и чѣмъ прельщаетъ теософія.

Мы указали всѣ важнѣйшіе пункты ученія теософовъ—о Богѣ, о лицѣ Іисуса - Христа, о человѣкѣ и бессмертіи,—и ни одного не увидали изъ нихъ такого, который не только бы вполнѣ, но хотя сколько - нибудь, хотя бы отчасти былъ согласенъ съ христіанствомъ. Прослѣдили мы и отношеніе теософовъ къ религіямъ вообще и въ особенности къ христіанству и увидали, что, считая только себя за истину и за религію, теософія, въ лицѣ ея главныхъ руководителей и учителей, намѣревается стать сама надъ религіями, какъ высшая

6) Тамъ же стр. 188.

Божественная Мудрость и, въ частности, на христіанство старается утвердить взглядъ, какъ только на мостъ къ теософіі.

Существенно расходясь съ христіанствомъ, теософія весьма близко подходитъ къ религіямъ Индіі и въ частности къ буддизму. Она береть отъ него не только термины, но и сущность свою; базируется на немъ не только основами своими, но и выводами съ ихъ подробнымъ разъясненіемъ; для нея Индія не только колыбель зарожденія, но и центръ современного теософического движения (въ Адъярѣ, предмѣстіи Мадраса, купленъ домъ, который служить съ 1876 г. мѣстомъ пребываніемъ Президента Всемірнаго Теософическаго Общества и въ которомъ хранится богатѣйшая библіотека теософовъ).

Теперь ясно, что на поставленный заглавный вопросъ: куда ведеть теософія? двухъ разныхъ отвѣтовъ не можетъ быть. Теософія и сущностію своего ученія, и цѣлями своего Общества, и подробностями своего быта ведеть своихъ членовъ вдалъ, прочно отъ христіанства,—въ нѣдра древней Индіи, къ буддизму. Мало-по-малу, совершенно незамѣтно, подъ покровомъ раскрытия какой-то эзотерической стороны христіанства, теософія увлекаетъ своихъ членовъ въ тенета буддизма, поселяя вражду и во всякомъ случаѣ уже—непріязнь съ нерасположенностю къ христіанству. Достаточно только прочитать рѣчи теософовъ въ С.-Петербургскомъ религіозно-философскомъ обществѣ при обсужденіи доклада А. А. Каменской о теософіи и богостроительствѣ¹⁾, чтобы понять истинную сущность теософіи. Недаромъ болѣе проникновенные въ сущность теософіи мыслители не иначе хотятъ именовать теософію, какъ *необуддиз.ио.и.* Это, дѣйствительно, буддизмъ, да и не новый; если же новый, то только тѣмъ, что проявился въ новой для него части свѣта и при новыхъ европейскихъ условіяхъ жизни и культуры, а поэтому и принявшій нѣсколько новый видъ и новую окраску.

Близость къ религіямъ Индіи, родство съ буддизмомъ главные представители теософіи оправдали самымъ фактомъ. Е. И. Блаватская и д-ръ Генри Олькоттъ перешли въ буддизмъ и умерли буддистами, а здравствующій теперь президентъ Всемірнаго Теософическаго Общества Анни Безантъ

¹⁾ Вѣст. Теософ 1910 г. кн. 2, стр. 62 и слѣд.

вступила въ браманизмъ. И какъ бы наши русскіе теософы, сильно смущаемые этими фактами измѣны вѣры съ предпочтеніемъ христіанству буддизма, не пытались ихъ объяснить и оправдать, факты остаются фактами, а всѣ объясненія ихъ шиты бѣлыми нитками по черному...

Измѣнивъ вѣрѣ христіанской, эти столпы теософіи зовутъ и другихъ своихъ послѣдователей прочь отъ Христа Распятаго. Вотъ изъ многихъ два ихъ отзыва о христіанствѣ. По словамъ Блаватской *христіанство—это материализмъ*, потому что въ немъ содержится вѣра въ церковные доктрины и ученія. По мнѣнію Безантъ—„быть обращеннымъ въ христіанство—хуже, чѣмъ быть скептикомъ или материалистомъ“. Вполнѣ естественно поэтому признаніе Блаватской о самой подлинной, неприкрашенной цѣли теософического общества: „наша цѣль..., чтобы смести христіанство съ лица земли“ ²⁾... Вотъ самая настоящая правда и о Теософическомъ Обществѣ и достовѣрнѣйшая характеристика его настоящей физіономіи. Объяснить эти слова Блаватской какъ-нибудь въ пользу христіанства не дерзнетъ самая смѣлая фантазія и самая благожелательная къ теософамъ логика.

Тутъ естественно возникаетъ вопросъ: какъ же многіе христіане пребываютъ въ теософическомъ обществѣ и убѣжденно вѣруютъ въ полную возможность объединенія христіанства съ теософіей?

Дѣйствительно, среди теософовъ есть искренніе христіане. Но это какое-то и, конечно, только временное недоразумѣніе. Эти христіане остаются въ теософическомъ обществѣ потому, что они не продумали еще до конца ни началъ теософіи, ни ученія христіанскаго. Они живутъ, увлекаясь новизной своего положенія, захватившими ихъ интересными перспективами и гаданіями теософіи и поэтому еще мало критически относясь къ теософическимъ положеніямъ и слѣдуемымъ изъ нихъ выводамъ. Да и христіанство-то для такихъ христіанъ мало вѣдомо.

Вѣдь не для кого не секретъ, что свѣтскіе круги нашего интеллигентнаго общества очень плохо и совсѣмъ неправильно понимаютъ вѣру свою христіанскую. Христіанство для нихъ—это скучный, мертвый школьній Законъ Божій,

2) Кудрявцевъ К. Д. Что такое Теософія. 2 изд. стр. 25.

голосъ церкви.

малопонятные обряды и церемонии, разные мудреные толкования и строгие предписания. Церковь — это попы да панихиды, хождение в храм да кресты с поклонами. Неудивительно, что в такой церкви имъ тяжело и скучно, а съ такимъ христианствомъ имъ кажется вполнѣ совмѣстимымъ пребываніе въ теософическомъ обществѣ. Но вотъ начнеть у нихъ работать мысль; станутъ они внимательнѣе относиться къ теософіи съ ея тайнами и симпатіями, обратятся къ усвоенію истинной сущности христианства,—совмѣстимость теософіи съ христианствомъ для нихъ становится невозможной: или обращеніе къ религіямъ Индіи, или возвращеніе къ подлинной Церкви Христа, или Блаватская, Олькоттъ, Бизантъ съ ихъ устремленіемъ на Востокъ или длинный рядъ лицъ, пришедшихъ чрезъ теософію къ Церкви Христовой. (Автору этихъ строкъ немало изъ послѣднихъ лицъ, известно, но по понятнымъ побужденіямъ онъ ихъ указывать: здѣсь считается себя не въ правѣ). Теософія можетъ быть самодовгѣющею инстанціей, мѣстомъ долгаго духовно-морального успокоенія и удовлетворенія только для лицъ, мало знающихъ христианство, нежелающихъ разбираться въ немъ; для остальныхъ она, какъ справедливо выразилась г-жа Писарева въ рел.-философскомъ собраниі Петрограда, листѣ, ведущій или къ христианству, или, что чаще, къ буддизму. Въ этомъ ея подлинное назначеніе и самая прямая цѣль.

Теософы очень часто говорятъ о томъ, что теософія привлекаетъ къ себѣ многихъ безбожниковъ и дѣлаетъ ихъ людьми религіозными. Въ этомъ, действительно, заслуга ея и отрицать ее было бы большими грѣхомъ. Но только потомъ-то куда этихъ бывшихъ безбожниковъ направляетъ теософія? Хорошо, если они устремляются ко Христу, а если къ Буддѣ? А данные, которыми теософія можетъ привлекать даже людей невѣрующихъ, у нея есть.

Теперь вся литература — и серьезно-научная, и философская-публицистическая и беллетристическая — самымъ категоричнымъ образомъ удостовѣряетъ ³⁾, что безъ Бога человѣкъ жить не можетъ, искра влечения къ Богу и исканія Его присуща всѣмъ именующимъ себя атеистами. Наука же въ лицѣ луч-

³⁾ Свящ. Чельцовъ М. О вѣрѣ и невѣрѣ, гл. 2, 3 и дальше.

шихъ своихъ представителей также не менѣе категорично свидѣтельствуетъ, что, имѣя своимъ предметомъ только явленія міра опыта, она не можетъ браться за разрѣшеніе вопросовъ такъ называемыхъ проклятыхъ, такъ сильно и неотвѣзно мучающихъ людей, особенно безрелигіозныхъ. Теософія тутъ и является со своими услугами. Она и вѣсъ вопросы ума человѣческаго обѣщаетъ разрѣшить, и Бога предлагаетъ и при томъ такого, котораго невѣрующему очень не трудно принять.

Богъ теософовъ—это безличная или, какъ любятъ выражаться теософы и что въ общемъ одно и тоже есть, сверхличная Сущность, Принципъ, Мировая Душа. Онъ и Богъ, и въ тоже время Его и нѣть: онъ не нѣчто непознаваемое, Онъ не-Бытие. Онъ распыленъ, проявленъ въ людяхъ. Онъ—братство Атми—Духовъ, т. е. сумма человѣковъ же. Такого Бога и безбожнику легко принять, ибо, принимая Его, онъ въ сущности себя же самого боготворить, что пріятно гордому человѣку и отвѣчаетъ его духовному настроенію.

Да принятіе такого Бога не требуетъ измѣнить,—измѣнить обязательно, безусловно—и жизнь человѣческую. Ученіе о перевоплощеніи позволяетъ надѣяться, что неисправленное, несдѣланное теперь доброе, можно совершить въ слѣдующемъ воплощеніи. Эта льгота очень для нась пріятна; она дѣлаетъ легкою жизнь и легкимъ само наше спасеніе. На этой легкости жизни и спасенія построенъ, какъ извѣстно, въ значительной степени успѣхъ нашего сектантства; ей же безусловно обязана своимъ распространеніемъ и теософія. Правда, теософія за эту дурную жизнь страдаетъ трудной расплатой въ слѣдующихъ воплощеніяхъ. Но люди больше расположены руководствоваться желаніемъ теперь пожить, какъ имъ хочется, о будущемъ мало беспокоятся.

Облегчая такъ спасеніе, теософія увѣряетъ къ тому же, что какъ бы кто ни жилъ, но въ концѣ концовъ вѣсъ спасутся. Никакихъ мученій, а тѣмъ болѣе вѣчныхъ и никогда не будетъ. Вотъ это-то и есть для нась самое пріятное. Какъ ни живи, а ты непремѣнно спасешься. Какъ этимъ не прельститься?

Наконецъ, теософія предлагаетъ разрѣшить, въ самой для человѣка пріемлемой формѣ, всѣ его вѣковѣчные вопросы. Она, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ (гл. III), христіанству

вмѣняетъ въ вину и въ большой недостатокъ, что оно эти вопросы скучно и туманно разрѣшаетъ; сама теперь теософія и старается ихъ разрѣшить съ пріятностію для человѣка, безъ особаго отягощенія его нравственнаго сознанія, и съ видимою, даже научной, обоснованностію. Правда, всѣ построенія и разъясненія теософіи построются на пескѣ фантазіи ея учителей и „посланницъ“; но видимо они имѣютъ полную стрейноть и гармоничность... Люди, особенно юноши и положительного въ душѣ мало имѣющіе, склонны бываютъ увлекаться не столько дѣйствительно обоснованнымъ, сколько гармонично и мило созданнмъ и въ красивыхъ формахъ преподаннымъ.

Если къ этому прибавить проповѣдь нравственной чистоты, самоотверженно-любовной работы на пользу ближнихъ, горячую и видимо искреннюю убѣжденность многихъ видныхъ теософовъ въ истинѣ теософіи, ревностную пропаганду ими теософіи съ очень частыми разѣздами по заграниценнымъ конференціямъ и съ многочисленными докладами и рефератами не только въ нашихъ столицахъ, но и въ провинціи, то мы вполнѣ поймемъ тотъ интересъ, который къ теософіи въ настоящее время наблюдается какъ у насъ на Руси, такъ и заграницей, и тотъ сравнительно быстрый ростъ, какой теософія проявляетъ.

Но сами же теософы не могутъ замѣтить и того для нихъ непріятнаго обстоятельства, что золотая пора для теософіи, повидимому, миновала, что брезжитъ заря новыхъ движений, исканій, а за ними раздѣленій, въ самой теософіи; неудовлетворенныхъ среди теософовъ началами теософіи становится все болѣе и болѣе; критика появилась внутри самаго ядра теософического и критика рѣзкая...

Въ теософіи много еще тайного и не открытаго даже простымъ членамъ-теософамъ. Свѣтъ критики и самокритики начинаетъ попадать и въ эту область, и въ теософическомъ обществѣ начинаютъ намѣтаться разныя направленія и проявляется расколъ. Чѣмъ болѣе будутъ изучать теософію и писать о ней, тѣмъ яснѣе будетъ ея подлинная сущность и скорѣе откроется ея истинная личность, и тогда тѣмъ скорѣе закончится интересъ къ теософіи.

Священникъ **Михаилъ Чельцовъ**.

Попытки привлече~~ж~~ія астрохомії къ дѣлу борьбы съ Библіей.

По поводу книгъ Н. Морозова: „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“ (3-е изданіе. Москва 1910 г.) и „Пророки“ (Москва 1914 г.).

Библія, какъ откровенное слово Божіе, имѣть весьма многочисленныхъ враговъ не только въ видѣ отдельныхъ лицъ, но и цѣлыхъ школъ, направленій, прочно обосновавшихся въ западно-европейской науцѣ. Борцы съ Библіей стараются придать своимъ сочиненіямъ солидную научную видимость, свои отрицательныя сужденія скрѣпить и подкрепить цѣлымъ рядомъ тщательныхъ изслѣдований, которыя, естественно, должны врацаться, главнымъ образомъ, въ области историко-филологической. Нынѣ мы видимъ на русской почвѣ выступленіе противъ Библіи не съ исторіей и филологіей, а съ астрономіей въ рукахъ: это фантастическая произведенія Н. Морозова, направленныя противъ Апокалипсиса и ветхозавѣтныхъ пророческихъ книгъ. Ни къ какой отрицательной противо-библейской школѣ Морозовъ не принадлежитъ, съ относящейся къ Апокалипсису и пророческимъ книгамъ многовѣковой литературой не знакомъ, исторію и филологію онъ игнорируетъ. Выступая противъ Библіи съ астрономическимъ методомъ, онъ прецодноситъ читателю свои работы, такъ сказать, кустарного производства, съ удивительной смѣлостію, при этомъ выдавая свои выводы за научные открытия, до которыхъ онъ, подобно гоголевскому Амосу Федоровичу, „самъ собою дошелъ, собственнымъ умомъ“. Первое произведеніе Морозова—„Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“, появившееся въ 1907 году, одинъ изъ критиковъ назвалъ „недоразумѣніемъ въ научномъ отношеніи¹⁾; другой критикъ

¹⁾ Эрнъ В. Ф. Откровеніе въ грозѣ и бурѣ. „Богосл. Вѣсти.“ 1907, стр. 289.

по поводу появившихся въ этомъ году „Пророковъ“ Морозова говоритьъ, что это „профанація науки вредная въ самомъ полномъ смыслѣ слова“¹⁾; прибавимъ отъ себя, что если первая книга Морозова была въ научномъ отношеніи *недоразумѣніемъ*, допускающимъ для автора нѣкоторое извиненіе, то появленіе чрезъ семь лѣтъ другой подобной же книги нельзя иначе назвать, какъ *нахальство.изъ* въ научномъ отношеніи, или же *психопатическимъ* явленіемъ.

Если автора опьянилъ успѣхъ распространенія его „Откровенія“, для которого въ первое же полугодіе послѣ его напечатанія потребовалось второе изданіе, а въ 1910 г.—третье; то не могъ же онъ закрывать глаза на сразу же указанное критикою не только ничтожное, но прямо отрицательное въ научномъ отношеніи значеніе его книги, а также и на указанную истиинную причину ея быстраго распространенія:—это состраданіе и интересъ къ лицу, проведшему *двадцать лѣтъ въ заключеніи*. „Общество чтить въ немъ страдальца, борца за идею (писалъ тогда одинъ критикъ). Отсюда понятъ необыкновенный интересъ къ его книгѣ. Но отъ сочувствія къ человѣку, которому выпалъ исключительный жребій оставшагося въ живыхъ мученика, до научнаго признанія высказанныхъ имъ мыслей цѣляя пропасть... И горе тому обществу, которое можетъ серьезно признавать такие незрѣлые плоды мысли, какъ „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“. Этимъ признаніемъ оно выноситъ себѣ приговоръ въ умственномъ несовершеннолѣтіи“²⁾. Но никакая критика Морозова не остановила и не образумила. Самъ изумленный своимъ открытиемъ относительно Апокалипсиса и недоумѣвающій, какъ до него никто изъ многочисленныхъ изслѣдователей этой книги не могъ ее понять („Откровеніе“ стр. 131), Морозовъ идетъ далѣе и примѣняетъ свой астрономическій методъ къ книгамъ пророческимъ, развязно называя свои бредни „научно-критическимъ разборомъ“. Таковъ апломбъ невѣжества.

„Научныя“ работы Морозова шли такимъ путемъ. Онъ сдѣлалъ извѣстнаго рода вычисленія относительно положенія планетъ, или картины неба, за 30 сент. 395 г.; его вычисле-

1) Львовъ С. „Пророки“, въ „Голосѣ Москвы“ 1914 г. за 4 мая.

2) Эрнѣ. Цит. ст., стр. 310—311.

нія провѣрены астрономами-специалистами и найдены правильными. Какое это имѣть отношеніе къ Апокалипсису, это мы скажемъ потомъ. Одобрение вычислений, сдѣланныхъ Морозовымъ, вскружило ему голову и онъ вообразилъ себя не только, допустимъ, и порядочнымъ математикомъ-астрономомъ, но и геніальнымъ экзегетомъ, критикомъ-филологомъ, которому суждено приходить къ „совершенно неожиданнымъ результатамъ“ въ дѣлѣ изслѣдованія библейскихъ книгъ. И вотъ, съ полнымъ игнорированіемъ научныхъ методовъ, требованій логики, относящейся къ вопросу литературы, и съ болѣе чѣмъ сомнительными филологическими познаніями, Морозовъ, вслѣдъ за выпускомъ „Откровенія въ грозѣ и бурѣ“, выпускаетъ своихъ „Пророковъ“, готовя, вѣроятно, и еще что-либо къ выпуску въ томъ же родѣ; такъ какъ „научный“ талантъ Морозова растетъ и развивается съ завидной быстротой.

Въ 1907 году Морозовъ сознается въ своемъ почти полномъ незнаніи древне-еврейского языка („Откровеніе“, 2-е изд.. стр. X); въ 1914 году онъ уже мнитъ себя такимъ знатокомъ этого языка, что предъ нимъ меркнутъ труды цѣлыхъ сотенъ ученыхъ, посвятившихъ тщательному и детальному изученію этого языка десятилѣтія своей жизни. Объявляя „рабски-подстрочные“ переводы подлинниковъ „ни на что негодными“ („Откровеніе“ стр. 31—32), Морозовъ въ „Пророкахъ“ даетъ свой „популяризационный“ переводъ съ еврейского языка пророческихъ книгъ. Чтобы сдѣлать этотъ переводъ „годнымъ“ для его цѣлей, Морозовъ подвергаетъ библейский текстъ самымъ безцеремоннымъ операциямъ. Онъ озабоченъ цѣллю дать читателю „толковое и литературно написанное изложеніе по еврейскому тексту, чтобы можно было прочесть его отъ начала до конца, не спотыкаясь на каждомъ шагу о многословіе, дурной слогъ и не относящіяся къ дѣлу вставочные фразы“ („Пророки“, стр. 148). А для этого онъ переводитъ не всю книгу того или другого пророка, а „со значительными сокращеніями“, заявляя, что все выпущенное имъ въ его изложеніи есть лишь „средневѣковая діалектика, только заслоняющая реальный смыслъ основного ядра книги, нарочно очищенного здѣсь мною отъ налипшей на него сухой и безвкусной скорлупы временъ“ („Пророки“, стр. 166). Отсутствіе въ какихъ либо мѣстахъ

пророческихъ книгъ астрономическихъ аллегорій заставляетъ Морозова видѣть въ такихъ мѣстахъ „явно вставочный, позднѣйшій характеръ“ и совсѣмъ ихъ выпускать, какъ „очень позднюю средневѣковую вставку“ (тамъ же, стр. 200). Достается отъ Морозова и переписчикамъ-корректорамъ, которые „не понимая астрологического смысла мѣста“, ставили тамъ множественное число, гдѣ Морозову нужно единственное (тамъ же, стр. 244);—и переводчикамъ за то, что они, напр., относятъ слова пророка (Захар. гл. 9. ст. 3 и далѣе) къ городу Тиру, а не къ какому-то тирану, какъ хотѣлось бы Морозову; интересно при этомъ, что онъ, не понимая въ словахъ пророка столь часто употребляемаго въ рѣчи пріема—олицетворенія, дѣлаетъ такое дѣтски-наивное проницкое замѣчаніе: „вѣдь, городъ не имѣтъ ногъ, чтобы ходить въ чукия жилища!“ (Тамъ же, стр. 159). Чтобы показать, какихъ успѣховъ самъ Морозовъ достигъ въ изученіи еврейскаго языка, достаточно отмѣтить, что онъ въ книгѣ пророка Йезекіїля (гл. 38, ст. 2—3) нашелъ указаніе на Московскую Русь, несуществовавшую даже въ V вѣкѣ по Р. Х., къ каковому времени Морозовъ относитъ написаніе этой книги. Сдѣланній Морозовымъ переводъ: „вотъ, я иду на тебя, Гуниѣ, властелинъ Руси Московъ“—поразилъ и самого Морозова, и онъ находить, что „упоминаніе о Руси Московъ здѣсь всего загадочнѣе“ (тамъ же, стр. 102—103). Загадочность эта совершенно просто объясняется невѣжествомъ Морозова въ области древне-еврейскаго языка¹). Критикамъ Морозовскаго „Откровенія“ были указаны столь же блестящія его познанія въ греческомъ и латинскомъ языкахъ. Такъ, напр., дѣлая самый невѣжественный переводъ латинскаго слова „alumna“ въ фразѣ Тертулліана: *habemus et Ioannis alumnas ecclesias* (мы имѣемъ и церкви, питомицы Иоанна), онъ свое невѣжество приписываетъ безграмотству средневѣковыхъ переписчиковъ и на этомъ основаніи построяетъ свой выводъ о подложности этого мѣста изъ Тертулліана („Откровеніе“, стр. 315). Греческое слово *ἀργίον*, означающее въ Апокалипсисѣ агнца, Морозовъ переводитъ—„бѣлое облачко—бара-

1) Самое слово „еврей“ Морозовъ переводить—испанецъ-иберіецъ („Пророки“, стр. 292); а 10 колѣнъ Израїля въ Палестинѣ—это лишь астрологическая аллегорія (стр. 275).

шекъ“ („Откровеніе“, стр. 50), хотя все содержаніе Апокалипсиса подъ агнцемъ совершенно ясно изображаетъ Христа закланнаго (Апок. гл. 5, ст. 6, 12; гл. 6, ст. 16; гл. 7, ст. 9—10, 14, 17 и проч.), чѣмъ рѣшительно опровергается навязываемое Морозовымъ слову *ἀριόν* метеорологическое и астрономическое значенія, какъ неумѣстныя въ данномъ текстѣ.

Съ текстомъ вообще Морозовъ не любить стѣсняться и въ другомъ мѣстѣ слова *Tὰ ἔθνη*—народы онъ [замѣняетъ словами] *Toὺς ὄφεας*—змѣй („Откровеніе“, стр. 79), благодаря чему въ Апокалипсисѣ появляется „Геркулесь“ (созвѣздіе), который долженъ пасти всѣхъ змѣй желѣзной дубиной“.

Понятно, что съ такими пріемами, съ какими Морозовъ оперируетъ надъ библейскимъ текстомъ, съ его филологической эрудиціей, въ любомъ сочиненіи можно найти, что угодно. И одинъ изъ критиковъ, пользуясь „научными“ методами Морозова, показалъ, что даже въ баснѣ Крылова—„Лебедь, ІЦука и Ракъ“ можно видѣть космической смыслъ, такъ какъ есть созвѣздія лебедя, рыбы, рака и возничаго; и на этомъ основаніи отрицать существованіе самого Крылова, а написаніе басни относить за двѣ тысячи лѣтъ до нашей эры¹⁾.

Было бы слишкомъ неблагодарной работой подвергать подробному научному разбору книги Морозова. Это значило бы стрѣлять по воробьямъ изъ пушки. И потому мы ограничимся по отношенію къ его произведеніямъ указаніемъ лишь самаго главнаго, обнаруживающаго ихъ ничтожное значеніе, сплошную ложь.

Морозовъ выступаетъ противъ Слова Божія съ острымъ и безпощаднымъ оружіемъ — астрономіей, математикой; но оружіе это оказывается безсильнымъ: оно не находить мѣста въ Словѣ Божіемъ для нанесенія удара. Выбранное для этого Морозовымъ мѣсто указано имъ совершенно неправильно, а отсюда цѣлый рядъ совершеннѣ неправильныхъ выводовъ и въ заключеніе—здание не только построенное на пескѣ, но прямо висящее въ воздухѣ—блестящій, но обманчивый миражъ; что совершенно ясно подтверждается и богатой, относящейся къ вопросу, литературой. Вся слабость нападенія Морозова заключается въ томъ, что онъ неопро-

¹⁾ Львовъ С. Цит. ст.

вержимые выводы математики хотеть сдѣлать столь же неопровергимыми и для филологіи; то, что имѣеть силу и значение въ одной области, онъ хочетъ примѣнить съ такимъ же успѣхомъ въ другой. Сущность „научныхъ“ построений Морозова заключается въ томъ, чтобы показать, что Апокалипсисъ написанъ не въ I вѣкѣ по Р. Х., а послѣ 395 г., а книги пророковъ—Исаіи, Йеремії, Йезекіїля, Даниїла и Захаріи—не за нѣсколько вѣковъ до Р. Хр., а послѣ Апокалипсиса—въ V вѣкѣ по Р. Хр. Понятно, что, коль скоро Морозову удалось бы это доказать, то вмѣстѣ съ тѣмъ отпалъ бы и всякий вопросъ о богоодухновенности этихъ книгъ, что составляеть одно изъ важнѣйшихъ ученій Церкви. Отсюда видно, какъ глубоко и далеко направлены преслѣдуемыя Морозовымъ разрушительныя цѣли. Первая позиція, съ которой Морозовъ выступаетъ противъ ученія Церкви, позиція прочная; это—астрономическимъ путемъ установленное расположение планетъ, которое было видимо съ острова Патмоса 30 сентября 395 г. Противъ этой позиціи—математическо-астрономической—защитнику Апокалипсиса нѣть никакой надобности и выступать; и мы можемъ повѣрить Морозову на слово, безъ требованія отъ него такъ предупредительно предлагаемыхъ имъ удостовѣреній астрономовъ М. М. Каменского и Н. М. Ляпина („Откровеніе“, стр. 135), что, дѣйствительно, 30 сент. 395 года планета Юпитеръ находилась въ созвѣздіи Стрѣльца, а планета Сатурнъ въ созвѣздіи Скорпіона („Откровеніе“, стр. 145). Но на этомъ математика, со всею ея неумолимой неопровергимостью, и оканчивается. Чтобы связать ее съ Апокалипсисомъ, Морозову приходится строить уже мостъ филологической, къ чemu математические законы приложенія имѣть не могутъ. Образчики филологическихъ приемовъ и познаній Морозова мы уже указали. Съ такимъ научнымъ багажомъ Морозовъ и строить мостъ для перехода изъ области астрономіи въ область Апокалипсиса. Для этого онъ беретъ изъ 6-й главы Апокалипсиса 8 и 2 стихи и утверждаетъ, что въ этихъ стихахъ именно говорится о бывшемъ 30 сентября 395 года нахожденіи Юпитера въ Стрѣльцѣ, а Сатурна въ Скорпіонѣ, чѣмъ и опредѣляется время написанія Апокалипсиса. Вотъ эти стихи: „я взглянуль, и вотъ конь бѣдный, и на немъ всадникъ, которому имя смерть“ (ст. 8); „я

взглянуль, и вотъ, конь бѣлыи, и на немъ всадникъ, и илюющій
лукъ“ (ст. 2). Никакой математикой нельзя доказать, что
здѣсь идетъ рѣчь о Сатурнѣ, Юпитерѣ, Скорпіонѣ и Стрѣльцѣ;
а, следовательно, отпадаетъ вся острота и неотразимость
того оружія, съ какимъ Морозовъ нападаетъ на ученіе Цер-
кви о времени написанія Апокалипсиса. Съ устанавливаемой
Морозовымъ датой написанія Апокалипсиса—послѣ 30 сент.
395 г.—содержаніе Апокалипсиса можно связать лишь въ
томъ случаѣ, когда будетъ доказано, что во 2 и 8 стихахъ
6-й главы Апокалипсиса подъ блѣдныи и бѣлыи конями
и ихъ всадниками разумѣются планеты Юпитеръ и Сатурнъ
и созвѣздія—Стрѣлецъ и Скорпіонъ; единственный путь
для такого доказательства—филологической; это уже вопросъ
экзегетики, а не астрономіи; и то, что астрономіей устано-
влено, какъ безспорный фактъ, для острова Патмоса и положенія
надъ нимъ планетъ 30 сентября 395 г., совершенно
ничтожно по отношенію къ Апокалипсису, если онъ не
является астрономической или астрологической книгой, какъ
это хочется Морозову. А что это книга астрологическая, это
Морозовъ доказываетъ однимъ изъ наиболѣе часто встрѣ-
чающихся у него доказательствъ—верченіемъ въ заколдо-
ванномъ кругу (*circulus vitiosus*): Апокалипсисъ книга астро-
логическая, потому что наполнена астрологическими назва-
ніями, образами и картинами явленій; встрѣчающіяся въ
Апокалипсисѣ названія, образы, и картины явленій суть
астрологическая, потому что Апокалипсисъ книга астроло-
гическая. Примѣння такой способъ доказательства къ самому
Морозову, мы можемъ говорить: „Откровеніе въ грозѣ и
бурѣ“—вздорная книга, потому что написана Морозовымъ;
а Морозовъ—авторъ вздорныхъ книгъ, потому что имъ на-
писано „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“. Едва ли такая аргу-
ментация будетъ по-вкусу Морозову. Но повѣримъ на время
Морозову, что Апокалипсисъ книга астрологическая. Предъ
нами возникаетъ новый вопросъ: почему въ упомянутыхъ
стихахъ Апокалипсиса (гл. VI, ст. 8 и 2) подъ конями и
всадниками мы должны разумѣть планеты и созвѣздія, если
въ астрологіи такой символики не встрѣчается?¹⁾ На этотъ

¹⁾ Н. Брюлова. Къ вопросу о датировкѣ Апокалипсиса. „Журн. Мин. Нар. Пр.“ 1907, стр. 417.

вопросъ Морозовъ также не даетъ и не можетъ дать отвѣта. Иойдемъ далѣе на встрѣчу Морозову и обратимъ вниманіе уже не на коней и всадниковъ, а на ихъ цвѣта—блѣлый (*λευκός*) и блѣдныій (*χλωρός*), такъ какъ въ астрологіи всякая планета имѣла свою окраску. Здѣсь мы опять наталкиваемся на вопросъ, совершенно оставляемый Морозовыимъ безъ вся-каго рѣшенія: почему изъ двухъ системъ астрологіи—хал-дейской и Птоломея—мы должны отдать предпочтеніе одной, а не другой? А между тѣмъ, это далеко не безразлично, такъ какъ каждой системой цвѣта для планетъ указываются неодинаковые: по системѣ Птоломея, цвѣтъ Юпитера блѣлый, а Сатурна—мертвенно-сѣрый (блѣдныій); но по халдейской—Юпитеръ—свѣтло-красный, а Сатурнъ—черный¹). Вообще Морозовъ въ толкованіи астрологическихъ терминовъ руко-водствуется не какой-либо изъ существующихъ астрологи-ческихъ системъ, а своей собственной; почему въ его тол-кованіяхъ на каждомъ шагу встречаются совершенно произ-вольныя отступленія отъ упомянутыхъ системъ: онъ припи-сываетъ имъ то, чего въ нихъ совершенно нѣть и о чёмъ онѣ не говорять ни слова: апокалипсическую жену онъ ото-жествляетъ съ „Дѣвой“, смерть со Скорпиономъ, адъ—съ Козерогомъ и Водолеемъ, Марса называетъ чернымъ и т. д.²).

Центръ тяжести Морозовской полемики противъ Апока-липсиса заключается въ томъ, что въ видѣніяхъ писателя Апокалипсиса блѣдныій конь—планета Сатурнъ, а блѣлый—планета Юпитеръ. Что это такъ, Морозовъ доказать не мо-жетъ; не можемъ же мы вѣрить ему на-слово только потому, что въ „его головѣ съ дѣтства накопился большой запасъ облаковъ“ („Откровеніе“, стр. 16) и что онъ „всегда чувство-валъ къ облакамъ какое-то родственное влеченіе“ (тамъ же, стр. 17). Ну, а если блѣлый и блѣдныій кони не Юпитеръ и Сатурнъ; то какое основаніе имѣть Морозовъ приписывать Апокалипсису свои облачныя видѣнія трубныхъ вѣстниковъ, многоголовыхъ звѣрей, танцующихъ жабъ и т. под. („Откро-веніе, стр. 23—25). Рѣшительно никакого.

Такимъ образомъ, рѣшительно ничѣмъ Морозовъ не мо-жетъ увѣрить насъ, что во 2 и 8 стихахъ 6 главы Апока-

¹⁾ Тамъ же, стр. 417.

²⁾ Тамъ же, стр. 417—418.

апокалипсиса говорится о бывшемъ 30 сент. 395 г. нахожденії Юпитера въ Стрѣльцѣ, а Сатурна въ Скорпіонѣ, что яко-бы наблюдалъ авторъ Апокалипсиса, находясь на островѣ Патмосѣ. А если это такъ, то рѣшительно и нѣть никакихъ основаній связывать указанную дату съ временемъ написанія Апокалипсиса; и вся грозная математическо-астрономическая міна, подведенная Морозовымъ подъ Апокалипсисъ, не достигаетъ никакой цѣли, какъ совершенно не имѣющая никакой точки соприкосновенія съ дѣйствительнымъ Апокалипсисомъ, а не Морозовскимъ.

Съ паденіемъ Морозовской датировки времени написанія Апокалипсиса, сама собою падаетъ и его датировка для пророческихъ книгъ, указываемая въ его второй книгѣ— „Пророки“; такъ какъ книги пророковъ, по утвержденію Морозова, являются лишь „расширеннымъ вольнымъ изложеніемъ Апокалипсиса“ (стр. 128), его „эхомъ“ (стр. 167), „крайнимъ захуданіемъ всѣхъ его талантливыхъ аллегорій“ (стр. 176), „простымъ подражаніемъ ученика его учителю“ и т. под. А коль скоро не имѣть ни малѣйшаго научнаго и разумнаго значенія основной Морозовской тезисъ, что Апокалипсисъ написанъ около 395 г., то этимъ самымъ устанавливается полное ничтожество его обѣихъ книгъ, могущихъ представлять интересъ лишь чисто отрицательный: до какихъ абсурдовъ могутъ доходить „замыслияющіе тщетное и возстающіе на Господа и на Христа Его“ (Псал. II, 1—2). Въ произведеніяхъ Морозова апокалипсическая и ветхозавѣтная пророческія видѣнія и рѣчи превращаются въ рядъ картинъ астрономического и метеорологического характера. Вдохновенное, возвышенное и полное таинственности слово пророковъ и апостола превращается въ бюллетень о погодѣ и положеніяхъ планетъ и созвѣздій.

Не лишены своеобразнаго интереса тѣ „научные“ пріемы, которыми Морозовъ старается расположить читателя къ довѣрію ему и его книгамъ. Сдѣланное имъ относительно Апокалипсиса „поразительное открытие“ („Откровеніе“ стр. 131; „Пророки“ стр. 252), ускользнувшее отъ вниманія множества ученыхъ въ теченіе 15-ти столѣтій, онъ объясняетъ, отчасти, тѣмъ, что на долю его „выпало большое счастье“, давшее ему возможность хорошо понимать душу прошлыхъ поколѣній: его „голова съ дѣтства была переполнена раз-

сказами суевърныхъ, первобытныхъ ияnekъ! („Откровеніе“, стр. 5). Чтобы читатель „ни на минуту не забывалъ“ объ астрономическомъ фонѣ, на которомъ написаны пророческія книги, Морозовъ иллюстрировалъ своихъ „Пророковъ“ астрологическими картинами, фигурами созвѣздій и другими рисунками и „распредѣлилъ ихъ повсюду“, въ чемъ самъ и сознается („Пророки“, стр. 8). Жаль только, что онъ не добавляетъ, почему онъ, стремясь напустить въ голову читателя побольше астрологического тумана, помѣщаетъ въ своей книгѣ рисунки изъ 15, 16 и 17 столѣтій, а не изъ 5-го, къ которому онъ относитъ („Пророки“, стр. 7) написаніе пророческихъ книгъ на астрологическомъ фонѣ? Или разница въ тысячу съ лишнимъ лѣтъ ничего не значить?

Нерѣдко Морозовъ, за неимѣніемъ аргументовъ, просто ограничивается патетическими обращеніями къ здравому смыслу читателя („Пророки“, стр. 10, 175, 241, 248 и проч.). Этому же читателю онъ жалуется и на то, что ему, какъ „современному безпристрастному изслѣдователю“, для разбора пророковъ, пришлось „специально изучать древне-еврейскій языкъ, безъ котораго совершенно невозможно расшифровать ихъ содержаніе“ („Пророки“, стр. 166). И, вѣроятно, въ качествѣ результата такого изученія, какъ нѣчто поразительное, сообщается, что имена пророковъ Іезекіиля, Захарія, Іеремія, Даніїла и Ісаіи имѣютъ значенія: „осилить Богъ, помнить Грядущій“ и т. д. („Пророки“, стр. 50, 150, 180, 208 и 226); какъ будто кто-либо могъ думать, что имена суть безсмысленный наборъ буквъ. Изъ своего столь „поразительнаго“ открытия относительно именъ пророковъ Морозовъ выводить слишкомъ поспѣшное заключеніе, что это не имена людей, а заглавія книгъ, авторы которыхъ не известны. Изъ самыхъ произведеній этихъ авторовъ онъ береть лишь то, чему такъ или иначе можно дать астрономическо-метеорологическое объясненіе. Все остальное, надѣ чѣмъ нельзя произвести желательной Морозову метаморфозы, или что явно обнаруживаетъ нелѣпость Морозовскихъ толкованій, выбрасывается, какъ ненужный хламъ. Поэтому въ „Пророкахъ“ Морозова мы видимъ не писанія пророковъ (хотя-бы и ложно перетолковываемыя), но лишь отрывки изъ этихъ писаній, надерганные подъ известнымъ угломъ зрѣнія и насильственно подтасованные. Такъ, изъ 48 главъ пр. Іезе-

кілля у Морозова имѣется только 25, причемъ изъ нѣкоторыхъ главъ берется два-три стиха; изъ 14 главъ пр. Захаріи — 10, также съ выборомъ стиховъ; изъ 52 главъ Йереміи — берутся и своеобразно распредѣляются отрывки главъ 10 — 12; изъ 14 главъ пр. Даниила — 4 главы; изъ 66 главъ пр. Исаіи — отрывки изъ 22—23. Съ этой книгой Морозову особенно не повезло: „не смотря на самыя тицательныя (ореографію его сохраняемъ) поиски“, говорить онъ, „ему не удалось пока обнаружить въ ней отчетливыхъ астрологическихъ указаний на годъ ея составленія“; но тѣмъ не менѣе, „десятки отдельныхъ фразъ, разсыпанныхъ по различнымъ ея главамъ, и самые сюжеты нѣкоторыхъ главъ“ приводятъ Морозова къ заключенію, что „въ ея послѣ-апокалиптическомъ происхожденіи сомнѣваться невозможно“ („Пророки“, стр. 227).

Такимъ образомъ, въ книгахъ Морозова мы имѣемъ дѣло не съ Апокалипсисомъ и пророческими ветхозавѣтными писаніями, а съ тенденціозно надерганными, безъ всякаго основанія, совершенно ложно, астрономическо-метеорологически истолкованными отрывками изъ этихъ книгъ. Устанавливаемая такимъ способомъ датировка времени написанія этихъ книгъ не можетъ бытьничѣмъ инымъ, какъ только самою невѣжественною, или умышленно-недобросовѣтною ложью, что подтверждается и литературою — множествомъ сочиненій древнихъ писателей, физіологіей и исторіей.

Языкъ каждого живого народа не есть нѣчто неподвижное, затвердѣвшее въ разъ павсегда отлившихся формахъ: онъ живеть, претерпѣваетъ различныя перемѣны, усовершенствовывается, или подвергается порчѣ въ своихъ проявленіяхъ. Это даетъ возможность ученымъ лингвистамъ (разумѣется, не такимъ скороспѣлымъ, какъ Морозовъ) по языку сочиненія опредѣлять время его написанія. Мы не станемъ много распространяться на эту тему относительно пророческихъ книгъ и Апокалипсиса. Укажемъ только, что книга пророка Исаіи по своему языку является наиболѣе полнымъ и яснымъ образцомъ богатства, чистоты и выразительности еврейскаго языка и, следовательно, никоимъ образомъ не могла быть написана даже послѣ плены вавилонскаго, сильно повредившаго еврейскій языкъ¹⁾). Относительно языка Апо-

¹⁾ Троицкій И. Г. Библейская археология. СПб. 1913. Стр. 204.

апокалипсиса приведемъ мнѣніе Э. Ренана, котораго и самъ Морозовъ въ пристрастіи къ священнымъ книгамъ, вѣроятно, обвинять не рѣшился. „Нѣть никакого сомнѣнія“, говорить онъ (въ своемъ „Антихристѣ“, стр. 22), „что Апокалипсисъ написанъ по гречески; но этотъ слогъ какъ бы списанъ съ еврейскаго, продуманъ по-еврейски; можетъ быть понять и прочувствованъ только тѣмъ, кто знаетъ еврейскій языкъ. Авторъ знакомъ съ греческой версіей священныхъ книгъ; но отдѣльные отрывки изъ библейскихъ произведеній стоять предъ его глазами въ еврейскомъ текстѣ“²⁾). Столь сильное еврейское вліяніе на византійскаго писателя самаго конца 4-го вѣка (этимъ писателемъ Апокалипсиса Морозовъ считаетъ св. Іоанна Златоуста) является совершенно дѣющимъ немыслимымъ, грубѣйшимъ анахронизмомъ.

Такъ какъ Морозовъ писателемъ Апокалипсиса считаетъ св. Іоанна Златоуста, то ему можно было бы посовѣтовать приложить свою „богатую“ лингвистическую эрудицію къ сравненію языка Апокалипсиса съ языкомъ твореній Златоуста; но съ этой стороны Морозовъ неуязвимъ: все, что говорить противъ него, онъ безаппеляціонно объявляетъ подложнымъ. Въ его „Откровеніи“ глава, где онъ приводить свидѣтельства древнихъ писателей противъ его теоріи, такъ и озаглавлена: „Старинныя книги, подложность, или анахронизмъ, которыхъ обнаруживается астрономическимъ определеніемъ появленія Апокалипсиса“ (стр. 313).

Но, разумѣется, голословное объявленіе подложнымъ всего того, что намъ не нравится, никого убѣдить не можетъ; и съ этимъ Морозовскимъ пріемомъ можно здѣшніи очень далеко и отрицать рѣшительно все, что намъ сохранила древность, и вращаться въ безвыходномъ кругу подлоговъ. Морозову, скажемъ, не нравятся два-три сочиненія; онъ объявляетъ ихъ подложными. Но на эти сочиненія встрѣчаются ссылки въ десяткѣ другихъ сочиненій, Морозовъ и эти объявляетъ подложными; на этотъ десятокъ имѣются указанія уже въ сотнѣ другихъ и эти подложныя. Въ концѣ концовъ могутъ оказаться дѣйствительно научными, а не подложными, только произведенія самого Морозова.

2) Эрнъ В. Цит. ст., стр. 297.

Мы, конечно, не можемъ раздѣлять съ Морозовымъ его взглѣдъ на подложность древней литературы, потому прислушаемся къ ея голосу, особенно, относительно Апокалипсиса, такъ какъ пророческія книги, по Морозову, написаны уже послѣ Апокалипсиса и въ тѣсной зависимости отъ него.

Црвнія литература дасть намъ длинный рядъ свидѣтельствъ о существованіи Апокалипсиса уже изъ I и II вѣковъ. Такъ, изъ I вѣка цитаты изъ Апокалипсиса встрѣчаются въ посланіи Клиmenta Римскаго къ Коринѣянамъ и въ „Пастырѣ“ Ерма; изъ II вѣка: у Поликарпа Смирнскаго, Папія Іерапольскаго, Игнатія Богоносца, Іустина Философа, Поликрата еп. Ефесскаго, Мелитона Сардійскаго, Феофila Антіохійскаго, Аполлонія Малоазійскаго, Иринея Ліонскаго и, наконецъ, въ такъ наз., Мураторіевомъ спискѣ каноническихъ книгъ¹), Укажемъ еще изъ III вѣка Клиmenta Александрийскаго, Тертулліана и Оригена, противъ которыхъ Морозовъ выступаетъ съ опроверженіями въ приложеніи къ своему „Откровенію“ (стр. 315—320).

Что касается дискредитируемыхъ Морозовымъ пророческихъ книгъ, то существование ихъ за цѣлые вѣка раньше назначаемаго Морозовымъ времени написанія ихъ подтверждается безконечнымъ рядомъ свидѣтельствъ: священныхъ ново-завѣтныхъ книгъ, особенно — Евангелій, свѣтскихъ писателей — Филона и Іосифа Флавія, отцовъ Церкви и церковныхъ писателей первыхъ четырехъ вѣковъ и т. д.²), а также — переводами — греческимъ LXX, сирскимъ, отчасти — Феодотіона, латинскимъ, таргумомъ Іонаѳана³) и проч.

Какъ же защищается Морозовъ противъ такого множества свидѣтелей, обличающихъ его ложь? Понятно, что о серьезной защите не можетъ быть и рѣчи: она немыслима. И Морозову приходится такъ и сякъ изворачиваться въ на-

¹) Гамолко И. Каноническое достоинство Апокалипсиса Св. Ап. Іоанна Богослова по свидѣтельству церковнаго преданія I—II вѣка. „Христ. Чт.“ 1913, февраль—мартъ.

²) Юнгеровъ П. Частное историко-критическое введеніе въ священные ветхозавѣтныя книги. Казань. 1907. Вып. II, стр. 51, 69, 85, 106 и 113.

³) Вигуру Ф. Руководство къ чтенію и изученію Библіи. Ветхій Завѣтъ, т. I. Переводъ В. В. Воронцова. Москва 1897. Стр. 44, 115, 123, 133, 139 и 148.

деждѣ, что найдутся такие читатели (разумѣется, враги Слова Божія), которые захотятъ *повѣрить* его голословнымъ утвержденіямъ и его авторитету.

Прежде всего, сочиненія древнихъ писателей не заслуживаютъ довѣрія Морозова потому, что эти сочиненія онъ видѣлъ лишь въ изданіяхъ 16 — 17 вѣковъ, не древнѣе. Удивительная непослѣдовательность! А, вѣдь, самъ Морозовъ въ книгу своихъ „Пророковъ“, вмѣсто картинъ изъ V вѣка, вставляетъ картины изъ книгъ 15 — 16 вѣковъ и придаетъ этимъ картинамъ огромную цѣнность.

Такъ называемый, Синайскій кодексъ священныхъ книгъ, относимый учеными къ IV вѣку по Р. Хр., вызываетъ недовѣріе Морозова удовлетворительнымъ состояніемъ своихъ внутреннихъ листовъ: вѣдь „монахи, которые имъ пользовались, считали за подвигъ благочестія никогда въ жизни не мыться, а книги часто роняли на полъ, хватая, какъ попало, и употребляя на покрышку сосудовъ“ („Пророки“, стр. 258 — 259). Откуда Морозову известно, что таково именно было обращеніе съ Синайскимъ кодексомъ?

Относительно сочиненій св. Иринея Ліонскаго Морозовъ сознается, что въ нихъ „ссылки на нашъ библейскій Апокалипсисъ обильны и никакъ не могутъ быть объяснены вставками средневѣковыхъ корректоровъ и дополнителей“ („Откровеніе“, стр. 318). Это обстоятельство располагаетъ Морозова заняться „историко-лингвистическими соображеніями“; но тутъ на выручку является Гарнакъ, который яко-бы опередилъ Морозова и доказалъ, что книга Иринея подложна и написана не раньше начала V вѣка („Откровеніе“, стр. 318). Однако, цитать изъ сочиненій Гарнака Морозовъ предусмотрительно не приводить: авось, ему повѣрять и на слово. Тѣ же, которые захотятъ провѣрить ссылку Морозова, найдутъ, что Гарнакъ въ своей „Хронологіи древне-христіанской литературы“ (Die Chronologie d. altchristliche Litteratur bis Eusebius) ни слова не говоритъ о томъ, что сочиненіе св. Иринея „Пять книгъ противъ ересей“ написано не во II, а въ V вѣкѣ; мало того, въ одной изъ лучшихъ исторій древне-христіанской литературы — Bardenhewer'a (Geschichte d. altkirchlichen Litteratur) изъ главы о сочиненіяхъ Иринея можно видѣть, что и вообще въ критической литературѣ

нѣть ничьихъ отдельныхъ, частныхъ мнѣній объ отнесеніи „Пяти книгъ“ Иринея къ V вѣку¹⁾.

Но шедевръ защиты Морозова противъ сочиненій, обличающихъ его датировку Апокалипсиса и Пророковъ, составляетъ объявление этихъ сочиненій подложными на основаніи той же Морозовской датировки, которую они опровергаютъ. Такъ про одно мѣсто изъ сочиненій Клиmentа Александрийскаго Морозовъ говорить: „это мѣсто представляетъ несомнѣнно цитату изъ нашего библейскаго Апокалипсиса и потому не можетъ быть написано ранье, чѣмъ въ V вѣкѣ“ („Откровеніе“, стр. 316). Относительно древнихъ кодексовъ Священнаго Писанія Морозовъ говоритъ: „уже и безъ специального ихъ осмотра, одно наше вышеприведенное астрономическое и литературное изслѣдованіе пророческихъ книгъ Библіи достаточно показываетъ, что ни одинъ изъ такихъ кодексовъ не можетъ быть отнесенъ даже и къ VI вѣку“ („Пророки“, стр. 261).

Такой пріемъ аргументаціи позволяетъ намъ вполнѣ согласиться съ однимъ изъ рецензентовъ Морозова, который, не смотря на всю свою симпатію къ послѣднему, находить у него „невинность въ отношеніи настоящей науки“ и „полное разстройство логическихъ механизмовъ“²⁾.

. При всемъ томъ, однако, мы видимъ, что на книги Морозова находятся читатели, книги эти расходятся тысячами, ими увлекаются, какъ модными, не смотря на все ихъ ничтожество. Всякій вѣрующій въ книги Св. Писанія, какъ слово Божіе, не долженъ смущаться этимъ моднымъ течениемъ; а газетныя „танцующія жабы“ слишкомъ рано спѣшать выражать свой восторгъ, что „до сихъ поръ мы (?) считали Апокалипсисъ произведеніемъ I вѣка, а теперь неопровержимо доказано, что онъ написанъ въ концѣ четвертаго“³⁾. Не Морозовымъ, съ ихъ астрономическими методами, невѣжествомъ въ историко-филологическомъ отношеніи, игнорированіемъ законовъ логики, подлогами и т. под. „научными“ пріемами, поколебать то, во что вѣрить Церковь,

1) Эрнъ В. Цит. ст., стр. 306.

2) Львовъ С. Цит. ст.

3) Эрнъ В. Цит. ст., стр. 284 (изъ газеты „Парусъ“).

что закрѣплено и многовѣковыми изслѣдованіями и выводами безпристрастной науки.

И съ какими бы методами ни нападали на Слово Божіе его враги, какъ бы ни казались непреложными и неминуемо побивающими церковную традицію эти методы; позиція нападающихъ всегда останется неустойчивой, слабой и беззащитной иллюзіей, а ихъ нападеніе—покушеніемъ съ негодными средствами: „ибо у Бога не останется безсильнымъ никакое слово“ (Лук. I, 27).

И. д. доцента Петроградской Дух. Академіи

Свящ. **В. Зыковъ.**

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Великъ Богъ Земли Русской!*)

— **Великъ Богъ Земли Русской!**—Такъ трубнымъ гласомъ изстари возвѣщала Святая Русь въ годины тяжкихъ военныхъ браней и, колѣнопреклонно плѣняя себя въ послушаніе Богу, Царю царей, силою Божею побѣдно отражала и сама себѣ плѣняла тьмы-темъ вражьихъ полчищъ.

Великъ Богъ Земли Русской!—И въ настоящій грозный часъ военной брани воскликнулъ **Державный Вождь** Святой Руси,—и силою Божею вся Русь возстала нерушимою стѣною на дерзкаго и жестоковынаго врага.

Возстала!..—и въ лицѣ насељниковъ своей столицы притекла къ этому тихому пристанищу отдать себя по стародавнему въ плѣнъ своей скорой Помощницѣ и Заступницѣ, дабы у Нея, какъ изъ неисчерпаемаго источника, почерпнуть себѣ духовной мочи для побѣдной брани съ ордами новыхъ вандаловъ.

И невольно, отъ сладостной сердечной истомы, уста восклицаютъ: „какъ хорошо намъ здѣсь быти!“ Здѣсь, въ этомъ свѣтозарномъ облакѣ дивнаго величія Божіей Матери, явленнаго Ею въ вѣкахъ Святой Руси! Вотъ Она двумя колоннадами Своей храмины точно руками обнимаетъ и благословляетъ двухъ витязей Русской Земли, стяжавшихъ славу Россіи на бранномъ полѣ начала прошлаго вѣка. Вотъ Она подъ колоннадами

*) Это слово было произнесено въ Петроградѣ, съ панерти Казанскаго собора, въ день народнаго моленія 17 августа о дарованіи русскому воинству побѣды).

Своей храмины собрала и нась, какъ собираетъ птица своихъ птенцовъ подъ крылья свои въ непогоду..

Собрала!..—и воспарила нашъ духъ въ небесную высь,—къ Тому, въ Чьей мышцѣ судьбы царей и царствъ, къ Тому, Чья мышца сокрушила сердца надменныхъ, низложила сильныхъ съ престоловъ и вознесла смиренныхъ!..

Горе тому, кто скрылъ отъ себя мышцу Господню, слѣпивъ глаза свои и окаменивъ сердце свое!

Вотъ онъ *себя* вознесъ на высоту, и съ высокой горы *себя* возмнилъ владыкой и царемъ вселенной. Онъ обнажилъ тяжелый мечъ въ порабощеніе народовъ. Онъ заковалъ себя въ броню отъ ихъ ударовъ. Онъ загасиль въ своемъ сердцѣ послѣднюю искру Божьей любви къ подобнымъ себѣ и зарычалъ: „жаль, что все человѣчество не имѣетъ одной головы, чтобы однимъ взмахомъ меча обезглавить весь міръ!“—Но въ этотъ моментъ высшаго сознанія своей мощи, точно пращею Давида, онъ былъ сраженъ мышцею Господнею и съ ужасомъ узрѣлъ, что онъ не человѣкъ, а звѣрь, что есть онъ губку, напитанную кровью сраженныхъ имъ людей, и пьетъ слезы тысячи обездоленныхъ имъ семей. Узрѣлъ... и спалъ съ него покровъ, которымъ онъ такъ старательно даже отъ себя самого скрывалъ свой подлинный, звѣриный обликъ, и бѣжалъ онъ въ чащу дѣвственныхъ лѣсовъ...

Какъ ярко эта страшная драма человѣческой гордыни проходитъ предъ нами на сценѣ нѣмецкихъ странъ!

Потомки древнихъ вандаловъ, во главѣ съ новыми Гензерихами, нѣмецкіе народы возмнили владѣть вселенной. Закованные въ броню, съ багровымъ отъ прлива крови лицомъ, съ дикой угрозой оставить людямъ только глаза, чтобы они оплакивали свое горе,—нѣмецкія орды ринулись на міровую брань, на новое ван-

дальское сокрушеніе міровой, изъ христіанской колыбели расцвѣтшей, культуры. И спалъ съ нихъ, во мгновеніе ока, тысячелѣтній христіанскій покровъ, и міръ увидѣлъ предъ собою самыхъ страшныхъ *двуногихъ* звѣрей. Упоенные своею животною силою, они возмнили заковать въ цѣпи рабства всю вселенную!.. Но порвутся звенья этой цѣпи и ударитъ она однимъ концомъ по Австріи, другимъ-же по Германіи. Обнажитъ Господь на страны нѣмецкія мышцу свою высокую, и всѣ народы узрятъ праведный Судъ Божій. Въ преисподнюю будетъ низвержена гордыня нѣмецкая со всѣмъ ея шумомъ,— подъ нею уже подстилается червь, и черви будутъ покровомъ ея.

Уже собралъ Господь изъ-подъ русскихъ стрѣхъ, подъ омофоромъ Царицы Небесной, птенцовъ Своихъ на брань противъ гордыни нѣмецкой. Собралъ и Самъ сталъ облакомъ защитнымъ впереди русского стана противъ новыхъ фараоновъ новыхъ египетскихъ полчищъ.

И по зову Державнаго Вождя Русской Земли потекла Святая Русь на бранное поле постоять за дѣло Божье, за торжество правды и права надъ силою, за благо слабыхъ и угнетенныхъ.

Богъ въ помощь тебѣ, русская христолюбивая рать!
Богъ въ помощь и вамъ, соратники русского воинства!

А мы, оставшіеся здѣсь, приготовимъ цѣлебный елей, дабы уврачевать раны страждущихъ воиновъ Русской Земли,—сплотимся, чтобы благостиною утереть слезы бѣдствующихъ воинскихъ семей.

И будетъ надъ всѣми нами мышца Господня и дивный омофоръ Царицы Небесной отъ зари до зари. И со дерзновеніемъ всѣ мы воскликнемъ:

Великъ Богъ Земли Русской и силою Божею прославится Святая Русь!

Ей, Господи, буди!.. Аминь.

И. Айвазовъ.

Война съ христіаҳской точки зреҳія.

Христіанскій міръ, снова втянуть сплоу вещей въ ожесточенную войну. Идетъ борьба на смерть между двумя противоположными началами жизни: между началомъ бронированаго насилия и началомъ культурнаго развитія, путемъ мирной работы. Снова миллионы людей стали другъ противъ друга, съ ожесточеннымъ упорствомъ защищая свои идеалы, снова потоки крови заливаютъ землю, снова сотни тысяч семействъ выбиваются изъ привычной для нихъ жизненной колеи... Вѣрюющій, конечно, не смутится свыше мѣры этимъ печальнымъ зреҳицемъ: „услышите о войнахъ и о военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь; ибо надлежить всему тому быть—звучить въ его ушахъ пророчествующій голосъ Господа-Спасителя. Сколько бы ни мечтали люди о золотыхъ временахъ всеобщаго міра, сколько бы ни говорили о необходимости разоруженія народовъ—войны не прекратятся, пока не „пройдетъ образъ міра сего“. Всеобщій миръ—это, дѣйствительно, тотъ свѣтлаций, манящій къ себѣ идеаль, во имя котораго можно и нужно работать, но этотъ идеаль, какъ и вообще все святое, достигается не единичнымъ измѣненіемъ тѣхъ или иныхъ виѣшнихъ формъ жизни, а преобразованіемъ внутренняго существа бытія, перерожденіемъ тѣхъ началъ, во имя которыхъ народы напрягаютъ свои силы. Поэтому, если война началась, ведется, это показатель, что „образъ міра сего“, со всѣмъ богатствомъ его себялюбиваго содержанія, раздѣляющаго людей другъ отъ друга, дѣлающаго ихъ изъ братьевъ-дѣтей Отца Небеснаго непримиримыми врагами, еще далеко не изгладился въ душѣ человѣчества... Что дѣлать тогда христіанину? Ратовать за прекращеніе войны?—но это равносильно стремленію дощечкой удер-

жать водный потокъ. Самому отказаться отъ какого бы то ни было участія въ войнѣ? Но едва-ли будетъ по-христіански отойти совершенно въ сторону тамъ, гдѣ на учетѣ каждая единица, когда отказъ одной стороны отъ борьбы можетъ обозначать не только ея гибель, но и поруганіе высшихъ идей справедливости и состраданія. Оказывать лишь милосердіе гибнущимъ или страдающимъ отъ ужасовъ войны? Да, это, конечно, христіанское дѣло, имѣющее самодовлѣющу цѣнность, но, вѣдь, милосердіе въ силу своей внутренней красоты, высоко само по себѣ, и служеніе ему не есть еще разрѣшеніе вопроса объ отношеніи христіанина, собственно, къ войнѣ. Пройти же мимо такого мощнаго по своему захвату явленія, какъ война, христіанинъ не можетъ уже просто въ силу заповѣди Апостола! „все испытывайте, доброго держитесь“. Итакъ, идти на войну? Конечно, ставя такой вопросъ, разумѣемъ не только непосредственное участіе въ бояхъ, но и оказаніе поддержки воюющимъ въ сознаніи правоты самого акта борьбы, потому что этическая цѣнность того и другого поступка можетъ быть совершенно равнозначуща. Однако и на этотъ вопросъ иной разъ не дается прямого, категорического отвѣта: „да“; не будемъ говорить объ уклончивыхъ отвѣтахъ, диктуемыхъ мелкимъ чувствомъ эгоизма, обратимъ вниманіе на то, что совѣсть нѣкоторыхъ искренне смущается участіемъ въ убіеніи людей, при чемъ война трактуется, именно, какъ простая бойня. „Помилуйте, быть христіаниномъ и однимъ выстрѣломъ отнимать жизнь у сотенъ людей, хотяихъ жить?..

Исповѣдывать „не убій“ и—вести на убійство сотни тысячъ наивныхъ простецовъ?.. Покланяться кресту, убившему вражду, и съ крестомъ въ рукахъ возбуждать всесокрушающую ярость на враговъ!.. „Это ли не противрѣчія?“ Такъ говорять, и людямъ, призывающимъ къ развитію государственной моціи въ минуты испытаній для родины, необходимо умѣть дать отвѣтъ на недоумѣнія подобнаго рода.

Въ чёмъ существо войны?

Когда хотять показать несовмѣстимость (принципіальность) христіанского званія съ военнымъ, слѣдовательно, невозможность для вѣрующаго христіанина участвовать въ войнѣ, строить такое умозаключеніе: Убійство запрещается

христіанствомъ; война—массовое убійство; слѣдователію, война запрещается христіанствомъ. Повидимому разсужденіе до очевидности ясное и безусловно правильное; многимъ оно и кажется таковымъ. Но посмотримъ ближе.

Прежде всего нѣтъ никакихъ основаній признавать внутреннюю состоятельность сужденія первой посылки. Запрещеніе возможно лишь тамъ, гдѣ опредѣляется возмездіе за нарушеніе запрещенія; запрещеніе—это признакъ юридическихъ отношеній, оно и имѣло мѣсто и полную значимость въ укладѣ Ветхаго Завѣта, гдѣ опредѣленно говорилось: „не убивай; кто же убьетъ, подлежитъ суду“ (Мо. V, 21, ср. Иск. XX, 13). Тамъ можно было сказать *не убивай*, потому что кое-что изъ внутренней сущности акта, классифицируемаго, какъ убійство, допускалось: допускалось—или вѣрнѣе, признавалось естественнымъ—раздраженіе, озлобленіе, даже ненависть, мстящая „око за око, зубъ за зубъ“... Ставилась лишь опредѣленная черта, далъше которой запрещалось развиваться враждебному чувству. Не то въ христіанствѣ. „Я говорю вамъ, что всякий, гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду“ (ст. 22). Ужъ если говорить объ отвѣтственности, то ей въ равной степени подлежитъ и всякий, гнѣвающійся напрасно на брата своего; униженіе—то же убійство; гнѣвъ напрасный, раздраженіе, озлобленіе, ненависть убійство—все это ступени одного и того же строя жизни, совершенно противоположного благодарному устроенію царства Христова; въ послѣднемъ все—„правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ“, а всякаго рода отступленія отъ этого настроенія свидѣтельствуютъ объ отдаленіи человѣчества отъ лучезарныхъ идеаловъ благовѣстія Христова.

Ничто не запрещаетъ Евангеліе. Оно говорить не рабамъ, а свободнымъ, оно не угрожаетъ претыкающемуся, а любовно раскрываетъ передъ немощнымъ природу Божественной любвеобильной правды. Оно не оплетаетъ человѣка мелкой сѣтью житейскихъ предписаній, противъ которыхъ разумъ всегда могъ бы при желаніи возстать со своимъ надмѣвающимъ вопросомъ: „почему то-то и то-то нельзя?“ Христово благовѣстіе охватываетъ жизнь во всей ея цѣлостности съ горныхъ высотъ, вскрывая жизнь въ Богѣ и въ Бога. Тутъ нѣтъ какого-то зоркаго наблюдателя, слѣ-

дящаго за малѣйшимъ отступленіемъ раба отъ предписанаго ему правила поведенія и учитывающаго каждый такой промахъ при окончательной расплатѣ; тутъ просто два пути жизни, приводящіе каждый къ естественному для себя завершенію: къ общенію со Спасителемъ міра или къ „смерти въ озерѣ жупельномъ“... Въ томъ и абсолютность христіанства, что оно имѣеть задачей не ограничивать отдѣльныхъ проявленій злой воли человѣка, а стремиться парализовать самую эту злую, грѣховную волю.

Все, что отъ грѣха, то внѣ божественной жизни; оно не имѣеть никакихъ точекъ соприкосновенія со свѣтомъ жизни, а потому относительно его и не возникаетъ вопроса: „можно или нельзя“?

„Все мнѣ позволительно—но не все полезно“.. Вотъ что является критеріемъ въ оцѣнкѣ дѣйствительности: одно полезно, т. к. ведеть къ пріобрѣтенію Царствія, этой драгоценнѣйшей жемчужины, ради которой можно все рѣшительно оставить, другое вредно, потому что приготовляетъ безконечную горечь вѣчныхъ страданій.

Отсюда, по отношенію къ рассматриваемому нами вопросу, выводъ будетъ тотъ, что нельзя говорить о запрещеніи убийства христіанствомъ, можно лишь признать, что убийство—актъ, противъ котораго слышится постоянный протестъ человѣческой совѣсти—стоить въ плоскости, совершенно противоположной христіанству, исключается христіанствомъ.

Какое же измѣненіе вносится въ рассматриваемое нами положеніе настоящей поправкой? Во-первыхъ: когда говорить о запрещеніи, то актъ запрещаемый признается имѣющимъ право на самостоятельное существованіе, признается самодовлѣющей цѣнностью; исключеніе же убийства изъ сферы примѣненія христіанскихъ началъ, въ которыхъ заключается истинная жизнь, означаетъ признаніе мертвящей по существу своему природы исключаемаго.-

Во-вторыхъ: при запрещеніи можетъ возникать вопросъ о правѣ человѣка на совершение запрещаемаго поступка, при исключеніи—такой вопросъ отпадаетъ, и для усвоившаго известныя начала жизни является органически невозможнымъ компромиссъ съ началомъ противоположнымъ. Слѣдствіе для нашего предмета будетъ то, что христіанинъ (разумѣемъ—идеальный) не убьетъ: вкушившій отъ жизни не

уничтожить ростка жизни. Если же война есть „массовое убийство“ и только,—христіанинъ не станет воевать...

Все, что исключается христіанствомъ, есть грѣхъ, поэтому и война, трактуемая, какъ массовое убийство,—грѣхъ. Но справедливо ли самое определение: война—убийство? На войнѣ убиваются—это правда; но носить ли на себѣ всякая война ту печать внутреннихъ настроений, которыхъ обуславливаютъ собою грѣховность убийства? Вѣдь „грѣхъ“ не въ самомъ актѣ прекращенія тѣлесной жизни того или иного субъекта, прекращеніе земного бытія для каждого—дѣло Промысла Божія; грѣховно внутреннее состояніе убивающего, и если оно тождественно съ настроениемъ всякаго воюющаго государства и каждого воина въ отдельности, то война—безусловно грѣхъ, и молить, напримѣръ, Бога о помощи воюющимъ—преступно.

Что такое убийство, какъ грѣхъ, по своей этической сторонѣ?

Христіанство прежде всего религія личности. Оно имѣеть цѣлью устроить внутреннюю жизнь отдельного человѣка, упорядочить этимъ путемъ его индивидуальныя отношенія и затѣмъ изъ такихъ освященныхъ особей уже создать колективный организмъ—Царство Божіе. Поэтому и основанія для уясненія грѣховности убийства слѣдуетъ искать прежде всего въ психологіи убивающего.

Личная ненависть, жажда обогащенія или устроенія своей жизни на счетъ другого, приступъ горячности—вотъ стимулы, толкающіе на совершеніе убийства.

Ясно, что каждое изъ этихъ основаній есть тотъ или иной видъ грубаго эгоизма. Только безграничное самоутвержденіе своей личности, себялюбивое преклоненіе передъ своимъ „я“ можетъ заставить человѣка отважиться на уничтоженіе жизни другого, такъ или иначе оскорбившаго его; это же самоутвержденіе побуждаетъ человѣка не ставить никакихъ преградъ своимъ желаніямъ, какъ бы они ни были безразсудны; если осуществленіе ихъ тормозиться той или другой личностью, себялюбивый человѣкъ не останавливается передъ тѣмъ, чтобы убрать такую личность съ дороги.

Аффектъ ярости, отнимающей жизнь отъ другого, это-же—въ сущности—ничто иное, какъ распущенный эгоизмъ, не умѣющій ставить себя въ границы смиренія. Такимъ обра-

зомъ, какъ высшее проявленіе эгоизма,—убийство, именно, въ силу преимущества этого мотива есть грѣхъ: „грѣхъ есть беззаконіе“—поставленіе закона своей воли на мѣсто Бого-учрежденныхъ законовъ человѣческой жизни—смиренія, любви и справедливости. Если же убийство не будетъ носить на себѣ этой эгоистической окраски, оно лишается и характера грѣховности по своей психологической сторонѣ. Правда, почти нѣть частнаго случая убийства, когда человѣкъ не чувствовалъ бы себя виновнымъ; даже, такъ называемыя невольныя убийства оставляютъ обычно въ чуткой совѣсти виновника ихъ чувство самоосужденія. Но тутъ причина лежитъ уже въ другомъ: именно, въ сознаніи недостаточно внимательнаго и бережнаго отношенія къ ближнему. Нѣть безгрѣшнаго убийства въ обыденной жизни, но есть такія убийства на войнѣ.—И вотъ почему.

Войну отнюдь не слѣдуетъ квалифицировать, какъ массовое убийство—и только. Вѣрно, что нѣть войны безъ жертвъ, и чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ число жертвъ все больше и больше увеличивается; но развѣ двигающая идея войны обязательно въ возможномъ истребленіи непріятеля, ради самаго истребленія?

Нѣть никакихъ основаній такъ думать. Что ненависть (даже прямо личная), направляющая специально къ убийству врага, развивается на войнѣ, въ этомъ приходится—къ сожалѣнію—съ грустью сознаваться, но цѣлый народъ въ массѣ своей никогда не начинаетъ войну только для того, чтобы уничтожить возможно болѣе единицъ врага. Будь это такъ, ни одна война не оканчивалась бы миромъ, т.-какъ желаніе народа насытилось бы лишь при совершенномъ истребленіи ненавистныхъ сосѣдей. Ещѣ менѣе можно думать, что правители государствъ, ведущіе тонкую и сложную дипломатическую игру, начинаютъ войну съ тѣмъ, чтобы только убивать и убивать людей. Бывають, впрочемъ войны, продиктованныя исключительно ненавистью и сводящіяся къ возможно большему истребленію враговъ; таковы войны дикарей, когда племя можетъ остановиться въ своемъ набѣгѣ на сосѣдей, лишь совершенно уничтоживъ ихъ; таковыми могутъ быть и войны современныхъ варваровъ, если они ставятъ себѣ цѣлью безсмысленную жестокости. Въ послѣднемъ случаѣ война становится, дѣйствительно, массо-

вымъ убійствомъ, и тъмъ грѣховнѣе она, чѣмъ къ большимъ сокровищницамъ духовной культуры имѣть доступъ воюющій народъ. Участіе въ такой войнѣ, веденіе ея съ такимъ настроениемъ человѣконенавистничества, и ужъ, конечно, организація правителями такой войны для христіанина преступна.

Если же такой братоубійственной ненависти по отношенію къ врагамъ нѣть, то первого основанія дѣлающаго убійство грѣхомъ, по отношенію къ войнѣ не остается.

Точно также приходится разрѣшить вопросъ и относительно второго побужденія къ убійству—относительно жажды обогащенія. Не каждая война ведется ради этой цѣли. Если врагъ нападаетъ на святыни народныя, стремится изгладить изъ жизни духовный обликъ известной націи, если онъ подобно лавѣ смываетъ на своеемъ пути всѣ рѣшительно преграды—возстать противъ такого натиска не есть стремленіе къ наживѣ. Если война начинается потому, что нѣть возможности спокойно смотрѣть на притѣсненія сильнымъ, слабаго, послѣ того, какъ употреблены всѣ средства воздѣйствія, то и здѣсь, очевидно, жажды наживы отсутствуетъ, и такая война можетъ быть ненгрѣховной.

О грѣховномъ упоеніи гнѣвомъ, не имѣющемъ никакого удержу, обѣ аффектъ вообще, нѣть почти данныхъ говорить по отношенію къ правителямъ, объявляющимъ войну. Каждый, не потерявший разума, отлично сознаетъ, съ какими тягостями для его народа связано веденіе всякой войны. Да и самая война, въ виду грандіозности своего размаха, конечно, не можетъ разматриваться, какъ проявленіе аффекта.

Такимъ образомъ отпадаютъ побужденія разматривать всякую войну обязательно, какъ массовое убійство. Люди убиваются, но ихъ можетъ убивать отнюдь не съ настроениемъ убійцъ.

Если же колеблется состоятельность второго сужденія въ силлогизмѣ, направленномъ противъ войны, то измѣняется и окончательный выводъ: „война исключается христіанствомъ“, т. е. ближе къ конкретной дѣйствительности получается положеніе: „если христіанинъ (идеальный) не убьетъ, это еще не значитъ, что онъ не станетъ воевать“...

Не нужно смущаться кажущейся странностью подобного положения. Самая странность его для насъ объясняется привычкой къ известнымъ трафаретнымъ суждениямъ. За него же говорять тѣ факты, что люди съ кристально-чистой душой, обвѣянные всецѣло благодатнымъ духомъ ученія Христова, впитавшіе въ себя этотъ духъ, благословляли на войну, сами на войнѣ убивали сотни враговъ. Достаточно вспомнить преп. Сергія Радонежскаго, или св. Александра Невскаго.

Все дѣло въ томъ, съ какимъ духовнымъ содержаніемъ идуть въ бой сражающіеся. Глава государства можетъ объявить войну лишь потому, что, стоя на стражѣ охраненія народного бытія со всей полнотой его содержанія, онъ не можетъ допустить расхищенія этого неоцѣнимаго богатства; или онъ можетъ кликнуть военный кличъ, чтобы пресѣчь злодѣйства сосѣдей, вступиться за поруганное ими право. Ему не важно убійство людей, ему важна идея, ради которой онъ ополчится... Въ этомъ случаѣ убійство совершается, но въ его возникновеніи виновата не война по природѣ своей—прекратиться вопіющая несправедливость или насилие врага, и война прекратится. Высокая идея можетъ заставить обнажить мечь. Почему къ такой мѣрѣ приходится прибѣгать? потому что ни за что такъ не цѣпляется человѣкъ какъ за жизнь, и угроза послѣдней можетъ всего скорѣе заставить его образумиться.

И даже слѣдуетъ во имя высшей правды (но только во имя ея) прибѣгать къ такимъ ужасающимъ по своей природѣ мѣрамъ. Слѣдуетъ, потому что „нѣть больше той любви, какъ если кто душу свою положить за други“...— и если человѣкъ—также и народъ въ цѣломъ—любить право и правду и эту основу жизни берется защищать оружиемъ, онъ не насильничаетъ во имя эгоизма, а приносить жертву за реализацію высокой идеи.

Вѣдь на войнѣ каждый въ отдѣльности и каждая изъ воюющихъ сторонъ—подвергаютъ себя такому же риску, какому подвергаютъ и врага. Здѣсь не отдѣльныя личности играютъ роль, а высота идеи, за которую сражаются. Александръ Невскій вовсе не желалъ отнимать жизнь у шведовъ и нѣмцевъ, но отстаивалъ самостоятельность славянскаго развитія и младенческій въ вѣрѣ народъ. А св. митропо-

лить Алексѣй—великій патріотъ—любившій всѣхъ настолько, что своими молитвами могъ исцѣлить жену хана, подготовилъ Димитрія Донского не для того, чтобы только истребить татаръ, но чтобы путемъ борбы съ ними привести Русь къ освобожденію отъ монгольского ига.

И люди, одушевленные вѣрой въ идеалы, идуть въ бой, идуть смѣло, не боясь лишеній, не страшась ужасовъ военной непогоды, забывая о себѣ, лишь бы спасти идеалъ... Настроеніе такого войска совершенно не похоже на настроеніе убійцъ.

Слѣдовательно, о грѣхѣ—по его психологической сторонѣ—тутъ не приходится говорить. Если съ такимъ настроеніемъ идеть христіанинъ въ бой, онъ не грѣшитъ. Гдѣ тутъ грѣхъ? Для него убійство даже не средство—оно стихійное слѣдствіе его горячаго пылкаго духа, одушевленнаго высокими идеями.

Тутъ только можно жалѣть, зачѣмъ возникаютъ такія слѣдствія? Но этотъ вопросъ свое разрѣшеніе получаетъ уже въ общихъ созерцаніяхъ Божественнаго Промысла о мірѣ—съ одной стороны—и въ несовершенствѣ человѣка—съ другой.

Война—бичъ Божій. Господь громомъ войны пробуждаетъ сердца, призывая къ себѣ тѣхъ, кого нужно призвать; и несовершенство человѣка, попирающаго законы любви превращается силой Божіей въ орудіе. Его вразумляющей любви.

Когда возникаетъ война, страшно, что опять произошло ужасное потрясеніе духовнаго организма человѣчества, ужасно, что законы жизни вновь нарушены гдѣ-то злой волей человѣка... Въ этомъ смыслѣ, по своему первоисточнику, война есть слѣдствіе зла. Она приносить массу бѣдствій, страданій, горя въ своемъ естественномъ развитіи, но это все по природѣ своей не обязательно зло.

Зломъ оно можетъ быть, если война превращается въ бойню. Кровь можетъ людей превратить въ звѣрей—вотъ въ чёмъ опасность войны! Если это случается, если врагъ иден становится личнымъ врагомъ, по отношенію къ которому считается дозволеннымъ все, тогда изъ великой жертвы войны становится убійствомъ, которое свидѣтельствуетъ, что сражается не христіанинъ. Христіанинъ долженъ опасаться

превратиться на войнѣ въ простого убійцу, дѣйствующаго въ порывѣ личной ненависти, жажды наживы, или дикаго озвѣренія: тогда война влечеть безсмысленныя жестокости къ раненымъ, къ плѣннымъ, къ невоюющимъ, даже къ женщинамъ, дѣтямъ. Если же силится человѣкъ и на войнѣ остаться христіаниномъ, то его не покидаетъ ни жалость къ раненымъ, ни дружелюбіе къ мирному непріятельскому населенію. Повсюду такой человѣкъ несетъ минимумъ разрушения, избѣгая лишней жестокости.

Конечно, такое настроеніе удержать крайне трудно, но трудность не есть невозможность... Въ виду именно этой трудности война пріобрѣтаетъ характеръ *подвига*. Очень сильно искушеніе взглянуть на войну, какъ на бойню, но христіанинъ такъ не посмотритъ. Напряженіемъ всѣй своей воли онъ долженъ стараться и старается смотрѣть на войну, какъ на печальную только необходимость, потому что вѣяніе смерти заставляетъ содрогаться любящаго жизнь—сферу общенія земли съ небомъ...

Поэтому христіанинъ - начальникъ войска зоветъ не убивать, а защищать справедливость, какихъ бы жертвъ это ни стоило; сражающійся отдаетъ себя во имя идеи, противоборствуя торжеству несправедливости; воодушевляющій войска крестомъ напоминаетъ о тихомъ сіяніи Вѣчной любви, которое не должно багровѣть и исчезать отъ пролитой крови...

Всѣ эти размышенія приводятъ въ концѣ-концовъ къ выводу, что война есть результатъ нарушенія нравственного равновѣсія міра благодаря эгоистической вспышки какогонибудь народа. Война для народовъ, ведущаго ее на этомъ фонѣ насилия, захвата для самообогащенія чужихъ владѣній, есть грѣхъ, и такой народъ не христіанинъ, ибо *такую* войну христіанство исключаетъ. Но когда равновѣсіе нарушено, не только не противно природѣ христіанства, но прямо требуется его, возстать на защиту попранныго права или слабаго оскорблennаго народа. А кому костыми лечь въ борьбѣ—дѣло Божье... Защищающій можетъ съ дерзновеніемъ взывать и къ Богу о помощи, можетъ надѣяться на него, потому что защищаетъ святое дѣло. Въ этомъ случаѣ война подвигъ—подвигъ самоограниченія во имя долга...

„Надлежитъ быть войнамъ“... Чѣмъ дальше развивается свой бѣгъ колесо міровой жизни, тѣмъ отчетливѣе становиться голосъ церкви.

вится разграничение добра и зла.—Борьба между ними обостряется, а отсюда усиливаются и войны. Безъ колебаний, съ вѣрой въ торжество истины долженъ идти христіанинъ на защиту добра, искупая свою невольную вину отнятія жизни у другого жертвой себя самого великому дѣлу!.. Надо шире смотрѣть на происходящее, оцѣнивая его въ нравственномъ отношеніи. Дай Богъ, чтобы войны были рѣже, дай Богъ, чтобы онъ были менѣе кровопролитными, но пока зло существуетъ, и пламень войны разгорается, будетъ не по христіански давать развиваться злу.—А если попускаютъ совершаться сознательному нравственному беззаконію—покакаютъ, содѣйствуютъ злу.—Отъ этого Богъ избави!

Свящ. Н. Платоновъ.

Зеркало жизни.

IV.

Две морали.

(Къ борьбѣ за трезвость).

Недавно газеты оповѣстили, что одинъ изъ сановниковъ, имѣющій въ дѣлѣ отрезвленія Руси огромное значеніе, заявилъ, что, трезвость надо насаждать только въ народѣ, и что интеллигентія русская не нуждается-де въ „трезвеннѣй опекѣ“, почему перворазрядные трактиры, рестораны и фешенебельные „кафе“ и сады съ крѣпкими напитками, такъ и должны остаться „съ крѣпкими напитками“. Такжѣ и магазины должны впредь торговатъ дорогими алкогольными напитками, предназначенными обслуживать „интеллигентію“...

Признаться, мы ожидали всякихъ курьезовъ въ борьбѣ за алкоголь. Но такого курьеза, какимъ подарилъ Русь названный сановникъ, мы не ожидали. И въ этомъ курьезѣ собственно заключается странная трагедія Россіи.

Въ самомъ дѣлѣ, когда намъ говорили, что нельзя воспретить совершенно продажу алкогольныхъ напитковъ; потому что государственная казна потерпѣть огромный ущербъ,— мы въ этихъ доводахъ видѣли только полгоря. Правда, мы имѣли предъ собою копиарный государственный далѣтническій, при наличности котораго наши финансисты полагали, что строить государственное благополучіе можно на выжимкахъ изъ кармана отравленныхъ алкоголемъ народныхъ массъ. Они не могли досмотрѣть и понять того, что отравленный алкоголемъ народный карманъ становится до того тощъ, что малѣйшее прикосновеніе къ нему государственному

наго финансиста порождает въ народѣ крайнее озлобленіе и на этой почвѣ такие эксцессы въ политической и экономической жизни Россіи, на угареніе которыхъ государственная же казна часто разоряется!.. Наши финансисты точно притупили въ себѣ тотъ здравый смыслъ, по которому государственная казна зависеть отъ толицы народнаго кармана, а эта толица въ свою очередь—отъ здоровья народнаго организма и его высшей трудоспособности. Изъ такого кармана и изъ такого организма любой финансистъ можетъ сдѣлать для государственной кассы неисчерпаемый источникъ, да еще безъ государственныхъ потугъ, часто очень разорительныхъ для государства, на его оздоровленіе. Какъ ни печально было вѣковое заблужденіе нашихъ финансистовъ въ защитѣ „пьяного бюджета“, но пока дѣло шло только о пополненіи государственной кассы, казалось, можно было покончить съ этимъ заблужденіемъ, изыскавъ новые источники для доходности казны, вполнѣ компенсирующіе ея потери отъ воспрещенія продажи алкогольныхъ напитковъ. И къ этому мы уже подошли...

Но на зарѣ полной побѣды надъ алкоголемъ, вдругъ въ защиту его двинута „тяжелая артиллерія“. Дѣло уже постановлено не на почву оскудѣнія государственной кассы, а алкоголь принимается подъ защиту во имя „либерализма“, точнѣе—„свободы русской интеллигенціи отъ опеки“! Она-де сама за себя постоитъ въ борьбѣ съ алкоголемъ, а потому для нея и пусть остаются первоклассные кабаки и прочіе пьяные дорогіе вертепы, съ утонченнымъ алкоголемъ и разными алкогольными спеціями.

Какая жалкая игра въ высокія слова! Подъ ихъ эгидою хотятъ создать на Руси не что иное какъ „пьяную привилегію“ для русской „интеллигенціи“, хотятъ насадить въ Россіи не что иное, какъ двѣ морали: одну для „народа“, а другую для „интеллигенціи“. Нашъ народъ и безъ того развращается подобнаго рода „привилегіями интеллигенціи“: то на утонченный развратъ, то на безбожіе и проч. А тутъ еще хотятъ создать и новую привилегію—„пьяную“, да еще съ государственной санкціей! Словомъ, хотятъ признать алкоголь зломъ для „народа“ и благомъ для „интеллигенціи“, а черезъ нее и для казны... Но если и допустить то чудовищное и прямо оскорбительное для русской интеллигенціи

явленіе, когда бы она приняла такую „пьяную привилегію“, то не будетъ ли въ такой привилегіи самоотреченія русской интеллигенціи отъ идеяного руководительства народомъ? Вѣдь надобенъ для такого руководства личный примѣръ, личный подвигъ, особенно въ столь тяжкой борьбѣ, какъ борьба съ алкоголемъ. Здѣсь пьющій и одну каплю алкоголя интеллигентъ долженъ самоотверженно отказаться отъ нея ради спасенія своего собрата. А что же это будетъ за борьба съ алкоголемъ, когда „интеллигентъ“ въ рукахъ съ десятирублевою бутылкою коньяку или вина будетъ держать предъ „народомъ“ рѣчь о вредѣ алкоголя и на вопросы „народа“, недоумѣвающаго при видѣ бутылки въ рукахъ „интеллигента,—этотъ послѣдній отвѣтить:“ алкоголь—зло, если въ рубль или полтинникъ за бутылку—и добро—если въ десять рублей!.. Или: „нельзя пить во второразрядномъ ресторанѣ, а только въ перворазрядныхъ!..

Развѣ въ результатѣ такой „проповѣди“ не получится страшное озлобленіе народныхъ массъ противъ „интеллигенціи“ и на этой почвѣ не произойдутъ ли новые экзекуціи?.. И снова не утешитъ ли почва для произрастанія на Руси разныхъ „измовъ“?..

Да и странно: какую это „интеллигенцію“ имѣютъ въ виду, защищая ея „привилегію“ на алкогольные напитки. Извѣстно, что мыслящая русская интеллигенція въ массѣ живеть впроголодь, что ей вовсе не до Петроградскихъ „Медвѣдей“ или „Акваріумовъ“, какъ и не до Московскихъ „Яровъ“ или „Стрѣльнъ“ съ ихъ цыганами. Всѣ эти рестораны и притоны переполняются то толстосумами, то кутилами. Такъ вотъ въ запиту то этой „интеллигенціи“ думаютъ оставить алкоголь царствовать на Руси!.. Желаютъ, чтобы Прасоловы цвѣли въ Россіи... И вотъ не трудно предугадать, что кадры этой „перворазрядно-пьяниструющей интеллигенціи“ будутъ пополняться, что изъ разныхъ второ-и третье-разрядныхъ вертеповъ потянутся, на послѣдніе гроши принарядившись разными путями, кутилы въ „перворазрядные“ вертепы... Эти вертепы процвѣтутъ, народное раззореніе также „процвѣтѣтъ“ и мы увидимъ новыя и болѣе ужасныя картины всевозможныхъ преступлений, виновники которыхъ будутъ реабилитировать себя на судахъ тѣмъ, что нельзя-де было выпить во второ-

разрядномъ, а надо было, по закону, идти въ перворазрядный, для чего требовалось добыть деньжонокъ: ну, и добыть вотъ цѣною уголовщины, — я де тутъ не причемъ “... И польются тогда рѣчи о „соціальному злѣ“, для устранинія котораго надо де снова открыть алкоголю двери сверху—донизу!..

Нѣть, ужъ коли борьба со зломъ, такъ борьба идеяная и повсюдная: отъ палаты до хижины. Дасть палата примѣръ, вдохновить, и хижина воспрянетъ. А на *двойкой морали* только пуще прежняго озвѣрѣть Русь. Когда народъ увидѣть, что интеллигенція и для себя считаетъ зломъ то, что воспрещаетъ и ему, тогда онъ проникнется довѣріемъ къ интеллигенціи и на этой почвѣ обновится и процвѣтѣтъ Русь.

Мы твердо вѣримъ, что истинная русская интеллигенція съ ужасомъ отринетъ отъ себя „пьяную привилегію“ и охотно, если не ради себя, то ради народа, сдастъ и себя подъ „опеку“ государственной трезвости. Она сердцемъ пойметъ, что здѣсь нѣть мѣста самолюбію и что непростительно играть на его струнахъ, когда дѣло идетъ о спасеніи сотенъ миллионовъ русскаго народа, когда рѣшаются вопросы: быть или не быть Руси славной и мощнай.

V.

Въ борьбѣ за трезвость.

Извѣстно, что во главѣ борющиихся за трезвость у насъ на св. Руси давно сталъ первоіерархъ Русской Церкви Петроградскій митрополитъ Владимиրъ. Въ нашемъ журнальѣ уже не разъ отмѣчались чисто подвижническіе труды Митрополита Владимира на трезвенної нивѣ—жизненной и литературной. Въ м. Августѣ св. Архіпастырь обратился съ особымъ письмомъ къ Предсѣдателю Совѣта Министровъ, прося у этого высокаго сановника содѣйствія въ дѣлѣ отрезвленія Руси путемъ воспрещенія къ продажѣ алкогольныхъ напитковъ. Съ такою же просьбою къ высокочтимому Предсѣдателю Совѣта Министровъ обратились въ м. Августѣ и православные міряне—члены Петроградскаго Матоевскаго православнаго міссионерскаго братства, какъ и многочисленные ихъ единомышленники. Ихъ слезница заслуживаетъ вниманія, почему мы и приводимъ ее:

— „Ваше Высокопревосходительство! Мы, вѣрные сыны святой православной Церкви и преданныйши слуги Царя и Родины, дерзаемъ обратиться къ вашему высокопревосходительству, какъ къ главѣ русскаго правительства и какъ къ глубокопочитаемому нами сановнику, съ слезною мольбою въ надеждѣ, что вы родственнымъ намъ по духу сердцемъ своимъ поймете нашу слезницу и внемлите ей.

Нѣть въ мірѣ другого врага, который бы такъ сильно терзалъ душу и тѣло русскаго народа на всемъ пространствѣ Русской Земли какъ пьянство, какъ алкоголь. Этотъ врагъ гонить православныхъ русскихъ людей въ кабалу разныхъ религіозныхъ лжеученій, онъ-же закабаляеть русскихъ людей и экономически и политически разнымъ ино-родцамъ и иностранцамъ. Вѣками нося этого страшнаго врага на своеемъ хребтѣ, Святая Русь безсильна, точно сплененная имъ, развернуться во всю дивную моць своего духа, безсильна жить у себя дома по своему русскому укладу, безсильна у себя дома прежде всего сама пользоваться духовными и материальными благами своей земли. Вы, ваше высокопревосходительство, своимъ православнымъ русскимъ сердцемъ вѣдаете это лучше насть, и если мы дерзаемъ обѣ этомъ говорить, такъ только потому, что и у насть отъ избытка скорби въ сердцѣ говорять уста.

Какъ возрадовались мы, когда въ эту страшную годину военной брани съ злѣйшими врагами Святой Руси—нѣмцами русское правительство святымъ своимъ порывомъ сразу даровало русскому народу побѣду надъ его самымъ жестокимъ врагомъ—алкоголемъ, воспретивъ продажу крѣпкихъ и вообще алкогольныхъ напитковъ и тѣмъ давъ возможность Святой Руси стать предъ ея врагами—нѣмцами во весь ростъ своей несокрушимой духовной и физической моці. Побѣда надъ врагами была обеспечена.

Но вотъ въ настоящее время мы обуреваемся неутѣшиною скорбю. Снова предначертано разрѣшить къ продажѣ алкогольные напитки: водку, вино и пиво. Снова Святая Русь на своеемъ хребтѣ понесеть своего вѣкового и страшнаго врага. Снова польются по лицу земли Русской моря и рѣки слезъ и крови, нашей драгоцѣнной русской крови,—польются слезы нашихъ русскихъ семей, и снова Святая Русь застонеть отъ этой внутренней брани, застонеть нынѣ, какъ

никогда, такъ какъ народъ невиданный доселѣ массами ринется топить въ пьяномъ морѣ свое горе отъ виѣшней съ нѣмцами брані.

Ваше высокопревосходительство! Внемлите нашей слезной и колѣнопреклоненной мольбѣ: всею полнотою дарованной Вамъ отъ Бога и Божьяго Помазанника, нашего Царя-Батюшки, власти окажите содѣйствіе спасенію Святой Руси отъ алкоголя, о чёмъ молимся денno и ноцно,—если ужъ не на-всегда, то хотя бы на все время тяжкой брані съ нѣмцами за славу и честь Святой Руси. До гробовой доски мы готовы нести всякия материальныя тяготы въ пополненіе нашей государственной казны, чтобы и она процвѣтала на славу дорогой Россіи, — только да будетъ совершенно низвергнуть съ хребта народа русского алкоголь.

Простите за дерзновеніе: ревность по Святой Руси снѣдѣтъ насть, надежда на Васъ окрыляетъ насть“.

Эти мольбы православнаго русскаго народа, возглавленнаго въ святомъ дѣлѣ отрѣзленія Руси первоіерархомъ Русской Церкви митрополитомъ Петроградскимъ Владиміромъ, дошли до сердца Царя-Батюшки, и Государь Императоръ, какъ уже было оповѣщено, воспретилъ продажу спирта, вина и водочныхъ издѣлій въ Имперіи впредь до окончанія военнаго времени. Теперь отъ русскаго народа зависятъ дальнѣйшія судьбы алкоголя въ Россіи: понатужится Русь, восполнитъ убыль въ казнѣ, и алкоголь совсѣмъ исчезнетъ съ лица Русской Земли.

Богъ въ помоць Святой Руси въ ея борьбѣ съ страшнымъ „зеленымъ зміемъ“!

VI.

Далила изъ „Биржевки“.

Что то до-нельзя дикое пришлося мнѣ совершенно случайно прочитать въ вечерней „Биржевкѣ“ за 25 августа, въ статейкѣ г. Ясинскаго: „*И мой откликъ*“.

Чувствуется, что г. Ясинскій желалъ поразить читателей виртуозностью мысли на злобу нашего времени И получилось у него нѣчто въ родѣ отброса съ космополитической кухни.

Видите-ли, г. Ясинский возжаждалъ „рыцарства“, И конечно, прежде всего въ писательской средѣ. Онъ вознегодовалъ на русскихъ драматическихъ писателей, которые „первые“ выступили противъ нѣмецкихъ писателей, а равно не похвалилъ и нѣмецкихъ писателей, выступившихъ противъ русскихъ писателей въ отпоръ. Видите-ли: „тѣ и другіе совершили грѣхъ противъ того духа истины, свѣта и красоты, которому мы, писатели, всѣ должны служить, ибо нѣть ни нѣмецкаго свѣта, ни русскаго—есть одно великое, свѣтозарное и всеоживляющее солнце, имя которому Литература“. И вотъ г. Ясинский въ защиту этого „Солнца“ и откликнулся.

Однако, отъ этого напыщенаго „отклика“ такъ и вѣсть писательскимъ маразмомъ. Ну, кто-же это можетъ, находясь въ порядкѣ мыслей, обожествлять какую-то „Литературу“, вѣя ея содержанія, вѣя ея творцовъ, вѣя того, что мы называемъ идеями?... А если такъ, то выступленіе русскихъ писателей противъ нѣмецкихъ является не выступленіемъ противъ какой-то богини—„Литературы“, а противъ идей нѣмецкаго народа, противъ всемірнаго нѣмецкаго лицедѣйства, когда на словахъ они вѣщали одно, а дѣлами вскрыли свой подлинный варварскій ликъ: отъ такихъ фарисеевъ пера русскіе писатели не желаютъ даровъ на всемірный алтарь мира и благоволенія въ людяхъ.

И этого святого возмущенія русскихъ писателей нѣмецкимъ лицедѣйствомъ—не уразумѣлъ писатель изъ „Биржевки“!...

Въ поискахъ за виртуозностью г. Ясинский воспѣваетъ далѣ „рыцарство“ неизвѣстныхъ русскихъ офицеровъ, которые-де, истребивъ „гусаръ смерти“ и найдя на убитомъ графѣ Штольбергѣ крупную сумму денегъ, отослали ее въ Данцигъ супругѣ убитаго непріятеля.

Допустимъ, что это могло случиться. Но что же здѣсь „рыцарскаго“? Если вникнуть въ существо дѣла, такъ мы имѣемъ и здѣсь дѣло съ „трагедіею рыцарства“, съ превратнымъ пониманіемъ долга „рыцарства“. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ себѣ, что наши воины будутъ совершать такие „подвиги“ подъ градомъ пуль графовъ Штольберговъ, подъ стоны убитыхъ этими графами русскихъ воиновъ и подъ

вошли обездоленныхъ тѣми же графами русскихъ семей, нерѣдко испытывающими нужду въ грошѣ. Не покажется ли все это просто дикимъ, ничего общаго не имѣющимъ съ подлиннымъ рыцарствомъ, а представляющимъ собою какую-то маниловщину, не то тошнотворную поддѣлку подъ рыцарство. Въ Данцигѣ графиня Штольбергъ, упитанная крупными суммами, будетъ получать отъ русскихъ воиновъ „крупныя суммы“ ея мужа убийцы русскихъ воиновъ, и на эти суммы будетъ ковать новый мечъ въ отмѣнѣ русскимъ!.. Какое „рыцарство“,—восклицаетъ г. Ясинскій.

Скоро намъ будуть навязывать подъ видомъ „рыцарства“, чтобы мы возили пленныхъ враговъ въ салонъ-вагонахъ, поили ихъ „птичымъ молокомъ“ и кормили соловинными языками, а то и прямо кланялись бы имъ въ ноги за оказанную намъ честь быть у насть „въ гостяхъ“ послѣ убѣнія нашихъ отцовъ и дѣтей.,.

И до чего пошло это „рыцарство!..“

Нужна во всемъ мѣра. Мы должны обходиться съ врагами милосердно, но неходить границъ милости и не превращать милосердія въ какое-то безчинствующее „рыцарство“, въ какое-то расшаркиваніе и лелѣяніе враговъ. Иначе скоро пленные Штольберги и сами потребуютъ у насть салонъ-вагоновъ и соловинныхъ языковъ.

И во всемъ этомъ выпадѣ г. Ясинскаго такъ и звучить старая рабская, насыщено привитая и русскому народу, приниженность предъ разными „бергами“ и „бургами“...

Пора отрезвиться!..

VII.

Выходка „Вечерняго Времени“.

Казалось, что въ столь тяжкое для Россіи время не мѣсто въ русской прессѣ разныя выходки по адресу православныхъ церковныхъ лицъ или учрежденій, тѣмъ болѣе,— выходки, пренеполненныхъ тенденціозной лжи. А, между тѣмъ, къ прискорбію, „Вечерннее Время“ стоять и нынѣ на почвѣ клеветъ по адресу церковныхъ учрежденій. Такъ, оно напечатало замѣтку: „Монахини и война“. Указывая на то,

что „строительница“ (жертвовательница!) Петроградского подворья Воронцовского женского монастыря А. М. Терентьева, имѣющая за свой даръ подворью при подворьѣ монастырскую квартиру, выразила желаніе отдать эту квартиру для больныхъ и раненыхъ воиновъ и ухаживать за ними въ качествѣ сидѣлки, и что нѣсколько послушницъ этого подворья записались въ сестры милосердія,— „Вечернее Время“ съ опредѣленною тенденціею отъ себя замѣчаетъ: „Воронцовское подворье не пользовалось симпатіями Петроградскаго епархіального начальства, такъ какъ въ Воронцовскомъ монастырѣ нѣсколько лѣтъ назадъ свили себѣ гнѣадо іоанниты“. Отсюда „Вечернее Время“ дѣлаетъ также съ извѣстною тенденціею выводъ: „Оказывается, что въ минуты опасности отечества религіозныя разногласія наши прекращаются, и всѣ сектанты, и православные, и иновѣрцы съ одинаковымъ воодушевленіемъ спѣшатъ на защиту отечества“.

Насколько святъ поступокъ А. М. Терентьевой и сестеръ подворья, настолько возмутительны къ нему комментаріи „Вечерняго Времени“. Во - первыхъ, А. М. Терентьева не только никогда не была признаваема епархіальною властью за „іоаннитку“, но, наоборотъ, была самой ревностной поборницей православія противъ вторженія на подворье „іоаннитокъ“ и дѣятельно помогала епархіальной власти въ охранѣ Воронцовского подворья отъ „іоаннитокъ“. Она даже много претерпѣла отъ „іоаннитовъ“ и ихъ покровителей. Да же, сестры Воронцовского подворья всегда сочувствовали А. М. Терентьевой и дѣятельно отмѣтили отъ себя „іоаннитокъ“, когда послѣднія старались осѣсть на подворье, пріѣзжая сюда изъ Воронцовского монастыря *Псковской* епархіи. Такимъ образомъ, Воронцовское подворье всегда считалось у епархіального начальства на прекрасномъ счету, какъ зорко оберегающее себя отъ „іоаннитовъ“. Послѣдніе завладѣли было Воронцовскимъ монастыремъ въ *Псковской* епархіи, но успліями синодальной власти и монастырь былъ уже давно очищенъ отъ „іоаннитокъ“.

Отсюда понятно, что трактовать святые поступки А. М. Терентьевой и сестеръ Воронцовского подворья, какъ поступки—де „сектантокъ-іоаннитокъ“, какъ то дозволяетъ себѣ „Вечернее Время“, да еще съ явнымъ упрекомъ по адресу епархіальной власти, можно только въ томъ случаѣ, когда

человѣкъ боленъ дальтонизмомъ или одержимъ крайней злобою, застилающею ему и глаза и сердце...

Ну, хотя бы въ тяжкую для Руси годину не разжигали страстей, не оскорбляли безвинно, не бросали огня въ костеръ, сложенный изъ вопросовъ вѣроисповѣдныхъ и обѣ отношениіи сектъ и иновѣрцевъ къ отечеству!..

Надобно единеніе. Но такими сообщеніями „Вечернее Время“ только подниметъ и разбушуетъ вѣроисповѣдныя страсти. А это, конечно, отвлечетъ насъ отъ той цѣли, которая должна сейчасъ владѣть безраздѣльно всѣмъ нашимъ существомъ: *защита Родины отъ наглого врага до послѣдняго вздоха.*

М. Правдолюбовъ.

Бібліографія.

Георгій, Епископъ Калужскій.—Слова, поученія и рѣчи. Калуга. 1914 г. ц. 1 р.

Въ текущемъ году вышелъ въ печати сборникъ проповѣдей Епископа Калужскаго Георгія. Эта сборникъ является цѣннымъ вкладомъ въ отечественную гомилетическую литературу. Поученія еп. Георгія отличаются глубиною мысли, оригинальностью и жизненностью содержанія, простотою и ясностью изложенія... Вопиція въ составѣ сборника проповѣди произнесены въ разное время, начиная съ 1898 г. и кончая 1913, причемъ почти $\frac{1}{2}$ ихъ падаетъ на время академической службы преосвященнаго.—Сборникъ раздѣленъ на 4 отдѣла: 1-й „Слова на высокоторжественные дни“ (стр. 1—16); 2-й—„Слова и поученія въ дни праздниковъ“ (стр. 17—115); 3-ій—„Поученія на постриженіе монаховъ“ (стр. 115—153) и 4-й—„Слова, поученія и рѣчи на разные случаи“ (стр. 154—256). Въ каждомъ отдѣлѣ проповѣди расположены въ хронологическомъ порядке.

„Слова на высокоторжественные дни“ проникнуты духомъ патріотизма и любви къ Государю Императору и Царствующему Дому. По убѣжденію преосв. автора—„Царская власть на Руси есть потребность русскаго народа“ (стр. 3) и все, что касается Государя—находитъ живой откликъ въ народномъ сердцѣ: „Что солнце въ природѣ, то богоизбранный и добрый царь въ государствѣ“... (стр. 11), говорить авторъ. Въ настоящее трудное время, когда Россія особенно чувствуетъ свое единеніе съ Царемъ—эти рѣчи преосвященнаго должны найти самый горячій откликъ въ сердцѣ каждого русскаго человѣка...

Изъ проповѣдей „въ дни праздниковъ“ особеннаго вниманія заслуживаютъ поученія на Страсті Господни. Не-

сомнѣнно, что благоговѣйное и проникновенное раскрытие предъ духовнымъ взоромъ вѣрующихъ различныхъ моментовъ „*viae dolorosaе*“ Спасителя — отъ Геѳсиманіи до Голгоѳы — слѣдуетъ признать глубоко-назидательнымъ. При этомъ поученія преосвященнаго выясняютъ и раскрываютъ не только важнѣйшіе моменты страданій Спасителя, но и иные—новыя темы, какъ, напр., Мрк. XV, 10 — о человѣко-угодничествѣ; Мрк. XV, 21 — о истинномъ крестоношеніи; Іоан. XIX, 25 — о страданіяхъ Богоматери у креста Христова и т. п.—Краткія нравственныя приложения, которыми авторъ сопровождаетъ почти каждое поученіе, обычно составляютъ настолько близкую связь съ содержаніемъ поученій, что совершенно исключаютъ всякую искусственность, и этимъ въ значительной степени выигрываютъ въ силѣ впечатлѣнія и дѣйственности. 3-й отдѣль — это „*поученія на постриженіе монаховъ*“. — Хотя эти поученія были обращены — каждое къ одному лицу (постригаемому), однако они представляютъ и общій интересъ, такъ какъ трактуютъ о такихъ сторонахъ христіанской жизни, которая, находя свое идеальное воплощеніе въ монашествѣ, обязательны и для каждого истиннаго христіанина. Исходя изъ основной точки зрѣнія, что монашество не есть что-либо новое въ христіанствѣ, принесенное сюда, но есть то-же самое христіанство, лишь, такъ-сказать, — кристаллизованное, возвышенное, — преосвященный въ поученіяхъ своимъ юнымъ (въ большинствѣ) постриженникамъ говорить не о недоступныхъ для нихъ подвигахъ аскетизма, не о ненависти и презрѣніи къ оставляемому миру, но о необходимости того внутренняго совершенствованія, возрастанія „*въ мѣру возраста исполненія Христова*“, которое одно можетъ сдѣлать юнаго монаха „*жертвой живой, богоугодной*“. Такъ, преосв. говорить о смиреніи и любви, какъ необходимѣйшихъ условіяхъ успѣшности монашескаго дѣланія (стр. 125—129); о чистотѣ сердца, дающей душѣ инона истинное успокоеніе, которое, какъ „*вѣяніе тихаго вѣтра*“, низводить въ нее Господа (стр. 131—133); о непрестанной молитвѣ, — научая понимать ее, не какъ молитву лишь словъ, но какъ общее настроеніе, проникнутое любовью къ Богу, устремленіемъ ко всему лучшему и высшему — добру, правдѣ, красотѣ... (стр. 142). Въ отношеніи къ миру — преосвященный, поучая удаляться отъ

грѣховной жизни міра (1 Іоан., 2, 15—17), настойчиво предупреждаетъ отъ ригоризма, нетерпимости—равно какъ и отъ компромиссовъ и уступокъ грѣху, кѣмъ-бы послѣдній ни проявлялся... (стр. 146—147). Можно съ увѣренностью сказать, что проникновенное слово Владыки, запечатлѣваясь въ сердцѣ постригаемаго,— и для каждого христіанина представляеть иѣчто цѣнное и назидательное, какъ выясняюще истинный смыслъ христіанства въ возвышенномъ его проявленіи...

„Слова, поученія и рѣчи на разные случаи“ (4-й отдѣлъ) касаются всѣхъ болѣе или менѣе выдающихся событий— какъ церковной и общественно-государственной, такъ и личной жизни преосвященнаго за время служенія его Церкви. Какъ истинный пастырь, авторъ отзыается словомъ назиданія на всякое событие, волнующее въ данную минуту его паству, освѣщающе его свѣтомъ Евангелія и указывая слушателямъ должное христіанское отношеніе къ нему (напр., „рѣчь предъ молебномъ по случаю войны съ Японіей“ и под.). Большинство рѣчей относится къ академической службѣ преосвященнаго. Время его ректоры было обильно выдающимися событиями: при немъ Академія получила именование „Императорской“; при немъ она была посвѣщена блаж. патріархомъ Антіохійскимъ Григоріемъ IV и англиканскими епископами; при немъ она лишилась своего покровителя — начальника † м. Антонія; онъ-же встрѣчалъ и привѣтствовалъ въ Академіи и новаго ея покровителя и попечителя—Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Владимира... Всѣ эти и другія события отмѣчены рѣчами почти цѣликомъ вошедшими въ сборникъ¹⁾, который отъ этого пріобрѣтаетъ интересъ и церковно-литературной характеристики событий.

Изъ другихъ рѣчей выдающимися являются двѣ: по случаю 100-лѣтія со дня рожденія Иннокентія, архіеп. Херсонскаго и актовая въ Тульской дух. Сем.—о стигматизації. Первая представляеть подробную біографію и характеристику личности и дѣятельности этого выдающагося іерарха, величественный образъ котораго въ обширной (154—183 стр.)

1) Слѣдуетъ пожалѣть, что не помѣщено прекрасное краткое привѣтствіе преосвященнаго патр. Григорію—на греческомъ языкѣ.

рѣчи преосвященнаго встаетъ во весь свой колоссальный ростъ, вызывая въ читающемъ чувство восторженного умиленія и преклоненія... Среди многочисленной, посвященной Иннокентію, гомилетической литературы, рѣчь преосв. Георгія можетъ по праву занимать одно изъ первыхъ мѣстъ.— 2-я рѣчь — „о стигматизаціи“ является, скорѣе, научной статьей весьма цѣннаго содержанія, цѣннаго въ особенности потому, что вопросъ о стигматизаціи въ русской богословской литературѣ почти совершенно не разработанъ. Между тѣмъ явленіе стигматизаціи представляетъ глубокій интересъ—какъ съ научно-психологической, такъ и съ религіозно-реалистической точки зреенія. Популярная, строго-научная рѣчь-статья преосвященнаго о стигматизаціи сдѣлала-бы честь любому религіозно-философскому сборнику... Тѣмъ цѣннѣе разсматриваемый сборникъ поученій преосв. Георгія, заключающій въ себѣ, какъ видно изъ настоящаго очерка, столь разнообразныя по содержанію, но равно—высокія по качествамъ произведенія глубоко-проникновеннаго ума, озареннаго благодатію Христовой, (1 Кор. 2, 16) и убѣжденного и согрѣтаго искренней вѣрой религіознаго чувства.

I. A.

Петроградъ. Духовная Академія.